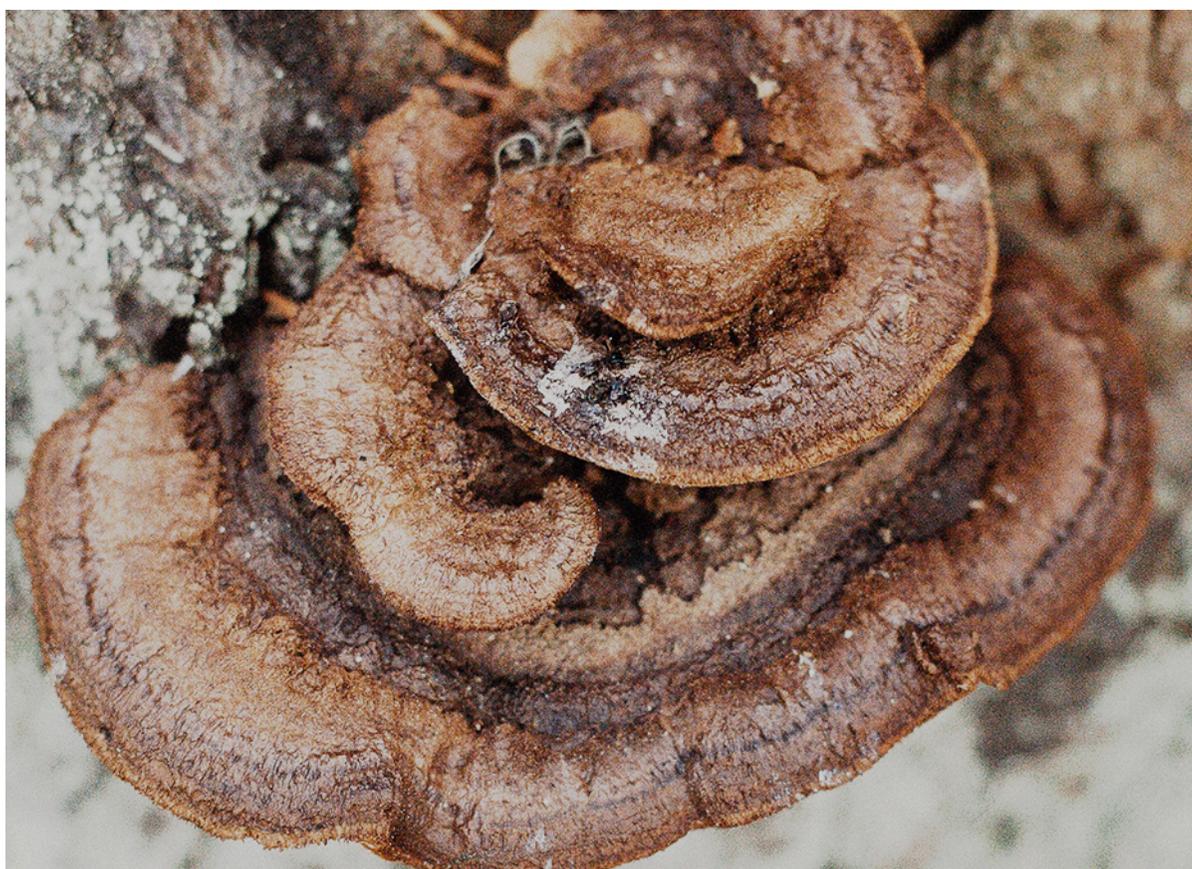

ЭКОПОЭЗИС:

ЭКОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКА

Главные редакторы

Алексеев С.В.
(Санкт-Петербург, РФ)
Левин С.К.
(Торонто, Канада)

**Учредитель
и исполнительный редактор**

Копытин А.И.
(Санкт-Петербург, РФ)

Редакционный совет

Гар А. (Мельбурн, Австралия)
Мамедов Н.М. (Москва, РФ)
Панов В.И. (Москва, РФ)
Робертс Л.К.
(Сан-Франциско, США)
Рут М. (Шони, США)
Харрисон Н.
(Санта-Круз, США)
Ясвин В.А. (Москва, РФ)

Редакционная коллегия

Александрова Н.М.
(Санкт-Петербург, РФ)
Анзе П. (Торонто, Канада)
Аткинс С. (США)
Бергер Р. (Нетания, Израиль)
Бурганов И.А. (Москва, РФ)
Лопухова О.Г. (Казань, РФ)
МакНифф Ш.
(Кембридж, США)
Рябиков В.В. (Москва, РФ)
Уитакер П.
(Дублин, Ирландия)
Чжоу Т.Ю. (Пекин, КНР)

Редакция

Э'Коурт Б. (Финдхорн,
Великобритания)
Дворникова А.В.
(Санкт-Петербург, РФ)

Перепечатка материалов
и использование их в любой
форме, в том числе и в элек-
тронных СМИ, возможны
только с письменного разре-
шения издателя.

E-mail: alkopytin59@gmail.com

Тираж: 500 экз.

ISSN 2713-1831

© Экопоэзис, 2021

Содержание

Колонка редактора
Задача экопоэзиса 3

В поисках экогуманитарной парадигмы: теория, методология, концепции

Гар А.
Экоцивилизация и экопоэзис: создание мирного миропорядка 6
Романов К. В., Берк Д.
Идейное наследие Поля Вирильо 18

Практики и технологии экогуманитарного подхода

Алексеев С. В., Оганов Р.С., Тутьнина Е.В.
К вопросу об оценке уровня экологической культуры
населения Санкт-Петербурга 30
Панюкова Ю. Г.
Методический потенциал отечественной экopsихологии 43
Рейз Д.
Созание дома для отношений: становление широких связей
в мире природы 50

Личные взгляды

Уэст С.
Экологическое горе — реальность 66

События. Библиография. Интервью

Интервью с Майклом Мардером 76
Интервью с Джин Дэвис и Нэнси Ву 84
Интервью с Вадимом Рябиковым 91
Интервью с Оразом Абулхаиром 101

Новости и события

Международный фестиваль дикой природы «Золотая черепаха» 114

Основная причина, побудившая нас создать журнал «Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика», заключается в том, что мы находимся в эпицентре экологического кризиса. Сами того не желая, мы превращаем среду нашего обитания в пустыню. Изменения климата является лишь одним из проявлений этой трансформации. Помимо пожаров и наводнений, вызванных повышением температуры, мы видим спровоцированное человеческой деятельностью уничтожение бесчисленного множества видов живых существ и загрязнение всего и вся: воды, которую мы пьем, воздуха, которым дышим, земли, на которой мы стоим. Наблюдая все это, нельзя не согласиться с мнением Майкла Мардера, который в своем интервью нашему журналу говорит о том, что мы превратили Землю в свалку. Неудивительно, что экологическое горе — это то, что все мы в той или иной мере испытываем.

Являются ли люди по своей сути деструктивным видом? Заложено ли в нашей природе то, что мы действуем таким образом, что Земля воспринимается нами лишь как объект для удовлетворения наших собственных потребностей? Мы можем признать, что далеко не всем человеческим сообществам свойственно такое деструктивное поведение. Коренные культуры характеризуются преимущественно более гармоничными отношениями людей с окружающим миром. Более того, в мире есть много мест, где люди стараются строить свои отношения с жизненной средой на взаимовыгодной основе. Природосберегающие подходы к ведению хозяйства, пермакультура и другие практики направлены на предупреждение разрушительных эффектов человеческой деятельности. Человечество осознает остроту экологических проблем и предпринимает шаги по их решению, хотя его усилия, связанные с их решением, пока явно недостаточны и кажутся запоздалыми.

Разрушительные последствия человеческой деятельности на окружающую среду не означают, что существование человека на планете само по себе является проблемой. Проблемными являются лишь такие отношения

людей к своей жизненной среде, которые являются следствием определенных социальных и исторических процессов. Сложившиеся формы властных отношений, основанных на доминировании одних над другими, колониализм и патриархат являются частью этих процессов. И все же было бы ошибкой прибегнуть к тотальной переоценке ценностей и пытаться вернуться к состоянию первозданной чистоты и невинности, которое могло бы сулить полное равенство и гармонию как в отношениях между людьми, так и людьми и иными формами жизни. Утопии, связанные с построением такой реальности, где природа не была бы затронута человеческой деятельностью, вряд ли осуществимы. Люди — культурные существа. В отличие от других видов, они не приспособлены к жизни в естественной природной среде. В интересах своего выживания человек трансформирует мир вокруг себя. Это является и бременем, и даром: бременем, потому что от людей требуются постоянные усилия, чтобы превратить природу в свою жизненную среду; подарок, потому что это означает, что мы можем адаптироваться к изменяющимся условиям и творчески реагировать на изменения.

Каким же может быть наш творческий ответ на происходящее сегодня разрушение окружающей среды? Члены редакционно-издательского совета и авторы журнала «Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика» работают на платформе экогуманистики, используют различные художественные, образовательные и терапевтические практики. Как в терапии, так и в образовании, и в художественно-творческой деятельности есть то, что противостоит характерным для нашей эпохи тенденциям доминирования и насилия. Общим знаменателем экогуманистики в разных областях и формах ее практического воплощения является *poiesis*. Сам термин взят из греческого языка и использовался для обозначения созидательных, творческих начал в природе и в человеке. И производство, и потребление могут быть актами поэзиса, так же как поэтическими могут быть технологии. Хайдеггер указывает,

что *techne* и *poiesis* изначально были взаимосвязаны. Однако, когда технология отделяется от поэтического акта, она становится формой господства над другими.

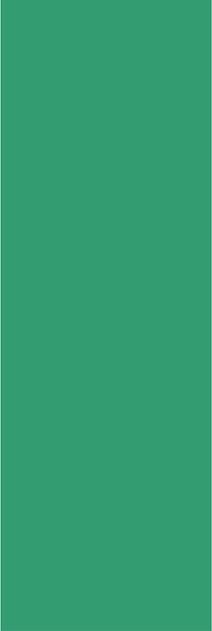
Если мы посмотрим на психотерапевтические отношения, мы увидим, что положительные изменения происходят не тогда, когда у психотерапевта есть повестка дня, которую он навязывает клиенту, а когда он поддерживает те психологические механизмы, которые характерны для личности клиента. Это предполагает реализацию психотерапевтом позиции «отпускания», аналогичной хайдеггеровскому чувству *Seinlassen* (отпускания) как альтернативы технологическому господству. Точно так же художник не может диктовать производству свои условия, поскольку одним из условий для творчества является позиция открытости — восприимчивости к внешнему и внутреннему миру, позволяющая скрытым потенциалам явить себя и обрести собственную форму.

Восприимчивость важна как для искусства, так и для терапии, но она должна быть дополнена активными отношениями. Мы могли бы назвать эти два режима «удержанием» и «формированием». Формирование — это

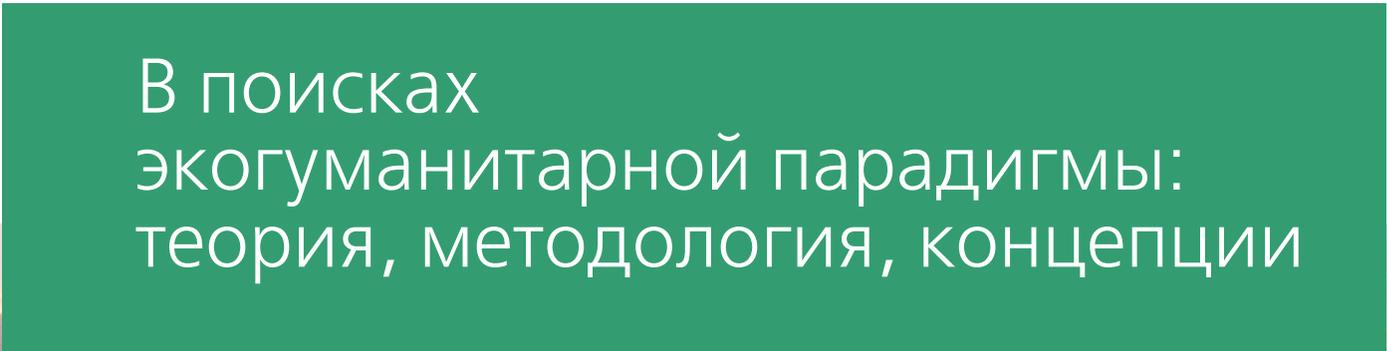
человеческая творческая реакция на то, что возникает внутри человеческого существа и окружающем мире для того, чтобы помочь зарождающимся явлениям обрести свою собственную форму. Эстетическая ответственность арт-терапевта состоит в том, чтобы создать условия чтобы клиенты нашли свой собственный ответ на то, что возникает в их жизненной ситуации. Эстетическая реакция — это реакция, в которой клиенты, так, впрочем, и любой индивид, оказываются творчески окрыленными тем, что они делают. Эстетическая реакция позволяет почувствовать и создать нечто красивое, но не в смысле формы, которую можно беспристрастно созерцать со стороны, а в смысле особого телесного, эмоционального и наполненного смыслом переживания, сопровождающего диалог, сотворчество человека с миром или другим субъектом.

Гельдерлин писал: «Поэзией живет на свете человек». Задача эколоэзиса — восстановить этот поэтический образ жизни. Мы надеемся, что журнал «Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика» внесет свой вклад в решение этой задачи.

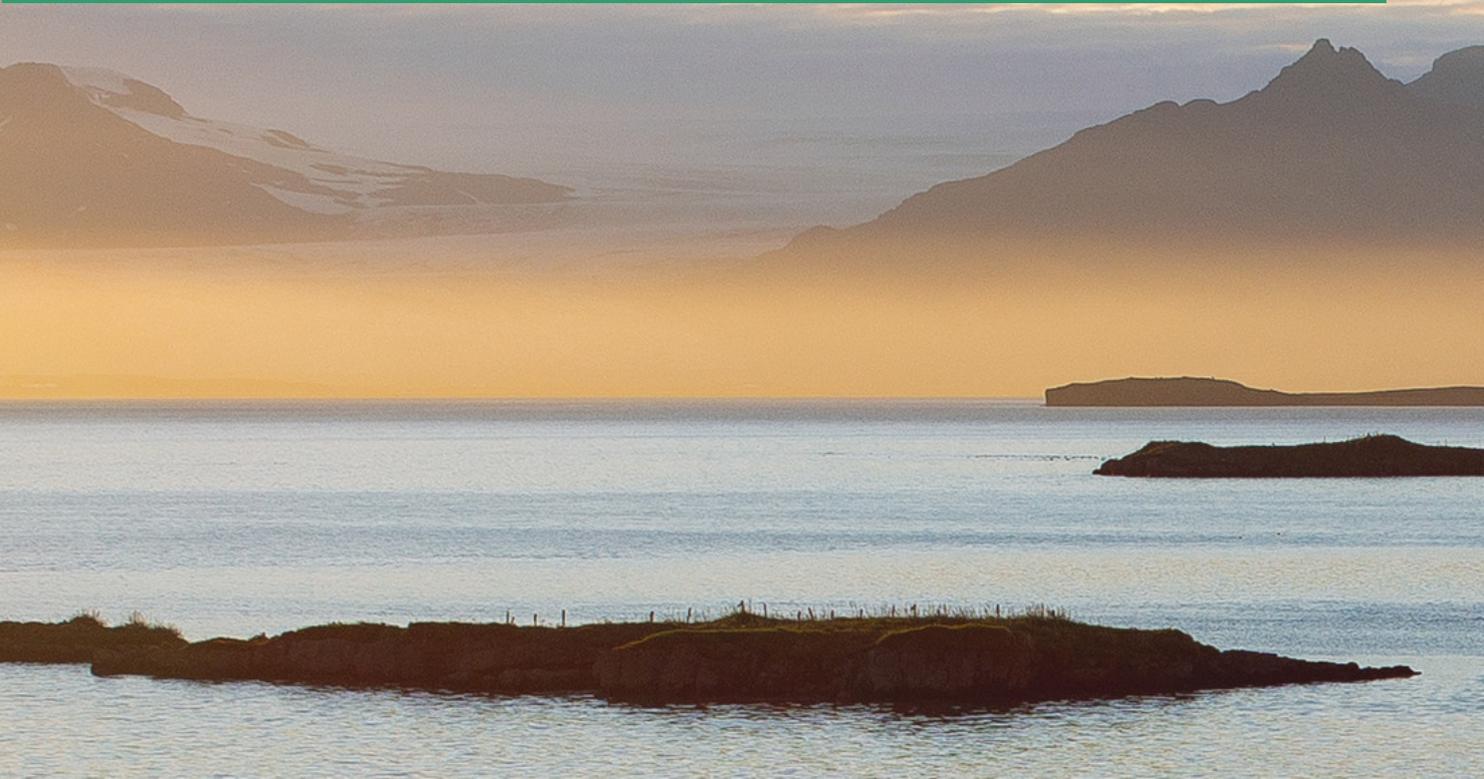
Стивен К. Левин

Раздел

В поисках
экогуманитарной парадигмы:
теория, методология, концепции

ЭКОЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЭКОПОЭЗИС: СОЗДАНИЕ МИРНОГО МИРОПОРЯДКА

ГАР Арран

адъюнкт-профессор в области философии и культурных исследований, Университет Суинберн (Мельбурн, Австралия). В центре его научных разработок — трансформация культуры для создания глобальной экологической цивилизации

Аннотация. Несмотря на множество причин для пессимизма, автор статьи утверждает, что угроза глобального экологического разрушения дает стимул для сотрудничества не только через систему международных отношений, но и посредством организации общества и его институтов, формирования безопасной среды обитания. Чтобы координировать поиски мирного, экологически оправданного и устойчивого мирового порядка или «экологической цивилизации», необходимо сформулировать новый глобальный нарратив, основанный на экологическом, а не механистическом мышлении. Одной из актуальных задач при этом может являться проектирование и постройка новой архитектуры, определяющей образ жизни и опыт людей. Экопоэзис как принцип нового типа существования связан с новым подходом к градостроительству в соответствии с идеями Кристофера Александера.

Ключевые слова: экопоэзис, экоцивилизация, экология человека, архитектура, морфогенез

Введение

Российско-американский ученый-эволюционист и историк Петр Турчин предлагает оптимистичный взгляд на будущее человечества, несмотря на то что его исследования сосредоточены на изучении опыта войн в истории человечества [39]. Его аргумент, представленный в *Ultra Society* [40], состоит в том, что способность к сотрудничеству между людьми намного выше, чем у любого другого вида живых существ, несмотря на их склонность к конфликтам, 10000 лет ведения постоянных войн сделали современных людей готовыми к сотрудничеству в большей мере, чем в предыдущие исторические эпохи. Есть основания надеяться, что человечество может создать мирный миропорядок. Такой оптимизм кажется странным, поскольку мы сталкиваемся с экологическими катастрофами, началом новой холодной войны между Китаем и США, и этот конфликт в значительной степени вызван стремлением сверхдержав обеспечить себе ресурсную и продовольственную безопасность. С подрывом веры в универсальные ценности предсказания

Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций претворяются в жизнь [26]. Принципиально иной сценарий, нежели тот, что предсказан Турчиным, может заключаться в том, что XXI век будет характеризоваться нарастанием конфликтов, нарушением международного сотрудничества и даже крахом цивилизации, поскольку люди будут бороться за выживание в новой ситуации разрушения глобальной экосистемы.

Однако идеи Турчина дают основания для надежды. Основная концепция, разработанная Турчиным в его работе «Историческая динамика: почему государства возникают и исчезают» [38] и «Война, мир и война» [39], — это концепция «асабии», заимствованная у исламского ученого XIV века Ибн Халдуна (1332–1406), который утверждал, что асабия является ключом к истории. Асабия — это способность большого количества людей координировать свою деятельность. Ибн Халдун видел, что такая способность возникает в небольших племенных сообществах и усиливается благодаря религиозной приверженности, но затем ослабевает по мере того, как население перемещается в города. Турчин

[38, гл. 4] утверждал, что исторически асабия наиболее полно развивалась в «метаэтнических» обществах, живущих в непосредственной близости от могущественных государств с очень разными культурами, угрожающими самому их существованию. Асабия позволила этим сообществам выживать, расширяться, создавать империи, состоящие из крупных многонациональных территориальных государств со сложной структурой власти. Однако эти империи могли существовать только до тех пор, пока сохранялась асабия их основных членов. Это теряется с растущим расслоением общества. Рим, который изначально боролся за выживание на краю греческой цивилизации, проиллюстрировал развитие асабии, а также взлеты и падения такой цивилизации.

Осуществляя свою работу в Ultra Society, Турчин показывает, как империи генерировали новые формы сотрудничества, связанные с большим сообществом людей. Подводя итоги своему историческому исследованию, Турчин пишет:

«В начале нашего эволюционного пути мы избавились от альфа-самцов, которые правили нашими предками-обезьянами (и продолжают править сообществами шимпанзе и горилл). ...Сотни тысяч лет мы жили в обществах, в которых было мало различий, кроме возраста, пола и заработанной репутации. Потом что-то случилось. Примерно 10000 лет назад эгалитарная тенденция изменилась. Альфа-самцы вернулись в облике королей-богов. Они притесняли нас, порабощали и приносили своих подданных в жертву на алтарях своих кровожадных богов. Они наполнили свои дворцы сокровищами, а свои гаремы — самыми красивыми женщинами. К счастью, короли-боги просуществовали недолго. Последовал еще один великий поворот. ... Человеческие жертвы и обожествленные правители вышли из моды». [38, P. 21–22.]

Эти наблюдения не новы, но Турчин утверждает, что ход истории может измениться: «Война — это разрушительная сила... но есть основания полагать, что в конце концов она уничтожит себя и создаст новый мир без войны» [38, P. 22].

Общества, которые преобладали в этих войнах, характеризовались способностью

к сложной организации, и развитие такой организации привело к преодолению властного эгоизма правителей. Это началось с цивилизаций, существовавших в период между 800 г. до н.э. по 200 г. н. э., эпохи зарождения великих религий, и продолжается с тех пор. Турчин указал на уровень сотрудничества, достигнутый в настоящее время, примером чего является создание международной космической станции благодаря сотрудничеству США и России. Проект по ее созданию предполагал координацию деятельности около трех миллионов человек, что по числу вовлеченных лиц значительно превосходило любые совместные проекты, реализованные предыдущими цивилизациями. Такой координации, утверждает Турчин, трудно достичь, но ее легко можно потерять.

В другой своей работе [40] Турчин описал текущее состояние США с их растущим неравенством, высоким уровнем насилия и неспособностью их политиков сотрудничать. Похоже, что без реальных угроз массовой гибели асабия и способность координировать действия людей, а также доверие, необходимое для такой координации, начинают распадаться. Однако именно глобальный экологический кризис, который угрожает всему человечеству, мог бы послужить возрождению асабии в глобальном масштабе, предоставив средства для координации усилий огромного количества людей, создав экологически устойчивую цивилизацию. Поддержание этой асабии потребует более эгалитарного и гуманного порядка, начиная с местных сообществ и заканчивая глобальным масштабом сотрудничества, и именно таким образом может быть реализовано ультрасообщество, спроектированное Турчиным.

От экологической культуры к экологической цивилизации

Идея о том, что глобальный экологический кризис может способствовать созданию мирного миропорядка, была высказана Иваном Фроловым на конференции в Центре истории и философии науки Бостонского университета в 1985 году (на которой я присутствовал). Фролов был очень влиятельным философ-марксистом, который был тесно связан с Михаилом Горбачевым и впоследствии стал

редактором газеты «Правда». Он утверждал, что преодоление глобального экологического кризиса может стать основой для объединения человечества, прекращения холодной войны и угрозы ядерного уничтожения.

Фролов вместе с другими советскими марксистскими философами и учеными был вовлечен в переформулирование марксистской философии, чтобы переосмыслить роль науки и техники и место этики в обществе, предложив новый синтез марксизма, науки и гуманизма [8]. При этом Фролов взаимодействовал как с господствующей западной мыслью, в которой преобладает редукционистская наука, так и с западным марксизмом. Он в значительной степени опирался на экономические и философские рукописи Маркса, чтобы доказать, что люди должны рассматривать себя не как отделенных от природы, а как участников природных процессов. Он также ссылаясь на работы Владимира Вернадского и его концепции биосферы и ноосферы. В статье, написанной с Виктором Александровичем Лосем из Института философии Академии наук СССР, он доказывал ценность природы, не сводимой к ее экономической полезности, и отвергал точку зрения, согласно которой люди должны доминировать над природой. Авторы отмечают, что под влиянием кризисной социальной и экологической ситуации человек постепенно уходит от иллюзий антропоцентризма и отказывается от традиционного гегемонистского отношения к природе. Его мышление перестает ограничиваться представлениями, сосредоточенными на собственных потребностях, его деятельность приобретает все более широкую биосферную направленность, а его мышление тянется к биоцентризму [8].

Характеризуя собственные взгляды, Фролов указывал на свою связь с марксизмом-ленинизмом, но с опорой на ранние работы Маркса, считал себя близким к «западным марксистам». Что отличало взгляды Фролова от этих западных марксистов, так это его отказ признать, что наука свободна от ценностей, не имеет отношения к этике и является лишь средством развития технологий. Его идеи можно признать попыткой возрождения традиции радикальных идей, которая развивалась в России в первые десятилетия двадцатого века, особенно в 1920-е годы. Это было связано с радикальным крылом большевиков,

группой «Вперед», вдохновленной Александром Богдановым и Анатолием Луначарским, ставшим наркомом просвещения. Эти радикалы выступали против капитализма и бюрократии, то есть правления менеджеров, и выступали за демократическую организацию труда, а не за командную экономику [10]. Наряду с социальной философией Маркса, Богданов [5] находился под сильным влиянием последних достижений науки и разработал общую теорию организации, тектологию. Им было предложено не просто интерпретировать мир в соответствии с научным знанием, но и предоставить работникам средства для понимания достижений естественных и гуманитарных наук и для определения их отношений друг с другом и с природой [11, 45]. Отвергая модель базиса надстройки общества, Богданов характеризовал технологию и идеологию как разные измерения культуры. Богданов и Луначарский призывали к созданию новой культуры, или «Пролеткульту», систематизирующей весь опыт прошлого, включающего все лучшее в предыдущих исторических эпохах. Они считали, что это предоставит работникам, в том числе ученым, художникам и интеллектуалам, возможности для самоорганизации, вместо того, чтобы выступать слугами менеджеров и технократов.

Эта традиция мысли была подавлена с наступлением сталинизма. Однако Ленин был защитником окружающей среды, а в дореволюционной России существовали сильные традиции наук о Земле, включая экологию [43, гл. 1]. Ленин выдвинул Луначарского как сильного защитника окружающей среды на роль ответственного за охрану природы, в том числе заповедников, что поддерживало развитие экологии как науки [43].

Советский Союз в то время был мировым лидером в области экологической теории, которая в то время интегрировала представления о термодинамике, а также идеи из «Диалектики природы» Энгельса. Экологи утверждали, что они должны сыграть главную роль в первом пятилетнем плане, определяя, какие направления экономического развития были бы возможными и желательными. Несмотря на сталинские репрессии, многие ученые смогли продолжить свою работу, развивая свои радикальные идеи. [44]. Понятие «экологическая культура» было разработано этими

экологами и широко использовалось начиная с 1970-х годов [20]. Экологи возродили проект по развитию новой культуры, отводя центральное место экологии. В этом возрождении экологических идей 1920-х годов также видны усилия по возрождению гуманитарных наук, в частности, с помощью семиотики. С этим движением была связана тартуская / московская семиотическая школа, которую первоначально возглавил Юрий Лотман, считавший Михаила Бахтина своим главным источником вдохновения [30, Р. 29]. Это идеи, которые Фролов и его коллеги помогали реанимировать.

Понятие «экологическая культура» было в дальнейшем поддержано Цяньцзи Е., китайским ученым-экономистом в области сельского хозяйства, работавшим в то время в Советском Союзе. В 1984 году он опубликовал в журнале Московского университета статью, посвященную научному социализму, а в 1987 году она была опубликована в китайской газете. Термин «экологическая культура» был переведен как «экологическая цивилизация» (шенгтай вэньминь). При поддержке китайских защитников окружающей среды в ноябре 2007 года понятие «экологическая цивилизация» было включено в отчет Центрального Комитета во время XVII съезда коммунистической партии Китая и признана правительством в качестве важнейшего положения, определяющего развитие общества. В 2012 году партия включила построение экологической цивилизации в свой пятилетний план. В 2017 году, XIX съезд партии призвал к ускорению строительства экологической цивилизации [25].

Экологическая цивилизация, экология и экопоэзис

Хотя декларируемая задача построения экологической цивилизации признает разрушительные последствия ущерба для местных и глобальных экосистем и реальную угрозу человечеству, смысл понятия «экологическая цивилизация» до сих пор не прояснен. Серьезное отношение к проблемам экологии и работе экологов и климатологов говорит о признании угрозы для будущего всего человечества. Будет ли этого достаточно для того, чтобы государства и политические блоки отложили

в сторону свои интересы и скоординировали свои действия для реализации общих планов по созданию устойчивого мирового порядка? Экологическая цивилизация в ее более радикальной интерпретации предполагает повышение статуса экологии и науки о климате не только как объективного знания природы, но и как фундаментальный вызов господствующей редукционистской науке. Для господствующей науки вселенная в конечном итоге бессмысленна, поскольку все происходящее определяется законами физики, а организмы являются машинами для воспроизведения ДНК, участвуя в борьбе за выживание и воспроизводство в среде. Для более радикальных сторонников экологической цивилизации приверженность ей подразумевает отказ от подобных научных взглядов и утверждение ценности и смысла жизни в качестве центральной категории научного знания. Они работают над фундаментальной трансформацией представлений о жизни, включая отношения людей друг с другом и с природой. Это является по сути попыткой развивать традицию спекулятивного натурализма Фридриха Шеллинга, хотя важность трудов Шеллинга для экологии редко признается [18].

Экология — термин, введенный Эрнстом Геккелем в 1866 году. В буквальном смысле, экология есть наука о «домах» или среде обитания множества живых организмов. Она исследует, как организмы создают условия друг для друга, рециркулируя питательные вещества, делая при этом неживую среду пригодной для жизни. Экология находится в авангарде антиредукционистского мышления, стремится к постижению и научному обоснованию сверхсложных систем жизни, что можно признать чрезвычайно важным для развития науки в целом. Как писал Роберт Уланович [42] в своей книге «Экология: восходящая перспектива», «Экология занимает золотую середину среди разных наук... Действительно, экология вполне может стать предпочтительным театром для поиска принципов, которые могут иметь очень широкое значение для науки в целом. Если мы ослабим давление наших предрассудков, связанных с механистическим мышлением, мы увидим, что экология на самом деле может стать ключом к радикальному скачку в научной мысли. Новый взгляд на то, как устроена и функционирует жизненная среда, вероятно, может

разрушить концептуальные тупики, которые в настоящее время препятствуют прогрессу в понимании эволюционных явлений, биологии развития, остальных наук о жизни и, возможно, даже физики» [42, Р. 6].

По мнению Улановича и его единомышленников — экологов-теоретиков — развитие экологии требует онтологии процессов отношений в сверхсложных системах. С этой точки зрения «вещи» или «объекты» являются формами порождения или структурами, постоянно производимыми в процессе отношений. Как утверждали Кант, а затем Шеллинг, живые организмы активно поддерживают и развивают свои формы вопреки силам окружающей их среды, но при этом также полностью зависят от окружающей среды в отношении питательных веществ и других условий своего существования. Экосистемы — это сообщества взаимодействующих организмов, начиная с живых клеток и заканчивая системой планетарной жизни, элементы которых взаимодействуют таким образом, чтобы сохранить и оптимизировать условия окружающей среды для своего выживания и дальнейшего развития.

Основные достижения в области экологии включают осознание важности симбиоза в эволюции и роли жизни в геологических процессах, включая формирование почвы и изменения в атмосфере, а также центральную роль термодинамики в понимании биологических сообществ, или, как их позже называли, экосистем. Диалектики и теории сложности сосредоточились на динамическом и временном характере любого баланса сил в этих системах. Совсем недавно теории иерархии показали важную роль включения ограничений во все эти процессы. Языковые семиотические системы позволяют людям общаться гораздо более сложными способами, чем другие животные. Тем не менее, важным открытием, повлиявшим на наши представления о функционировании экосистем, является развитие биосемиотики, в том числе экосемиотики, согласно которой жизнь, по сути, является действием знаков [7]. Калеви Кулл [29] утверждает, что связи в экосистемах являются семиотическими связями.

Все это интерпретируется в теории иерархии как особые формы ограничений и поддерживающей деятельности [36]. Экологические

концепции были обобщены, поэтому сами организмы были охарактеризованы как высоко интегрированные экосистемы, а сама Земля — как сложная экосистема, воспроизводящая условия жизни. Представление Вернадского о биосфере было возрождено и усилено, а Лавлок характеризует глобальную экосистему как «Гею». Понятие ноосферы было переформулировано русским / эстонским теоретиком культуры Юрием Лотманом, опираясь на работы школы Бахтина, определившего культуру как семиосферу. Используя семиотику Пирса, вся жизнь на Земле была охарактеризована Джеспером Хоффмайером [24] как семиосфера, а человеческая культура представлена более ограниченным представлением Лотмана о семиосфере, интерпретируемой как главный компонент этой более широкой семиосферы. Экология распространилась на изучение человеческих сообществ. Развитие теории иерархии, нелинейной термодинамики и других достижений в теории сложности, а также интеграция пирсовской биосемиотики и тартуско-московской семиотической традиции с акцентом на семиотику культуры [30] послужили основой для развития экологии человека, охватывающей географию, экономику, социологию и культурологию [19, Р. 199–200].

Все это в корне меняет понимание эволюции и развития. Их уже нельзя понимать как процесс отбора организмов в их конкурентной борьбе за выживание в жизненной среде. Организмы выживают, создавая и увеличивая условия для своего дальнейшего существования. Чтобы выжить в среде, состоящей как из живых, так и неживых элементов, они должны быть в состоянии найти нишу, но при этом они видоизменяют эти ниши. Наиболее успешные организмы — это те, которые расширяют свои ниши и создают новые ниши как для себя, так и для других организмов, которые, развиваясь, еще больше потенцируют окружающую среду. Таким образом они поддерживают здоровье и устойчивость биотических сообществ. Такие ниши создают условия для возникновения новых форм жизни, связанных с новыми константами.

Это видно на примере морфогенеза многоклеточных организмов, которые можно понимать как высоко интегрированные экосистемы. Развивающийся эмбрион создает биополе, которое обеспечивает условия

для появления более специфических биополей, которые заставляют клетки дифференцироваться в различные органы, каждое из которых частично автономно, но семиотически ограничено окружающей средой всего организма [22]. В этом процессе эмбрион постепенно приобретает форму функционирующего взрослого человека. Наиболее важным аспектом этого развития является появление новых моделей действий или процессов, которые ограничены таким образом, что они не разрушают друг друга, а адаптируются друг к другу и дополняют условия для жизни и развития друг друга. Как полагает Хо [23], стабильность организмов зависит от того, что все части информированы, участвуют и действуют соответствующим образом для поддержания целого таким образом, чтобы глобальная сплоченность и локальная свобода были максимальными. Каждая часть настолько же контролируема, насколько чувствительна и отзывчива. Те же морфогенетические процессы участвуют не только в развитии растений и животных, но также в лесах и экосистемах в целом.

Экосистемы становятся все более сложными и разнообразными по мере того, как создаются новые ниши и новые организмы возникают и развиваются в этих нишах, создавая новые живые формы. Жизнь развивается в экосистемах, включая организмы, в процессе *экопоэзиса*, то есть в процессе создания «домов» или ниш для жизни, обеспечивая условия для появления и развития компонентов, которые затем создают условия для новых уровней творческого порождения.

Экопоэзис и человеческая культура

В результате эволюции глобальная экосистема развивалась, чтобы в конечном итоге обеспечить условия для эволюции человека с его гораздо более сложными формами семиозиса, характеризуемого как «культура» [30, 32]. Определение культуры через понятие семиозиса Пирса предполагает признание ее различных измерений. Хотя такой семиозис включает в себя способность конструировать истории и реализовать абстрактные формы мышления, включая математику и естественные науки, все эти человеческие свойства

тесно связаны с практической деятельностью и, в более общем плане, с морфогенезом. Морфогенез — это «вегетативный семиозис», развитие форм организмов на основе унаследованных признаков или информации [28]. Такой морфогенез является интерпретатором среды, с которой организм должен взаимодействовать. Вегетативный семиозис — это условие, при котором организм действует на основе признаков окружающей его среды. Он является условием развития символического семиозиса, связанного с человеком. Символическое измерение семиозиса способствует рефлексивности, помогает человеку размышлять о себе и своих собственных убеждениях, а также убеждениях других людей [6]. У человека есть не только *Umwelten* или окружающая его биологическая или физическая среда, но также *Mitwelten* — окружающая его социальная и культурная среда, с которой он взаимодействует вместе с другими людьми. У индивида также есть его приватный личный мир — *Eigenwelten* или мир «я», а также постигаемые им личные миры других людей и их опыт [16]. Именно эти высокоразвитые формы семиозиса способствуют сложным формам сотрудничества, о которых упоминает Турчин.

Наиболее очевидное развитие культуры связано с развитием технологий, начиная с примитивных инструментов до современных информационных технологий, что обуславливает развитие новых дискурсов, включая мифы, религию, философию, математику, искусство, а также науку и различные литературные жанры. Их эволюция была связана с развитием институтов, основанных на дифференциации человеческих ролей, благодаря которым они получают признание и обретают свою идентичность. Это основа для координации действий людей в сложных организациях и проектах. Все это можно рассматривать как часть среды обитания человека, как компоненты их «социальной экологии» или «домов», понимаемых в очень широком смысле и включающих сообщества разной степени сложности, а также соответствующие формы общения, образа жизни и мышления. Развитие культуры позволило людям приблизиться к экологическому пониманию мира, оценить реальность и значение жизни и преодолеть противоречие между естественными и гуманитарными науками, понять свое место

проявления «массового беспрецедентного психоза, переживая который люди ... создали такую форму архитектуры, которая противостоит жизни. Она безумная, демонстративная, но пустая» [там же, Р. 6]. Застроенная среда — это гораздо больше, чем инструментальная среда для жизни, как ее охарактеризовал Ле Корбюзье. Она является вкладом человечества в морфогенез природы и должна быть оценена соответствующим образом, хотя в настоящее время этот морфогенез явно идет не в том направлении. Застроенная человеком жизненная среда является одним из основных факторов, стоящих на пути эффективного противодействия экологическим проблемам и их решения.

Задаваясь вопросом, что делает архитектуру красивой, Александер высказывает мнение, что модернистская и постмодернистская архитектура некрасива и действует угнетающе. Он утверждает, что красота — это не просто субъективное переживание, но объективно существующая реальность, которая может восприниматься большинством людей. Хотя некоторые люди могут быть слепы к красоте, Александер предоставил доказательства того, что в большинстве случаев все люди сходятся в своих оценках того, что является красивым. Он утверждает, что то, что люди воспринимают как прекрасное, также является тем, что они признают живым или способствующим жизни.

Первоначально Александера интересовало, что такое застроенная среда как произведение искусства, и как сделать ее красивой. Он создал ряд шаблонов, помогающих архитекторам создавать красивые здания. Однако в первом томе своего четырехтомного труда о природе порядка под названием «Феномен жизни» [1] Александер утверждает, что застроенную человеком средой следует рассматривать как особую форму жизни. Он утверждал, что жизнь проистекает из целостности, состоящей из множества центров, которые дополняют друг друга, так что каждый центр оживляет другие центры. Он определил структурные элементы и качества, которые появляются в живых организмах, такие как уровни масштаба, центры, границы, повторения, позитивное пространство, хорошая форма, локальные симметрии, глубокие взаимосвязи и неоднозначность, контраст, градиенты, шероховатость, простота,

внутреннее спокойствие и нераздельность. Он утверждал, что именно отсутствие этих особенностей объясняет ощущаемый недостаток жизни и красоты в большей части современной архитектуры.

Во втором томе четырехтомного труда [2, 13] Александер утверждает, что живы не эти формы как таковые, а процессы, посредством которых они порождаются. Не дизайн дает жизнь продуктам человека, а процессы, с помощью которых они производятся. Основное внимание в этом томе уделяется особому виду процесса, которые он обозначает как «развертывание из целого». Формы живых структур возникают из развертывания целого в соответствии со следующим принципом: «В каждый момент возникновения системы система имеет тенденцию («предпочитает») идти в том направлении, которое усиливает уже существующие центры в целостности именно таким образом, что новые центры усиливают большую конфигурацию или целостность, которая существовала раньше» [2, Р. 47]. Такое развертывание характеризуется преобразованиями, сохраняющими общую структуру. Развитие предполагает увеличение, а не стирание уже существующих структур. Это можно увидеть в морфогенезе организмов и в развитии зданий, поселков, городов и цивилизаций. Структурные преобразования являются определяющей чертой живого морфогенеза.

В более позднем эссе [3, Р. 18], Александер утверждал, что такой морфогенез обязательно предполагает устойчивость: «В каждый момент своего развертывания происходит адаптация. В том, что мы называем Природой, заключена красота Земли, а ее устойчивость как большого дома для всех возникает только в результате такого рода процессов. Нечто подобное обязательно верно и в отношении городов и зданий. Тонкая, эффективная и мягкая адаптация, делающая место гармоничным, полезным и дорогим нашему сердцу, происходит от морфогенеза. Включение природной красоты в процесс строительства зданий, городов и поселков может происходить только в результате реализации аналогичного морфогенетического процесса.

Такая застройка среды противостоит тейлористскому менеджменту. Тейлоризм заменяет естественные и органические процессы, основанные на учете человеческих и природных

интересов, участия граждан и здравом смысле, жестко применяемыми правилами и кодификацией задач и функций. Он стремится к созданию современной организации среды с ее машинным повторением процессов, повышающих эффективность труда. Тейлоризм предполагает отделение трудового процесса от навыков, мастерства, традиций и знаний, а также монополизацию знаний для управления процессом производства. В противовес этому, Александер утверждает, что архитектор и рабочие, вовлеченные в реальное строительство, должны иметь не жесткий план готового продукта, а общее руководство при коллективном участии в разработке того, что требуется для создания здания. Все участники должны ценить цели, которые должны быть достигнуты, и совместно думать о том, каково будет жить или работать в таких зданиях, и как это вписывается в окружающую среду, включая другие здания, природу и людей, живущих в этой среде. Это требует развития «чувства целого», для того чтобы конечный продукт был красивым. Александр подчеркивает [3, Р. 19]: «Это совершенно другой взгляд на строительство, планирование, архитектуру и экологию. Это образ мышления, который признает мудрость натуралистов и ставит во главу угла любовь и уважение ко всему живому. Это сложно сделать, но за это стоит бороться. Эта концепция шире нынешнего узкого взгляда на устойчивость как на технологию подсчета ресурсов. Цикл повторного использования действительно может быть частью создания устойчивого мира, чтобы земля приносила плоды, восполняла себя, становясь частью концепции устойчивого развития. Но застроенная нами среда также должна поддерживать нас в нашем существовании, поддерживать животных, растения, водную и воздушную среду, общество. Все это может исходить только из широкой философии, в которой мы видим обновление как основу каждого творческого акта и каждого творческого процесса. Понимание строительства как морфогенеза в природе, но реализуемого человеком, заставляет строителей стремиться к устойчивости, но в гораздо более широком смысле [3, Р. 19].»

Такой взгляд на устойчивость обоснован не технократическими интересами, связанными, например, с производством и использованием гаджетов, но дальновидными и научно

обоснованными взглядами на то, как человек может жить и творить в единстве с Природой. Когда архитектура создается в согласии с Природой, она порождает геометрические структуры, которые уникальны для зданий и людей, но по-прежнему «естественны», органичны для Земли и ее красоты, сохраняют органику поверхности Земли.

Александер утверждал, что красивая застроенная среда является одновременно продуктом и способствует жизнеспособности сообществ. Чувство целого, которое помогает сделать мир прекраснее, это чувство жизни. Это «чувство жизни» не следует рассматривать как сугубо субъективное переживание и приравнивать к эмоциям: «Это чувство основано на восприятии целого», — поясняет он. Оно возникает в нас, но исходит из целостности, которая действительно существует. Процесс восприятия и создания целого сопровождается переживанием этого чувства» [2, Р. 371]. Строительство «разворачивается из целого» и предполагает заботу о существующих центрах жизни, стремится к тому, чтобы то, что создается, дополняло то, что уже живет. Именно это, указывает Александер, превращает строительство в разновидность преобразования, формирующегося из центров, которые дополняют друг друга, образуя иерархии паттернов.

Александер подчеркивает далеко идущий характер революции в мышлении и практике, к которой он призывал не только в архитектуре, но и в обществе. Он приглашает возродить жизнь, привлекать людей к проектированию и созданию красивой среды, развитию социальных пространств и сообществ, чтобы обогатить жизнь людей и их понимание красоты. Вовлечение людей требует от них практического постижения космологии среды, подтверждающей их опыт красоты и жизни. Если подобный подход к строительству будет успешным, люди смогут жить в мире по-другому и снова будут соответствовать жизни. С возрожденными сообществами они также получают возможность заботиться об интересах разных форм жизни.

Александер призывает к медленному совершенствованию всех социальных процессов. Он утверждает, что мы можем определить конечную функцию общества как создание исцеленной структуры в мире посредством морфогенетических процессов, и что

эта основная функция состоит в том, чтобы позволить нам, членам общества, постепенно регулировать все мелкие процессы таким образом, чтобы индивидуально и вместе они будут все более и более эффективно создавать живой мир. Это отождествляется им со стремлением к свободе, потому что это создающий форму, очень важный аспект всего процесса, который в конечном итоге позволяет людям делать то, что они хотят, адаптируясь к жизни. Александер стремится преодолеть разделение на общественное и частное и воссоздать те пространства и институты, которые в прошлом были посредниками между людьми и государством. Это связано с усилиями по возрождению сообществ, институтов и организаций как самоуправляемых и не предполагающих участие управленцев, поскольку тейлористский менеджмент привел к коррозии общественной жизни, институтов и организаций, подорвал настоящую демократию и превратил человеческое сообщество в племя эгоистов, стремящихся утвердить себя через постоянно увеличивающиеся уровни производства и потребления, но которыми манипулируют демагоги и специалисты по связям с общественностью, чтобы поддерживать социальный порядок, делая при этом их жизнь все более бессмысленной и экологически разрушительной.

Александера можно критиковать за его безоговорочное осуждение современной архитектуры и за романтизацию прошлого. Это не умаляет ценности того, что он утверждает, и его порой радикальные крайние взгляды являются очень актуальными для построения экологической цивилизации. Многочисленные примеры плохой архитектуры и градостроительства можно найти в США, особенно в Лос-Анджелесе, и именно в США наиболее очевидны деструктивные последствия плохой архитектуры и городского планирования для сообществ и связанное с этим обеднение культурной жизни [37]. Наряду с распространением тейлористского управленческого подхода, который Джордж Ритцер [35] охарактеризовал как макдональдизацию экономики, застроенная среда сыграла важную роль в медленном распаде способности американцев к скоординированным действиям, как это показал Турчин [41]. Это проявляется в почти полной неспособности США противостоять парниковым газам и разрушению

окружающей среды. Как следует из работы Тимоти Битли «Зеленые города Европы» [4], многие европейские города, уважая старые представления о красоте и менее подверженные влиянию тейлоризма, сохранили жизнь сообществ и, следовательно, были гораздо более успешными в следовании нормам экологической устойчивости.

Заключение

Данная статья показывает, что культура, включающая понятие эконозиса, может ориентировать людей на достижение новых уровней координации в их деятельности и ее согласованию с интересами Природы и, в конечном итоге, благотворно отражаться на здоровье людей и глобальной экосистемы. Глобальный экологический кризис поддерживает сильную мотивацию к фундаментальной трансформации культуры и, следовательно, образа жизни людей, стимулируя их участие в морфогенезе природы. Возникающий новый глобальный нарратив об экологической цивилизации призван облегчить эту координацию помогая определить конкретные цели, изменяя подходы к пониманию политики на международном, национальном и местном уровнях. Это будет включать демократизацию системы управления, децентрализацию власти и преодоление тейлористского менеджмента, а также изменение способа обучения молодежи. Эти изменения также должны предполагать изменение подходов к застройке среды на основе учета морфогенетических процессов.

Создание новой цивилизации сопряжено с большими трудностями, но оно становится более вероятным, если рассматривать ее в широкой исторической перспективе. Как полагал Турчин, несмотря на то что человеческая история выглядит как история бесконечных войн, мы можем наблюдать постепенный переход к созданию более гуманной и мирной глобальной культуры. Текущий глобальный экологический кризис породил движение в защиту окружающей среды, развитие постредукционистской науки, интегрированной с экологией, согласовывающей естественные и гуманитарные науки, которые в настоящее время переформулируются с помощью семиотики, согласовывая ее с достижениями

в области экологии. Экогуманитарный подход способен мобилизовать достаточное количество людей для создания новой цивилизации, способствовать включению идей экогуманистики в социальные отношения, институты, технологии и подходы в области архитектуры и градостроительства, изменяя представления людей о себе и своих целях.

Литература

1. Alexander C. The nature of order, Book One: The phenomenon of life. — Berkeley: Centre for Environmental Structure, 2002a.
2. Alexander C. The nature of order: The process of creating life: Book Two. — Berkeley: The Center for Environmental Structure, 2002b.
3. Alexander C. (2007/2008). Sustainability and morphogenesis: The rebirth of a living world // The Structurist. — Vol. 47/48. — P. 12–19.
4. Beatley T. (Ed.). Green cities of Europe: Global lessons on green urbanism. — Washington: Island Press, 2012.
5. Bogdanov A. Essays in tektology: The general science of organization. Translated by George Gorelik. 2nd ed. — Seaside, CA: Intersystems Publications, 1984.
6. Deacon T. W. The symbolic species: The eco-evolution of language and the brain. — New York: Norton, 1997.
7. Emmeche C. & Kull K. (Eds.) Towards a semiotic biology: Life is the action of signs. — London: Imperial College Press, 2011.
8. Frolov I. T. and Los' V. A. Filosofskie osnovaniia sovremennoi ekologii, in Ekologicheskaiia propaganda v SSSR. — Moscow: Nauka, 1984. — P. 5–26.
9. Fromm E. (Ed.) Socialist humanism. — Garden City, N.Y.: Doubleday, 1965.
10. Gare A. Soviet environmentalism: The path not taken // Capitalism, Nature, Socialism. — 1993. — Vol. 4, № 3. — P. 69–88.
11. Gare A. Aleksandr Bogdanov: Proletkul't and conservation // Capitalism, Nature, Socialism. — 1994. Vol. 5, № 2. — P. 65–94.
12. Gare A. Architecture and the global ecological crisis: From Heidegger to Christopher Alexander // The Structurist — 2003/2004. — Vol. 43/44 — special issue: 'Toward an ecological ethos in art and architecture'. — P. 30–37.
13. Gare A. Review of Christopher Alexander, the nature of order: an essay on the art of building and the nature of the universe. Book Two: The process of creating life. — Berkeley: The Centre for Environmental Structure, 2005/2006. — P. 29–33.
14. Gare A. The semiotics of global warming: combating semiotic corruption // Theory & Science. — 2007. — Vol. 9, № 2. — P. 18–23.
15. Gare A. Ecological economics and human ecology. In: M. Weber (Ed.), Handbook of Whiteheadian thought: Thematic entries I. — Frankfurt: Ontos Verlag, 2008. — P. 161–184.
16. Gare A. Philosophical anthropology, ethics and political philosophy in an age of impending catastrophe // Cosmos & History. — 2009. — Vol. 5, № 2. — P. 264–286.
17. Gare A. Towards an ecological civilization: the science, ethics and politics of ecopoiesis // Process Studies. — 2010. — Vol. 39, № 1. — P. 5–38.
18. Gare A. From Kant to Schelling to process metaphysics: On the way to ecological civilization // Cosmos and History. — 2011. — Vol. 7, № 2. — P. 26–69.
19. Gare A. The philosophical foundations of ecological civilization: A manifesto for the future. — London: Routledge, 2017.
20. Gare A. The ecosocialist roots of ecological civilisation // Capitalism, Nature, Socialism. — 2021. — Vol. 32, № 1. — P. 37–55.
21. Getty J. A., Rittersporn G. T. & Zemskov V. N. Victims of the Soviet prison system in the pre-war years // American Historical Review. — 1993. — Vol. 98, № 4. — P. 1017–1049.
22. Goodwin B. & Saunders P. (Eds.) Theoretical biology: Epigenetic and evolutionary order from complex systems. — Baltimore: John Hopkins University, 1989.
23. Ho M.-W. On the nature of sustainable economic systems // World Futures. — 1998. — Vol. 51. — P. 199–211.
24. Hoffmeyer J. Signs of meaning in the universe. Trans. Barbara J. Haveland. — Bloomington: Indiana University Press, 1993.
25. Huan Q. (Ed.) Eco-socialism as politics: rebuilding the basis of our modern civilisation. — Dordrecht: Springer, 2010.
26. Huntington, S. P. The clash of civilizations and the remaking of world order. — New York: Simon & Schuster, 1996.
27. Knyazeva H. Ecological philosophy and its applications: Following Félix Guattari's tradition // Cosmos and History. — 2021. — Vol. 17, № 1. — P. 137–158.

28. Kull K. Vegetative, animal, and cultural semiosis: the semiotic threshold zones // *Cognitive Semiotics*. — 2009. — Vol. 4. — P. 8–27.
29. Kull K. Ecosystems are made of semiotic bonds: consortia, umwelten, biophony and ecological codes // *Biosemiotics*. — 2010. № 3. — P. 347–357.
30. Lang V. and Kull K. (Eds.) *Estonian approaches to culture theory*. — Tartu: University of Tartu Press, 2014.
31. Leopold A. *A sand county almanac and sketches here and there*. — London: Oxford University Press, 1949.
32. Magnus R., & Kull K. Roots of culture in the Umwelt. In J. Valsiner (Ed.), *The Oxford handbook of culture and psychology*. — New York: Oxford University Press, 2011. — P. 34–43.
33. Margulis L. & Sagan D. *What is life?* — Berkeley: University of California Press, 1995.
34. Rispoli G. Between 'biosphere' and 'Gaia.' Earth as a living organism in Soviet geo-ecology // *Cosmos and History*. — 2014. — Vol. 10, № 2. — P. 78–91.
35. Ritzer G. *The McDonaldization thesis: Explorations and extensions*. — London: Sage, 1998.
36. Salthe S. The natural philosophy of ecology: developmental systems ecology // *Ecological Complexity*. — 2005. — № 2. — P. 1–19.
37. Sennett R. *Building and dwelling: Ethics for the city*. — New York: Farrar, Status and Giroux, 2018.
38. Turchin P. *Historical dynamics: Why states rise and fall*. — Princeton: Princeton University Press, 2003.
39. Turchin P. *War and peace and war: the rise and fall of empires*. — New York: Plume, 2006.
40. Turchin P. *Ultra society: how 10,000 years of war made humans the greatest cooperators on Earth*. — Chaplin, Connecticut: Beresta, 2016a.
41. Turchin P. *Ages of discord: a structural-demographic analysis of American history*. — Chaplin, Connecticut: Beresta, 2016b.
42. Ulanowicz R. E. *Ecology: the ascendent perspective*. — New York: Columbia University Press, 1997.
43. Weiner D. R. *Models of nature: ecology, conservation, and cultural revolution in Soviet Russia*. — Bloomington: Indiana University Press, 1988.
44. Weiner D. R. *A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachëv*. — Berkeley: University of Chicago Press, 1999.
45. White J. D. *Red Hamlet: The life and ideas of Alexander Bogdanov*. — Leiden: Brill, 2019.

Ссылка для цитирования

Гар А. Экоцивилизация и экопоэзис: создание мирного миропорядка // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Gare A. *Ecocivilization and ecopoiesis: creating a peaceful world order // Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*. — 2022. — Vol. 3, № 1. — URL: <http://ecopoiesis.ru>.

ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЛЯ ВИРИЛЬО

В этой подборке материалов представлено идейное наследие известного философа, урбаниста, критика технологического искусства, архитектурного критика Поля Вирильо (1932–2018). Получила широкую известность его «военная модель» роста современных городов и эволюции общества. Им было введено понятие «дромология», обозначающее исследование скорости как философской категории. Является автором таких книг, как «Скорость и политика», «Информационная бомба» и «Исходная авария». Подборка материалов включает вступительное слово философа из Санкт-Петербурга Константина Владимировича Романова и Дрю Берка, выступившего переводчиком и редактором текстов П. Вирильо, основанных на серии его лекций 2007 года и озаглавленных как «Серая экология».

РОМАНОВ Константин Владимирович

докт. филос. наук, профессор Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического образования

В ПОИСКАХ ВЫХОДА К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Современный российский читатель меньше знаком с работами французского мыслителя Поля Вирильо, чем с трудами Делёза, Деррида, Гваттари, Бодрийяра. Человек архитектурного стиля мышления, он с годами увлекся написанием философских эссе. Как верно заметил один из комментаторов, писал бы романы на злобу дня — был бы более популярен в толпе, формируемой всевозможными «медиа».

Сегодня интерес к романам меняет свою направленность. Всё чаще востребован более скорочитаемый жанр. О чем Поль Вирильо с грустью упоминает. Растет потребность в дайджестах живой мысли. Перевод избранных фрагментов лекций Поля Вирильо как раз отвечает зову времени. Разговоры о том, что в его работах нет глубины — это пустозвонство, которое ничем не обосновано. Он размышляет о фактах первостепенной для сегодняшнего существования важности, применяя те силлогизмы и категории, которые доступны кругу его современников. Это философия повседневности, которая весьма популярна не только во Франции. В ней много

озарений, интуиции, догадок, что особенно важно, по поводу интерпретации фактов.

Философия как квинтэссенция культуры менее обширна, чем культура. Но сама по себе она многогранна. Каждый человек разумный живет своей философией с тех пор, как начинает мыслить и до тех пор, пока не угаснет сознание. Философия — это умозрение своего отношения к миру и к самому себе. Отношение к динамике сегодняшней жизни и к себе, как точке отсчёта этой жизни — вот лейтмотив его эссе.

Его книга «Информационная бомба» стала рефлексией на пророчества Рэя Бредбери, Джоржа Оруэлла и Олдоса Хаксли¹. Наступила эпоха, когда эти пророчества воплотились в реальность: книги и длинные исследования свертываются в дайджесты и резюме, благодаря QR-кодам во многих странах мира усиливается контроль за поведением граждан, получение удовольствий превращается в доминирующую ценность. Впрочем, эта книга — тема отдельного дискурса. С его книгами можно ознакомиться на русском языке².

По представленному переводу фрагментов лекций П. Вирильо можно судить о том, что интерес к его творчеству будет расти. Почему? Потому что он своими идеями уже вступал на почву новой эпохи, которая определяется законами глобальной цифровизации и пандемизации повседневных структур жизни. В первую очередь, речь идет о разрывании им концепции изучения «дромосферы» и ускорения реальности. Дромосфера (от греч. «дромос» — бег, состязание) знаменует исчезновение географии («здесь» больше не существует, а остается только «сейчас»).

По мысли автора дромосфера сводит на нет геосферу и биосферу. Интернет и цифровые технологии «выносят смертельный приговор биоразнообразию и георазнообразию». Под дромологией он понимает философскую научную концепцию, открытую для разных интерпретаций, и, в частности с позиций экологии, которую он разделяет на «зеленую экологию» (природа) и «серую экологию» (культура и космос). «Загрязнение природы — это зеленая экология. Серая экология — это загрязнение мира, созданного нами самими».

В качестве аксиомы он выдвигает тезис, имеющий принципиальное значение: «Реальное

время — это столп творения. Его величина или слабость, его необъятность составляют силу Бытия». Трагедию он усматривает в том, что загрязнение мира оказывается сопряжено с ускорением и сокращением реального времени.

В результате «масштабы обитаемой геосферы сводятся к нулю». Мы приближаемся к «точке скорби», когда «масштабы человеческого влияния на мир буквально взрывают его». Ситуацию усугубляет квазимузыкальная ритмологическая атака со стороны разнообразных популярных перформансов и инсталляций, задаваемых масс-медиа. Мы пришли к военной ситуации, когда надо выбирать «между человеческой динамикой и ее эмоциональностью и смыслами, с одной стороны, и трансовым состоянием покоренной медиями толпы», с другой стороны. Мир находится перед выбором: либо сохранение человечности, либо безудержный рост техницизма. Это центральный вопрос философии нашего повседневного существования.

Если читатель найдет для себя другие интерпретации и поделится ими, то возможно, общими усилиями, мы начнем поиск выхода к новой виртуальной и действительной реальности.

Примечания

1. Поль Вирильо. Информационная бомба. Стратегия обмана. — М.: «Гнозис», «Прагматика культуры», 2002. — 192 с.
2. <https://www.livelib.ru/author/411273-pol-virilio>.

ДРЮ БЕРК

писатель, переводчик и редактор. Изучал религиозную и политическую антропологию в Институте политических исследований в Экс-ан-Провансе, Франция, и перевел множество работ по современной философии, включая работы Жана Бодрийяра, Жильбера Симондона и Поля Вирильо. Бывший директор Univocal Publishing. В настоящее время редактор Univocal as a Series в Университете Миннесоты (США).

ВВЕДЕНИЕ В СЕРУЮ ЭКОЛОГИЮ ВИРИЛЬО

Некоторые из тем, которые были затронуты в лекциях Вирильо в то время, кажутся еще более пророческими 15 лет спустя: это вопросы, касающиеся технического прогресса, общего состояния клаустрофобии из-за ускорения и использования телекоммуникационных технологий, а также изменения отношения человечества к реальной жизни. Мы, безусловно, можем испытывать такие опасения в эпоху пандемии Covid-19 и странного размытия реальности и вымысла в ситуации избытка информации, поступающей через СМИ. Он оставил нам некоторые заслуживающие пристального внимания идеи, изложенные в его лекциях. Хотя лекции 2007 года были названы «Серая экология», этот термин также несколько раз появляется в книге «Университет катастроф», над которой он работал в то время. В нем он дважды использует термин «серая экология».

Во время лекций Вирильо социальные сети и iPhone только входили в жизнь. Хотя Вирилио не обсуждает ни одно из этих технических достижений, основное внимание в его лекциях обращается именно на влияние технологических достижений, а именно, проявление того, что он связывает с непрерывным процессом «экстернализации и интерсубъективного паразитизма», посредством которого экранные технологии будут приводить ко все большему отчуждению людей друг от друга и от своего тела. Он связывает феномены телеобъективности и теле-субъективности с влиянием технологий, что мы можем наблюдать на примере социальных сетей. Они не только радикально изменили то, как мы общаемся, но также оказывают все большее влияние на эмоциональный опыт и наше отношение

ко времени. Переживание реального времени все больше утрачивается. Использование технологий влияет не только на наше восприятие времени и пространства, но и на психическое функционирование.

Согласно анализу Вирильо, временные ритмы эмоций, которые когда-то были личными и довольно преходящими состояниями бытия, могут быть продлены и усилены благодаря использованию информационных технологий, что, как он предполагал, потенциально может включать некоторую форму тоталитарного «коммунизма аффекта» или «кибернетического религиозного феномена». Отсюда возможность того, что такие технологии одновременно способствуют всеобщей свободе общения, с одной стороны, но также могут посягать на повседневную жизнь и гуманитарные представления, с другой стороны. В конечном итоге это имеет серьезные последствия как для демократии, так и для самого представления о реальности.

Иногда во время своих лекций Вирилио касался темы будущего, помогая тем самым лучше понять настоящее. Возможность объединяться в группы, используя экраны, несмотря на разделенность огромными расстояниями, стала важной частью повседневной жизни. И все же нам не нужно слишком обольщаться этими возможностями. Достаточно вспомнить недавние президентские выборы в США, чтобы увидеть, как осуществлялся контроль над СМИ и к каким пагубным последствиям это привело. Вирильо часто вспоминал про японских геймеров, Отаку, которых он 15 лет назад описал как загипнотизированных и зависимых от Интернета, представителями секты

игровых практик. В то время они выступили предшественниками создания реальности, основанной на загрязнении пространства под влиянием телекоммуникационных технологий и экранной реальности.

В отличие от своего коллеги Жана Бодрийяра Вирильо интересовало не моделирование реальности, а, скорее, замена одной формы реальности другой. Беспокойство Вирильо по поводу «сумерек места», временного сокращения и ощущения ограниченности жизненной среды в значительной степени было связано с заменой непосредственной реальности той реальностью, которая связана с Интернетом и СМИ. В этой ситуации можно задаться вопросами о том, в какой мере возможны процессы духовного роста и индивидуализации в культуре, которая функционирует на основе информационных алгоритмов, и в которой все уже предусмотрено заранее. Очевиден недостаток глубины восприятия, времени и расстояния, необходимых для духовного и психологического роста. Я полагаю, что все эти изменения были частью его концепции серой экологии.

В этом свете работы Вирильо по «серой экологии» можно рассматривать отчасти как дополнение концепции трех экологий¹ одного из его бывших коллег, Феликса Гваттари — такой концепции, которая разделяет

экологию психического здоровья, зеленую экологию и экософию или этику и эстетику социальной экологии.

Следуя феноменологическому наследию Вирильо, развивавшего идеи Гуссерля и Мерло-Понти, можно прийти к признанию важности здоровьесберегающих практик, основанных на центрировании тела на взаимодействии с окружающей средой, даже если эта среда на самом деле может быть частью дополненной реальности. В этом случае серая экология становится отправной точкой для эко-феноменологии² — практики изучения и творческого поиска новых форм переживания человеческого тела в ускоренной среде, чтобы восстановить баланс и связь с телесной основой восприятия реальности.

Такая озабоченность, возможно, является причиной того, что сегодня мы видим все больше писателей, художников и ученых, представляющих разные научные дисциплины и имеющих опыт работы в гуманитарных науках, обращающихся к тому, что некоторые называют экологическими гуманитарными науками. Возврат к практике заземления тела в окружающей среде и его переживания в реальном пространстве и в связи с землей³ становится насущным.

Примечания

1. См. Félix Guattari, *Three Ecologies*, trans. Ian Pindar, Paul Sutton (Continuum, 2008).
2. Это слово заимствовано у Bruce Bégout, из его работы *Le Concept D'Ambiance: Essai d'éco-phenomenologie* (Paris: Seuil, 2020)
3. См. работу Vybarr Cregan-Reid, *Footnotes* (St. Martin's Press, 2017) относительно феноменологического исследования повторного заземления или ощущения тела в окружающей среде посредством практики бега.

ПОЛЬ ВИРИЛЬО

Аннотация. В переведенных и отредактированных Дрю Берком выдержках из серии лекций Поля Вирильо, проходивших в Университете Ла-Рошель и Центре Intermondes в течение двух дней весной 2007 года, представлены главные темы его размышлений — серая экология, современная техническая цивилизация, скорость и ускорение, связь между технологиями, развитием искусства и художественной практикой. Вирильо утверждает, что развитие технологий приводит к упадку живого пространства и телесного опыта и кризису репрезентации реальности. Современное искусство подверглось влиянию медиакультуры, но в нем сохраняется критическая способность создавать новые формы восприятия мира.

Ключевые слова: время, дромология, дромосфера, искусство, скорость, серая экология, сумерки места

«Чего же мы ждем, когда нам уже больше не нужно ждать, чтобы приехать? Ждем прибытия того, что осталось»

(Поль Вирильо)

СЕРАЯ ЭКОЛОГИЯ

Введение в серую экологию

Я урбанист и философ. Я заявляю об этом, потому что философия зародилась в городе. Я урбанист, но, возможно, определил бы себя как эссеиста, поскольку это обозначает мое отличие от философа. Я также страдаю клаустрофобией, и вы поймете почему, прочитав это эссе.

В настоящий момент много говорится об экологии, об истощении природных ресурсов и глобальном потеплении. В дальнейшем при обсуждении проблем экологии я буду использовать понятия «дромология» и «дромосфера» для того, что подчеркнуть ускоряющийся темп развития человеческой культуры. Хотя эти понятия подчеркивают относительный характер такого ускорения, потому что дромология лежит в основе самой теории относительности. Напомню, что скорость — это не явление, а связь между явлениями. Это сама относительность, обозначение особых отношений между временем и пространством. Дромология не является законченной теорией. Она обращается к свойствам скорости и случайности, увязывая их друг с другом. Дромология — это философская научная концепция, которая предлагается для разных интерпретаций, в частности,

для ее рассмотрения любых явлений с позиций экологии, которую я буду разделять на «зеленую экологию», связанную с природой, и «серую экологию», которая связана с космосом и культурой.

Если бы какой-то ученый написал трактат о дромологии, я бы его скорее всего не прочитал, но не из-за ревности, переживаемой мною как автором этого понятия, а потому, что это меня не интересует. Почему? Потому что все явления, связанные с дромологией, относительно и заставляют обратиться к двум порядкам величин: величине расстояния, с одной стороны, и величине бедности и слабости, с другой стороны. Эти два порядка величин связаны. Те, кто изучает работы по серой экологии, часто признают мои публикации как апокалиптические. Но они таковыми не являются. Дромология — это не наука о «конце света». Я часто говорю, что концепция «конца света» — это концепция без будущего. Меня беспокоит не «конец света», а «конечность мира», и при этом я клаустрофоб. Что такое «конечность мира»? «Конечность мира» означает, что яблоко — это всего лишь яблоко, человек — это только человек, а мир — это только мир. Все это связано с понятием «конечность мира».

* Данный материал был впервые опубликован в журнале «POIESIS: A Journal of the Arts and Communication», 2009, Vol. 11, P. 104–113.

Дромосфера — это ускорение истории и ускорение реальности с помощью новых технологий. Это также отчуждение мира, «закрытие» мира. На мой взгляд, загрязнение времени и расстояний намного серьезнее, чем загрязнение физической среды и объектов. Созданный человеком мир, существующий в единстве с миром природы, также вызывает собственное загрязнение. Загрязнение природы — это зеленая экология. Серая экология — это загрязнение мира, созданного нами самими. Я больше архитектор, чем философ, а потому для меня важны размеры и пропорции. Масштабы, размер и пропорции — это то, что на самом деле не принимается во внимание при рассмотрении большинства явлений. Одна из моих книг, опубликованная в 1976 году — *L'insecurité du Territoire* — уже предваряла мою идею «сумерек места». В 1984 году, отдавая дань уважения Джорджу Оруэллу, я опубликовал свою работу *Lespace*, а в 1990 году — *L'inertie polaire* — первую книгу, в которой говорится о сумерках места. Это понятие позволяет понять временное сжатие обитаемой коммунальной геосферы — то, что в терминах информатики называют временной конвекцией.

По сути, есть только один мир — дромосфера, которая сводит на нет геосферу (или, если хотите, биосферу). Современная дромосфера связана с информационно-коммуникационными технологиями, созданием Интернета, которые выносят смертельный приговор биоразнообразию и георазнообразию. Когда мы говорим о загрязнении, мы, как правило, имеем ввиду загрязнение физической среды. Как урбанист и архитектор могу сказать, что помимо загрязнения физической среды, существует загрязнение расстояний и масштабов мира (*la grandeur nature*). И это гораздо более существенно. Нет величия без размеров. Нет объекта без пропорций. Нет человека без его особых человеческих масштабов. Чрезвычайно важно принять во внимание масштабы размеров, масштабы и пропорции вещей в пространстве и времени. Удивительно, насколько легко мы связываем природу с культурой, но при этом легко забываем о размерах. Это вопрос, который я задаю в своем сборнике «Критическое пространство», перерабатывающем идеи Бодрийера, Гваттари и других современных философов. «Критическое

пространство» уделяет внимание не только времени, но и пространству. Архитектор сначала конструирует пропорции здания. Это очень важно. Он конструирует пропорции перед тем, как использовать бетон или камень. То, что мы называем реальным временем, связано с пространственно-временным континуумом, страдающим временным сокращением, из-за чего масштабы обитаемой геосферы сводятся к нулю. Это конечно не наносит такого ущерба, как глобальное потепление или истощение водных ресурсов, однако чревато последствиями иного рода. Реальное время — это столп творения. Его величина или слабость, его необъятность составляют силу Бытия.

А теперь я приведу вам очень наглядный пример: человек обычно имеет размеры тела от одного до двух метров. Это диапазон размера тела от карлика до очень высокого человека. Если бы рост человека был бы 20 метров, то это был бы не человек. Такие размеры человеческого тела немислимы. Однако сегодня это действительно так, поскольку обычные пропорции исчезли из картины современного мира. В нем представлены величины двух порядков. Один порядок величин определенным образом связан с другим. С одной стороны, есть величина власти. Это имеется, например, ввиду, когда упоминается о мощи Соединенных Штатов. Но есть также масштабы бедности или насилия в этой стране, и они также являются реальностью того же порядка. В серой экологии термины «измерение» и «неизмеримость» имеют отношение к сохранению бесконечности мира, они относятся не к физическим масштабам явлений, изучаемых в астрофизике, а к ограничению и сохранению безмерности мира.

Начиная с XX века мы приближаемся к «точке скорби», когда масштабы человеческого влияния на мир буквально взрывают его. Наблюдается катастрофическое «сжатие» экосферы и пространства земли, которое преодолевается благодаря современным транспортным средствам и ускорению реальности. Все это имеет отношение не только к нашему перемещению в физической среде, но и нашему движению в пространстве культуры и истории. Или, другими словами, история сокращается одновременно с географией. Здесь я снова урбанист и могу сказать, что история и город взаимосвязаны. Глобализация

связана с развитием технологий. Они вызывают ускорение реальности, и как ни парадоксально, опрокидывают представления о прогрессе. В книге *Université du désastre* (Университет катастроф) я утверждаю, что наука страдает из-за конечности мира, то есть из-за пространственно-временного сжатия, нарушения тех масштабов времени и пространства, которые ранее обуславливали Бытие и место всех вещей. Временное сокращение касается не только транспорта и общения в Интернете, но и знаний, науки и философии. Мы можем рассмотреть текущую ситуацию с точки зрения работы Аристотеля о происхождении субстанций. Идеи связаны с необъятностью и измерением мира. Все наши науки связаны с географией мира. Они связаны не просто с историей знаний, но и с пространством. Чтобы понять нынешнюю реальность, нам нужен Университет катастроф.

Теперь хочу поговорить о страхе и о клаустрофобии, о которой я говорил ранее. Страх перед ускорением пока не проявляется широко, но некоторые люди, страдающие клаустрофобией или астмой, уже чувствуют этот страх. Он нередко переживается как страх исчерпать географическое разнообразие мира. Приведу пример: я дважды был в Венеции. Это необычный город. У меня есть друг, который показал мне разные части города. В конце концов, он сказал, что мы должны посетить еще несколько мест в городе, чтобы у меня сложилось о нем целостное представление. Я сказал ему, что не хочу этого делать, хочу, чтобы Венеция оставалась для меня не до конца познанной, чтобы я хотел сюда вернуться. Я не хочу участвовать в «сумерках места».

Возможность побывать на Северном и Южном полюсе посредством туризма фатально ограничивает пространство и могущество мира. Кроме нашей планеты, на данный момент у нас нет другой среды обитания. Думаю, что страх сокращения жизненного пространства как новая форма клаустрофобии, которая поражает сейчас некоторых людей, скоро станет массовым явлением. Это страх, стоящий за экологическими изменениями, который перекликается с переживаниями человека, о которых Фуко упоминает как о поиске приюта и жестоком мире. Грядущее чувство грандиозного заточения

уже больше не будет касаться заключения в тюрьму или пребывания в замкнутом помещении, но будет связано с ощущением заточения в мире, слишком маленьком для его обитателей. Представьте себе, что через одно или два поколения в конце недели вы идете в цирк в Токио, едете в Нью-Йорк провести вечер в ресторане, а на следующий день возвращаетесь на работу в Европу, и все это за доллар или два. Транспорт, возможно, будет становиться все дешевле и дешевле, и это приведет к тому, что Земля сократится как шагренева кожа, и мы будем знать все, что на ней есть.

Эта новая разновидность клаустрофобии уже присутствует. Известно ли вам об исследованиях, проведенных некоторыми астрофизиками, занимающимися экзопланетами, и о проблемах великой экстернализации из одной среды обитания в другую? Я могу процитировать британского астрофизика Стивена Хокинга: «Когда мы решим нацелиться на другие планеты, наше будущее будет обеспечено». Получается, что наше будущее зависит от непригодных для жизни планет. В Солнечной системе, говорит он, на данный момент нам потребуется 50 тысяч лет, чтобы открыть пригодную для обитания среду. С новыми технологиями и новыми исследованиями, возможно, мы сможем несколько ускорить поиск пригодной для обитания инопланетной среды, но путешествия возможно будут занимать не менее шести лет. Когда такой ученый, как он, делает заявление, что будущее человечества зависит от колонизации другого мира, которого пока просто не существует, и при этом мы остаемся на нашей планете без воды и воздуха, то такая клаустрофобия не может не возникнуть.

Мне интересно работать с идеей замкнутого пространства. Заявление Стивена Хокинга означает, что астрофизик заменяет геофизика. Для меня это бред. Это бред науки, лишенной философского сознания, это бред науки, окрыленной своими кажущимися успехами: успехи прогресса оборачиваются катастрофой, разрушением картины мира. Я не против прогресса, но не могу не признать, что его последствия катастрофичны. Они обнаруживаются во всех областях: антропологии, энергетике, информатике и иных областях научного знания, за исключением

одной — дромологии, занимающейся познанием конца, различием конечности мира. В грандиозных достижениях технологий не учитывается конец — смерть. Прогресс научного знания не принимает во внимание конечность или тот факт, что мир — это всего лишь мир, а наука — только ограниченная наука. Как говорится, «научная правда — это заблуждение, живущее заимствованным временем».

Вот почему я не могу работать над проблемой скорости, не работая над проблемой аварии. Скорость и авария связаны. То, что я только что описал, я называю «интегральной случайностью». До сих пор, научные аварии, научно-технические аварии, в отличие от стихийных бедствий, таких как землетрясения, были локальными авариями. Например, где-то взорвалась бомба. Где-то было загрязнение от пожара на химическом заводе и т. д. Сегодня авария становится неотъемлемой частью реальности. Мы преодолеваем пространства этого мира, изобретая все более скоростные виды транспорта. Это действительно неотъемлемая случайность. Замена пространства мира скоростью передвижения или электромагнитной передачей не может быть осуществлена без провоцирования серийной аварии, того, что я называю кинематографическими энергиями ускорения реальности. Это приводит нас к фатальному разрушению истории и географии: те пределы реальности, с которым сталкивается человек XXI века, выходят далеко за рамки пределов реальности, с которыми сталкивался человек XVIII века. Вольер-резервация для человека XXI века является сегодня большим вопросом для его существования. Реальность сжалась как шагренева кожа до пределов Планеты Google, заключенной в монитор компьютера или иного устройства. Мы перешли от мании величия к мегалопсихии, оборачивающейся сжатием Бытия до пределов гаджета.

Подход, который я использую — это изучение дромосферы и ускорения реальности. Реальное время по-прежнему находится в реальном пространстве географии. Представьте себе продолжающееся ускорение реальности, которое вскоре определит состояние людей в мировом масштабе из-за новых технологий, которые формируют обманчивое восприятие реальности. Все это началось с развития

транспорта, изобретения радио, систем телекоммуникации, микрочипов и т. д. Обманчивое восприятие реальности дополняется ощущением ускорения всех процессов, ограничением нашей свободы. Только за всем этим нет тирана, который нас подавляет. Мы подавлены замкнутостью мира, отчуждением мира. В тиране больше нет необходимости, но я не отчаиваюсь. Я считаю, что пора открывать Университет катастроф, и я помню слова Черчилля, который сказал: «Оптимист видит возможность в каждой беде».

Сокращение времени

Сегодня, подобно родовым схваткам, мы ощущаем сокращение, сжатие времени. Это сопровождается сокращением расстояний, что является не столько признаком положительного прогресса, сколько приметой нового типа катастрофических изменений реальности, описываемых с позиций серой экологии. Эти изменения не оставляют никаких материальных следов, потому что сверхзвуковая скорость воздушного транспорта или мгновенность телекоммуникаций всегда воспринимаются как неоспоримый прогресс. Тем не менее, это заставляет нас задаться вопросом о серьезном пробеле в экологической науке, которая, похоже, не принимает во внимание какую-либо силу, которая могла бы противодействовать этому ускорению. Загрязнение расстояния начинает ассоциироваться с загрязнением веществами, которое больше связано с пространством общего мира, чем с природой элементов. Мы должны уважать пространство нашей повседневной деятельности, чтобы сохранить биоразнообразие перед лицом исчезновения видов. Мы должны противостоять этому релятивистскому событию, которое влияет не только на материальность человеческой среды, но и на ее пространственно-временной континуум. Угроза загрязнения пространства — изменения пространственно-временного континуума — возникает вследствие ускорения истории и ускорения реальности. Благодаря взрыву кибернетической интерактивности реального времени, которая отныне обуславливает политическую экономию, начиная с развитых

стран и заканчивая слабыми экономиками мира, у нас появилось определенное количество астрономов, ищущих во Вселенной несколько экзотических экзопланет, чтобы заменить ими нашу исчерпавшую себя планету.

Куда же мы пришли, если общество потребления распространилось на все народы? Мало того, что наша старая Земля не выживет, нам понадобятся еще как минимум три планеты, чтобы удовлетворить наши растущие потребности. Потрясение, вызванное технологическим прогрессом, вместе с сокращением расстояний и времени, является предвестником родов, на которые надеялись и которых боялись из-за страха перед аномалией. Существует опасение, что человечество, рожденное из собственного гумуса, столкнется с серьезным недостатком, который может возникнуть в результате сокращения времени биосферы.

Ускоряющийся технологический прогресс приводит к появлению нанотехнологий, с одной стороны, и к миниатюризации нашей планеты как единственной обитаемой планеты солнечной системы, с другой стороны. После того, как Фукуяма объявил в конце прошлого века о «конце истории», мы не говорим об объявлении конца географии, мы просто играем с иллюзией «реального» времени, не принимая при этом во внимание пределы реального пространства нашей маленькой планеты.

Искусство, насколько может видеть глаз

Сегодня культура ведения диспутов меняется. Мы можем заметить происходящую модификацию дебатов по телевидению, которые превращаются с быстрым обмен мнениями. Это нарушает сложившуюся ранее культуру диалога между ведущим и его гостями. Я называю новый тип дебатов «пинг-понг». У вас есть пять секунд, чтобы ответить. Ограниченный во времени характер выражения мнений в нынешней ситуации обуславливает содержание диалога. Когда я выступаю на телевидении, я это ненавижу. У меня итальянские корни, и мне нужно время, чтобы поговорить. Я не хочу

играть в пинг-понг. Что касается ситуации диалога, мне нравится то, что можно назвать эмпатической феноменологией — открытым диалогом, на который телевизионные дебаты с характерной для них драматургией накладывают свои антиэмпатические ограничения.

Это имеет отношение и к современному искусству, два аспекта которого, его слепые пятна, я бы хотел далее рассмотреть: искусству как войне и ускорению искусства. Первая мировая война была локальной, в то время как Вторая мировая война оказалась тотальной, затронувшей разные континенты. Она обусловила радикальные изменения в искусстве и западной культуре. Искусство в западной послевоенной культуре является жертвой войны. Его статус иллюзорен. Я думаю, очень важно, чтобы у искусства было свое пространство и время, которые сейчас сжимаются. Приведу очень простой пример.

Экспрессионизм появился после Первой мировой войны, выступившей первой травмой, первым препятствием для искусства. Потом появился сюрреализм. Мы не можем понять сюрреализм, «магнитные поля» Бретона и Арагона без влияния войны, появления химического оружия как первого средства массового уничтожения. После Второй мировой войны появился акционизм и различные направления неfigurативного искусства. Первая мировая война ознаменовалась перемещением огромных масс населения, но также и начинающимся перемещением искусства из Европы в Америку, но более активно это стало происходить после Второй мировой войны. Это было военное событие. Мы не можем понять перемещение европейского авангардного искусства в Америку без влияния войны.

Еще один аспект, который формирует слепое пятно искусства — это скорость. Это связано с появлением искусства фотографии, а затем также кинематографа, телевидения и электронного искусства. Современное искусство стало менее протяженным во времени, оно стало вневременным. Это очень важная его характеристика. В отличие от авангардизма, есть вневременное искусство, то есть, искусство, которое прервало свои исторические связи, связь с со своими истоками. В 2007 году директор Венского

музея современного искусства попросил меня написать небольшой текст об искусстве. Вот небольшой отрывок из него:

«В XIX веке вместе с импрессионизмом с характерными для его феноменологией и повышенным вниманием к выражению впечатлений искусство было освобождено от академизма. В XX веке экспрессионизм с характерной для него драматургией утвердил свободу персонального самовыражения и свободу от конформизма. Сегодня в XXI веке эти две свободы угрожают исчезнуть вместе с ускорением цифровой реальности, стирающей все и вся, включая репрезентативные воспоминания. На этом фоне Венский музей современного искусства может стать местом для сохранения его реликтов, музеем катастрофы искусства, происходящей на наших глазах».

В настоящее время происходит ускоренный переход от аналогового искусства к цифровому искусству, хотя мне больше импонирует слово не «цифровое», а «нумерологическое». Нумерология была особой системой знания. Переход от аналогии к нумерологии в искусстве, к использованию в нем цифровых технологий знаменует собой переход от передачи представлений в пространстве и времени с участием памяти к чистому представлению. Для цифрового искусства характерен гиперреализм. Более того, гиперреализм американской культуры связан с цифровыми медиями и предвосхищает ситуацию, которую я называю телеобъективностью. Американский гиперреализм, который так любил Бодрийяр, обусловил ускорение искусства. Фотография была первой в истории машиной зрения и первой машиной ускорения, гораздо более важной по своим последствиям, чем появление огнестрельного оружия. Фотография является первым историческим примером ускорения реальности. За ней последовало появление кинематографа как парада образов, обуславливающего особые кинематографические эффекты, связанные с энергией видимого. Динамика, создаваемая кинематографом, телевидением и видеокamerой, ничуть не менее важна, чем энергия локомотива, который произвел революцию в транспорте.

Таким образом, начиная с фотографии и заканчивая живыми телекоммуникациями, мы становимся свидетелями не только

ускорения истории, но и ускорения самой реальности. Представление вещей, объектов и событий в реальном времени вытесняет старые представления о реальном пространстве. Презентация в реальном времени вытесняет реальное пространственное представление живописных, скульптурных или архитектурных артефактов, расширяя слепое пятно искусства, разрушая все эстетические основы искусства предшествующих исторических эпох. Таким образом, рядом с объектом и субъектом, объективностью и субъективностью, существует технологическая реальность с ее телеобъективностью и ее эмоциональной телесубъективностью. Все это происходит из энергии видимого. Таким образом, наряду с кинетической энергией современных видов транспорта, присутствует особая динамическая энергия современных медий.

Фактически, как и политическая экономия, экономика культуры испытала на себе два удара: ускорение истории искусства, начиная с конца XIX века, и начавшееся не так давно ускорение реальности благодаря прогрессу информационно-коммуникационных технологий, обеспечивающих передачу информации в реальном времени, что окончательно разрушает реальное пространство форм, объектов искусства в пользу реального времени и ритмологии изображения и звука (здесь ритмология заменяет морфологию). Именно по этой причине я говорю, что современное искусство страдает от нападков квазимузыкальной ритмологии, ведь музыка — это также источник скорости. Современное искусство и его морфология подвергаются квазимузыкальной ритмологической атаке со стороны разнообразных перформансов и инсталляций, все больше и больше смешиваемых вместе и производящих то, что можно назвать «живым зрелищем».

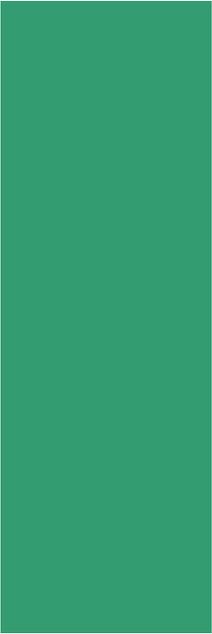
Мы находимся в состоянии мучительного оплакивания искусства света, искусства освещения реальности, в состоянии перехода к виртуальной реальности, и нам нужно выбирать между человеческой динамикой и ее эмоциональностью и смыслами, с одной стороны, и трансовым состоянием покоренной медиями толпы. Это военная ситуация. Именно здесь, как нигде еще, ярко проявляет себя политическая экономия современности.

Ссылка для цитирования

Романов К. В., Берк Д. Идейное наследие Поля Верильо // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

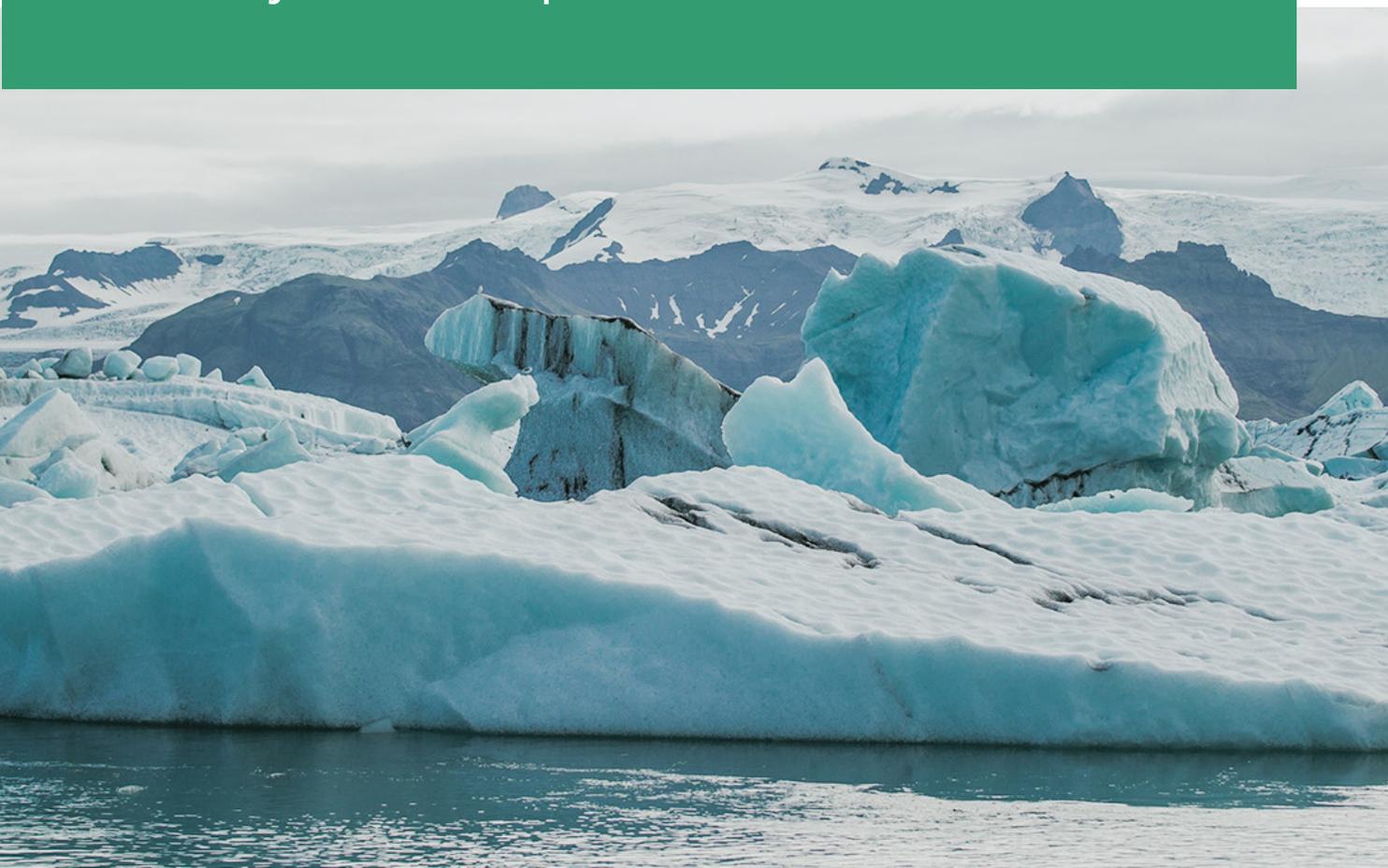
Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Romanov K. V., Burk D. The ideological heritage of Paul Verilio // Eco-poiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2022. — Vol. 3, № 1. — URL: <http://ecopoiesis.ru>.

Раздел

Практики и технологии
экогуманитарного подхода

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

АЛЕКСЕЕВ Сергей Владимирович

доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики окружающей среды, безопасности и здоровья человека Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (Санкт-Петербург, РФ)

ОГАНОВ Рафаел Сумбатович

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики окружающей среды, безопасности и здоровья человека Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (Санкт-Петербург, РФ)

ТУТЫНИНА Елена Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики окружающей среды, безопасности и здоровья человека Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (Санкт-Петербург, РФ)

Аннотация. В статье выполнена попытка системного анализа методологических подходов и методик оценки экологической культуры человека. На примере социально-педагогического исследования населения Санкт-Петербурга рассчитано значение среднего уровня сформированности экологической культуры. В статье показан вклад в экологическую культуру человека экологического образования и экологического просвещения в интересах устойчивого развития.

Ключевые слова: экологическое образование, экологическое просвещение, экологическая культура, критерии и показатели уровней экологической культуры человека.

«Культура не может произрастать без экологической культуры, а экологическая культура вовсе не может состояться в условиях бескультурия»

*Данилов-Данильян Виктор Иванович
российский экономист, эколог,
государственный деятель*

Впервые проблема формирования экологической культуры (образованности, грамотности и др.) была обозначена на Первой Международной конференции по проблемам

окружающей среды в Стокгольме (Швеция, 1972 г.) и содержательно насыщена на Первой Международной конференции по образованию в области окружающей среды в Тбилиси

(СССР, 1977 г.). Педагогическое осмысление феномена экологической культуры в разное время представлено в работах И.Д. Зверева, И.Т. Суравегиной, А.Н. Захлебного, С.Н. Глазачева, С.В. Алексеева, И.Н. Пономаревой, Г.А. Ягодина, Н.Н. Моисеева, Н.М. Мамедова, А.Д. Урсула и др.

Тем не менее, в начале XXI века появляются работы по исследованию феномена экологической культуры, формированию ее для разных категорий обучающихся. Наряду с педагогическими исследованиями в последнее время появились интересные диссертационные работы по социологии, философии, культурологии и др. Некоторые работы приведены ниже:

1. Козырева С.П. Экологическая культура и образование (канд.культурологии, 24.00.01), 2004, Улан-Уде.
2. Шишкина Е.А. Социальное конструирование экологической культуры на региональном уровне глобализации (докт. соц. наук, 22.00.06), 2009, Саратов.
3. Ермолаева П.О. Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов (кросс-культурный проект) (канд. соц. наук, 22.00.04), 2011, Казань.
4. Захарова Е.Ю. Экологическая культура соционатурэкосистемы (докт. филос. наук, 09.00.11), 2012, Чита.
5. Шарафеева Н.Н. Библиотека как центр формирования экологической культуры молодежи (канд. пед. наук, 05.25.03), 2012, Казань.
6. Марар О.И. Экологическая культура в современном российском обществе (докт.соц.наук, 22.00.06), 2012, Москва.
7. Симоненко Н.И. Экологическая культура как основание образовательной парадигмы: философско-культурологический анализ (канд. филос. наук, 09.00.13), 2012, Челябинск.
8. Иванова Т.В. Экологическая культура кочевников Байкальского региона: общее и особенное (канд.культурологии, 24.00.01), 2012, Улан-Уде.
9. Габинская А.А. Глобализация образования и проблема формирования экологической культуры (канд. филос.наук, 24.00.01), 2015, Гродно (Республика Беларусь).

Можно констатировать, что в науке проблема формирования экологической культуры как результата экологического образования и ее нового воплощения — культуры устойчивого развития (по Н.М. Мамедову) — результата образования для устойчивого развития (ОУР) исследуется достаточно интенсивно. Однако серьезных результатов с точки зрения информированности населения страны пока не наблюдается. Как отмечает Е.Н. Дзятковская (2016 г.), «менее 1% учителей вообще что-то слышали об образовании для устойчивого развития». Примерно такой же результат фиксирует Г.В. Пичугина (2016 г.) «на вопрос «Как вы понимаете активно обсуждаемые в СМИ идеи «устойчивого развития» и «образование для устойчивого развития?»» только 2,5% дали ответ, адекватный современной научной трактовке этих понятий». Трудно полностью согласиться с автором по поводу активно обсуждаемых в СМИ проблем, связанных с устойчивым развитием. Такой активности в широко издаваемых СМИ, как нам кажется, особенно не наблюдается, и в этом одна из серьезных проблем становления экологического образования в интересах устойчивого развития.

А что происходит с экологическим образованием в других странах, например, в США? Ответом на этот вопрос может стать сравнительно-педагогическое исследование П.О. Ермолаевой «Особенности формирования экологической культуры российских и американских студентов (кросс-культурный проект). Интересно отметить, что в исследовании П.О. Ермолаевой (2011 г.) рассмотрены две традиции осмысления феномена экологической культуры. В рамках российской традиции экологическая культура определена как комплексное социокультурное явление, оформленное на различных уровнях социальной реальности, имеющее свои функции, структурообразующие элементы. В рамках американской традиции происходит ориентация на стратегию конструирования публичного экологического дискурса на внутренние по отношению к окружающей среде процессы. В качестве рабочего в диссертации избран отечественный подход, который заключается в синтезе аксиологического и деятельностного подходов.

Под экологической культурой понимается особый «срез» общей культуры общества, транслирующий гармоничный способ взаимодействия общества с окружающей средой

и характеризующийся сознательным отношением к природе и практическим участием в улучшении природопользования. Кросс-культурный анализ показал, что американское студенчество по сравнению с российским является более экологически активным. У российского студенчества более сформированы показатели экологического сознания: экологической озабоченности и экологического знания, но низким уровнем экологической деятельности. Экологический образ жизни американского студенчества рутинизировался, стал массовым и доступным в противоположность российскому студенчеству, где подобные проэкологические практики только еще формируются. Несмотря на одинаковую долю проэкологически активного студенчества в обеих выборках, по степени интенсивности проявления проэкологического активизма лидирует американское студенчество. Контент-аналитическое исследование показало, что экологические сообщения представлены в прессе односторонне, имеют описательный и случайный характер. Абсолютное меньшинство экологических сообщений содержит информацию, стимулирующую аудиторию к проэкологической деятельности. В американских СМИ содержится в 2,5 раза больше сообщений, посвященных проблемам экологии, по сравнению с российскими газетами, объем экологических статей в американских печатных изданиях больше, чем в российских. Американские издания содержат меньше аналитической информации, чем российские СМИ. В американских изданиях содержится больше статей, посвященных проэкологической деятельности, чем в российских. [6].

В диссертации Ю.Н. Пахомова (2003) введено понятие и определены основные качества экокочеловека как субъекта социоприродного развития. Экокочеловеком (человеком экологическим) является человек, осознавший необходимость и выработавший потребность в сохранении жизни и заботе о социо-природной среде своего обитания и в своих действиях руководствующийся принципом минимизации негативных воздействий на природу. Его характеризуют цельность личности, целостность мировосприятия, высокая степень развития экологического сознания, высокий уровень экологической ответственности и экологической культуры [8].

Экологическая культура рассматривается нами, как целостность, включающая следующие составляющие: экологические знания (естественнонаучные, социогуманитарные, технические и др.); экологическое мышление (способность установления причинно-следственных, вероятностных, прогностических и других видов связей); экологически оправданное поведение, характеризующее переходом экологических знаний, экологического мышления в повседневную норму поступка; культура чувств — моральный «резонанс», сочувствие, переживание, благоговение перед жизнью (по А.Швейцеру) [1,2,3]. Указанные составляющие экологической культуры были представлены в форме вопросов социально-педагогического исследования школьников (2018 г.) на предмет изучения вклада экологического образования и экологического просвещения в развитие экологической культуры. Результаты исследования представлены в таблице 1. и на рис.1.

Таблица 1

Вклад экологического образования и экологического просвещения в развитие экологической культуры (отметьте вклад по 10-балльной системе)

№	Составляющие экологической культуры	Образование (учебные предметы, внеучебная и внеурочная деятельность, дополнительное образование, школьные сайты)	Просвещение (средства массовой информации, социальная реклама, общественные организации, сайты, экологические порталы)
1.	Знание экологических понятий и терминов, их формулировки	8,2	3, 4
2	Знание экологических законов, правил, принципов	7,3	2,3

№	Составляющие экологической культуры	Образование (учебные предметы, внеучебная и внеурочная деятельность, дополнительное образование, школьные сайты)	Просвещение (средства массовой информации, социальная реклама, общественные организации, сайты, экологические порталы)
3	Мотивация к участию в экологической и природоохранной деятельности	3,5	7,6
4	Умения объяснять и обосновывать экологические явления, процессы, эффекты, закономерности	6,5	4,2
5	Системное и систематическое изучение экологических проблем	7,6	4,4
6	Духовно-нравственные и эмоциональные эффекты общения с природой	5,2	8,4
7	Информация о международных экологических проблемах (изменении климата, сокращении биоразнообразия, парниковом эффекте и др.)	2,4	8,1
8	Информация об экологическом состоянии своего региона, страны	3,4	9,0
9	Активность в пропаганде экологических знаний	4,7	7,5
10	Практическое участие в экологических акциях	5,6	8,7
11	Информация об устойчивом развитии общества	4,2	6,5
12	Знание международных и российских экологических организаций	3,6	7,4
13	Участие в социальных сетях по экологической проблематике	2,3	8,6
14	Желание и умения разрабатывать экологические проекты и принимать в них участие	3,0	8,1
15	Самооценка вклада в экологическую культуру	4,1	7,0
	Среднее	4,8	6,7

* в исследовании приняло участие 230 учащихся 10–11 классов образовательных организаций Санкт-Петербурга, 2019 г.

**Вклад экологического образования и экологического просвещения
в развитие экологической культуры (по 10-балльной шкале)**

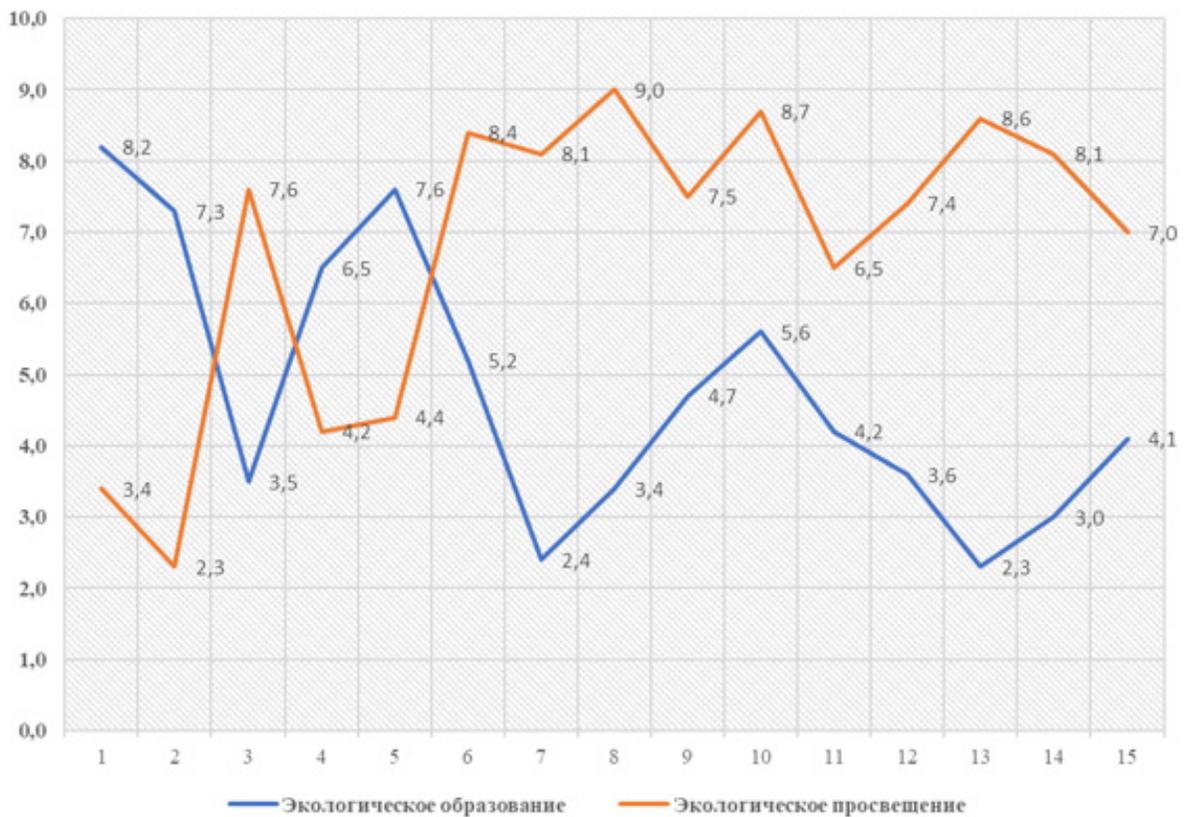

Рис. 1. Вклад экологического образования и экологического просвещения в развитие экологической культуры (по 10-балльной шкале)

С точки зрения старшеклассников, основной вклад в развитие экологической культуры вносят разные формы экологического просвещения (6,7) по сравнению с методиками экологического просвещения (4,8). Несомненно, это усредненный результат и требует поэлементного анализа. Именно он позволяет сделать следующие заключения:

1. Аксиологический (ценностно-целевой) компонент экологической культуры формируется и в образовании, и в просвещении, причем формы экологического просвещения в эмоционально-ценностном отношении оцениваются школьниками более высоко (8,4 против 5,2), также как формирование мотивационной сферы в области решения экологических проблем (7,6 против 3,5).

2. Когнитивный (знаниевый) компонент экологической культуры наиболее системно

реализуется в системе экологического образования, несмотря на то, что отдельного учебного предмета «экология» в базисном учебном плане нет (в перспективе в контексте новых ФГОС предмет «Экология» появится в 10–11 классах как базовый предмет!). Данную ситуацию возможно объяснить реализацией в Санкт-Петербурге смешанной модели экологического образования (экологизация содержания учебных предметов + самостоятельное изучение экологических проблем в рамках внеурочной деятельности).

3. Деятельностный компонент экологической культуры достаточно высоко оценивается в экологическом образовании, тем не менее, уровень приобщения школьников к практической экологической деятельности в просвещении выше, чем в образовании.

Рис 2. Развитие инициативы учащихся через организацию социально значимой деятельности: работа по озеленению и благоустройству городских территорий

Рис. 3. Исследовательская и проектная деятельность старшеклассников по изучению экологических проблем городской среды

Рис. 4. Практическая экологическая деятельность на пришкольном участке

4. Ряд экологических проблем (в первую очередь, вопросов, касающихся устойчивого развития) оцениваются школьниками в области их осмысления в просвещении выше, чем в образовании (4,2 — для образования, 6,5 — для просвещения).

5. Самооценка как самостоятельный вопрос для школьников также констатирует доминанту экологического просвещения (7,0) по сравнению с экологическим образованием (4,1).

Попытаемся найти взаимосвязь составляющих экологического образования и экологического просвещения (аналогичные рассуждения можно использовать и в случае развития речевой, правовой, экономической культуры и др.).

Единственным общим компонентом, по сути, аттрактором, взаимодействия систем образования и просвещения является воспитание (первая линия сопряжения). В случае экологической культуры — воспитание бережного отношения к природе как ценности,

воспитание экологического гуманизма, этики — этики благоговения перед жизнью (по А. Швейцеру). Феномен воспитания можно определить как «...целенаправленное порождение в педагогическом взаимодействии динамики смыслов и способов бытия человека, актуализирующих его человеческое качество» [4]. Вторая линия сопряжения понятий «информирование — обучение» раскрывает процессы получения информации о состоянии окружающей среды, причинах и последствиях экологических проблем и др., превращения информации в лично значимые знания, которые посредством личного опыта формируются в компетенции: жизненные или профессиональные. Третья линия «распространение — развитие» направлена на формирование потребности в распространении социально значимых знаний своим близким и коллегам [5]. Вклад различных составляющих просвещения в основные виды образования (по европейской классификации) по результатам мини-исследования студентов и педагогов представлен в таблице 2.

Вклады составляющих просвещения в разные виды образования (по 10-балльной системе)

Образование Просвещение	Формальное образование	Неформальное образование	Информальное образование
Распространение	7,0*	7,1	8,9
Информирование	9,1	8,7	9,0
Воспитание	8,5	9,2	7,4

* Данные по анкетированию 240 студентов и педагогов образовательных учреждений Санкт-Петербурга (по 10-балльной системе)

Можно констатировать, что при единстве в целеполагании образования и просвещения — развития экологической культуры (а затем и культуры устойчивого развития), вклад разных составляющих экологического просвещения (распространение экологических знаний — экологическая пропаганда, информирование и воспитание) в разные виды образования (формальное, неформальное, информальное) различен. Наибольший вклад в развитие формального и информального образования, с точки зрения студентов и педагогов, вносит информационная составляющая просвещения (9,1 и 9,0 соответственно), а в развитие неформального образования — воспитание (9,2). Отмеченные положения подчеркивают важность интеграции экологического образования и экологического просвещения в развитие экологической культуры человека.

В диссертации О.А. Сычевой «Оценка результатов экологического образования старших школьников» (Чита, 2008 г.) четко обозначены те противоречия, которые сегодня существуют при оценке результатов экологического образования, а именно:

- между направленностью современного образования на формирование компетентности, включающей когнитивные, организационные, коммуникативные знания, умения, навыки, формирование опыта самостоятельной деятельности, способности к самообразованию, воплощающиеся в практической деятельности на основе системы ценностей и личностных качеств, и неразработанностью целостной системы оценки, направленной на отслеживание этих результатов;
- между обширным научно-методическим фондом, посвященным исследованию

проблем экологического образования в современной школе, и отсутствием научно обоснованного подхода к оценке результатов экологического образования, разработанного в соответствии с его спецификой для школы;

- между многообразием результатов экологического образования и отсутствием научно обоснованного основания для их классификации, выделения критериев и показателей;
- между социальной значимостью практической природоохранной деятельности для формирования экологической культуры личности и отсутствием соответствующих критериев и показателей, позволяющих объективно оценить результаты этой деятельности.

Автор отмечает, что при оценивании результатов экологического образования следует исходить из понимания экологической культуры как комплексного результата экологического образования, основными элементами которой можно считать экологическое мировоззрение, экологическое сознание и экологическую компетентность как умение осуществлять комплексную экологически целесообразную деятельность на основе системы экологических знаний и умений, ценностей, убеждений и личностных качеств. Оценка образовательных результатов рассматривается как качественно выраженный итог соотнесения реальных достижений учащихся в области экологического образования с планируемыми. Оценка результатов экологического образования школьников должна учитывать его специфические особенности — универсальность, ориентированность на формирование ценностей как основы деятельности, подчиненность современным идеям «образования для устойчивого

развития» — прогностичность, социальная обусловленность, направленность на формирование практических и проектных умений. Это обуславливает необходимость включения в число объектов оценивания всех видов деятельности учащихся когнитивной, практической, проектной, ценностно-смыслового самоопределения. Описание целей, подбор измерителей, классификация результатов экологического образования школьников должны быть осуществлены с учетом уровней усвоения содержания экологического образования:

- описательного — характеризует умение выполнять учебные задания описательного типа;
- объяснительного — характеризует умение выполнять задания объяснительного типа, навыки работы с информацией;
- практического (элементарная деятельность) — характеризует умение выполнять задания практического типа, включает умение применять знания на практике, поступки, коммуникативные и организационно-деятельностные умения;
- проектного (проектная деятельность), выделенного в соответствии со спецификой экологического образования, — характеризует умение выполнять задания проектного типа, включает весь спектр общеучебных умений, которые активно формируются в ходе экологического образования,

ценностно-смысловое самоопределение, самореализацию, рефлексия [9].

Критериями экологической культуры личности как основного, комплексного результата экологического образования, являются каждый из достигнутых уровней усвоения его содержания, поскольку в совокупности они отражают сущностные особенности основных элементов экологической культуры экологического мировоззрения, сознания, экологической компетентности. Общеучебные результаты экологического образования школьников, характеризующие виды деятельности, соответствующие определенному уровню усвоения, будут являться показателями, позволяющими непосредственно наблюдать и определять соответствие реальных предметных результатов деятельности школьника каждому из критериев, и, следовательно, судить о степени сформированности экологической культуры личности старшего школьника. Достижение проектного уровня (умение осуществлять проектную деятельность) является значимым критерием экологической культуры личности, поскольку актуальная для социоприродного окружения деятельность осуществляется на основе ценностей и убеждений по инициативе самой личности, т.е. в ней отражаются элементы экологического мировоззрения, сознания, экологической компетентности. Виды деятельности (комплексная социально значимая, природоохранная), в которых проявляется высокая степень учета социоприродного окружения, являются показателями результатов, соответствующих проектному уровню.

**Целевые показатели (индикаторы) эффективности реализации
Концепции непрерывного просвещения на территории Санкт-Петербурга**

№	Составляющие экологического просвещения	Критерии формирования экологической культуры	Целевые показатели (индикаторы)	Индикаторная и экспертная оценка целевого показателя по 3-балльной системе (-1, 0, +1) и 10-балльной системе (1-0)	
				Методика расчёта	Данные на 2018 год
1.	Экологическое воспитание	Отношение к экологическим проблемам города	Индекс позитива = % позитивных ответов / % негативных (безразличных) ответов (по результатам социологического исследования всех категорий граждан города: школьники, студенты, взрослые)	Индекс позитива — больше 1, что означает, что большая часть населения имеет позитивное отношение к экологическим проблемам-оценка+1 балл. Индекс равен 1 означает, что количество позитивно и негативно настроенных людей одинаково, оценка — 0. Индекс меньше 1 означает, что количество негативно настроенных детей больше позитивно настроенных, оценка -1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей — от 1 до 10.	+1/8
		Ценность качества окружающей среды» в рейтинге ценностей человека	Изменение места ценности «окружающая среда» в рейтинге ценностей человека (по возрастным группам населения города: школьники, студенты, взрослые)	Повышение из года к году места «окружающей среды» в рейтинге ценностей, оценка +1. Рейтинг окружающей среды невысок и не меняется от года к году, оценка 0. Место окружающей среды ухудшается, что означает безразличие населения к проблемам окружающей среды, оценка -1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей от -1 до 10.	+1/7
		Мотивация к практической экологической деятельности	Динамика мотивированных граждан на экологическую деятельность (по возрастным группам населения города: школьники, студенты, взрослые)	Повышение мотивации граждан к осмыслению экологических проблем проявляется в увеличении активности их участия в экологических акциях, оценка +1. Стабильность мотивации можно рассматривать как отсутствие привлечения новых участников к экологической деятельности, оценка 0. Уменьшение мотивации петербуржцев можно оценивать, как — 1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей — от 1 до 10	+1/7

№	Составляющие экологического просвещения	Критерии формирования экологической культуры	Целевые показатели (индикаторы)	Индикаторная и экспертная оценка целевого показателя по 3-балльной системе (-1, 0, +1) и 10-балльной системе (1-0)	
				Методика расчёта	Данные на 2018 год
2.	Экологическое информирование	Гражданская позиция	Динамика активности обращений населения по вопросам ОС, нарушений экологического законодательства физическими и юридическими лицами; участие в общественном контроле выполнения экологического законодательства в городе.	Повышение активности обращений населения по вопросам ОС (как по негативным явлениям, так и с благодарностями по поводу решения актуальных экологических проблем!) можно оценивать как +1. Стабильность числа обращений позволяет сделать оценку 0. Уменьшение активности петербуржцев (с пояснением об отсутствии информации или безрезультативности обращений) можно оценивать как -1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей от 1 до 10	+1/7
		Достоверная информация о качестве окружающей среды	Расширение многообразия и разнообразия объектов инфраструктуры экологического просвещения (экологические центры, экологические сайты, порталы)	Повышение разнообразия объектов инфраструктуры экологического просвещения оценивается как +1. Стагнация данного показателя позволяет выставить оценку 0. Уменьшения объектов инфраструктуры ЭП по разным причинам оценивается 1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей — от 1 до 10	+1/7
		Многоаспектное рассмотрение и понимание экологических проблем, правил, принципов	Реализация межведомственных проектов и программ экологического просвещения (конкурсы, смотры, фестивали, форумы и др. осмысления экологических проблем средствами культуры, науки, религии и др.)	Реализация значимых межведомственных проектов и программ позволяет выставить экспертную оценку +1. Отсутствие межведомственных проектов и программ — 0. Декларация реализации данных проектов и программ, но их реальное отсутствие позволяет выставить оценку -1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей — от 1 до 10	-1/4

Целевые показатели (индикаторы) определяются по результатам социологического исследования и ряда экспертных проверок, проводимых каждые три года. Стартовым можно считать результаты проведённого исследования

2018 года при разработке данной Концепции. Полученный ряд экспериментальных данных составит основы мониторинга эффективности экологического просвещения населения на территории Санкт-Петербурга.

№	Составляющие экологического просвещения	Критерии формирования экологической культуры	Целевые показатели (индикаторы)	Индикаторная и экспертная оценка целевого показателя по 3-балльной системе (-1, 0, +1) и 10-балльной системе (1-0)	
				Методика расчёта	Данные на 2018 год
3.	Экологическое распространение (пропаганда экологических знаний)	Информационные ресурсы (цифровизация) экопросвещения	Динамика информационных ресурсов экологического просвещения (сайтов, порталов и др.)	Повышение количества и качества информационных ресурсов ЭП позволяет определить оценку +1. Отсутствие динамики количества информационных ресурсов -0. Закрытие ряда информационных ресурсов, их уменьшения по разным причинам позволяет выставить оценку — 1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей —от 1 до 10	0/5
		Общественные экологические организации и экологическое волонтерство	Динамика общественных экологических организаций и их активности, волонтерских групп (по возрастным категориям населения города)	Повышение количества и активности общественных организаций по разным возрастным группам позволяет оценить показатель как +1. Отсутствие положительной динамики-0. Уменьшение количества общественных организаций и активности их деятельности — 1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей — от 1 до 10	+1/7
		Экологическая тематика в СМИ (газетах, журналах, радио, телевидение и др.)	Динамика информационных материалов на экологическую тематику в СМИ; разнообразия тематики экологических публикаций, соотношение позитивно направленных и негативно направленных материалов	Повышение информационных материалов на экологическую проблематику в СМИ +1. Отсутствие положительной динамики -0. Сокращение информационных материалов — 1. При оценке по 10-балльной системе эксперты оценивают динамику количественных показателей —от 1 до 10	0/5
<i>Итого на 2018 год: +5/57</i>					

Результаты обсуждения индикаторной и экспертной оценки состояния системы экологического просвещения в Санкт-Петербурге в 2018 году (см. таблицу 3) методом фокус-групп ориентировочно дают следующие результаты: +5 по трёхбалльной индикаторной системе (максимальный балл +9) и 57 баллов по десятибалльной экспертной

системе (90 баллов — максимальное количество). Сумма баллов по представленным показателям, по сути, представляет собой *комплексный, интегративный показатель (индикатор) состояния экологического просвещения на территории Санкт-Петербурга* — уровень состояния экологического просвещения.

Уровень состояния экологического просвещения на территории Санкт-Петербурга

Уровень состояния экологического просвещения на территории Санкт-Петербурга	Результаты	
	индикаторных измерений (макс. балл 9)	экспертных оценок (макс. балл 90)
Высокий уровень	8–9	80–90
Достаточный уровень	6–7	60–79
Удовлетворительный уровень	4–5	50–59
Низкий уровень	менее 4	менее 50

По экспертным оценкам 2018 года уровень состояния экологического просвещения на территории Санкт-Петербурга — удовлетворительный; есть резервы для движения к высокому уровню. Данные показатели могут стать стартовыми для проведения мониторинга эффективности реализации Концепции непрерывного экологического просвещения населения на территории Санкт-Петербурга.

Литература

1. Алексеев С. В. К городу устойчивого развития через экологическое просвещение населения // Окружающая среда Санкт-Петербурга. — 2018. — № 2(8). — С. 53–61.
2. Алексеев С.В. Образование и просвещение: единство и специфика (на примере формирования экологической культуры населения) // Непрерывное образование 21 век, Петрозаводск, 2018.
3. Алексеев С. В., Оганов Р. С. Экологические проблемы городской среды глазами взрослого населения Санкт-Петербурга: социологические исследования // Непрерывное образование: XXI век. — 2019. — Выпуск 2 (26), 2019, DOI: 10.15393/j5.art.2019.4665 ВАК.
4. Алексеев С.В. Гуманитарное измерение экологической культуры человека: экогуманитарный подход // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. — 2020. — Т. 1, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: 24.05.2020 г.).
5. Алексеев С.В., Костецкая Г.А. Экологические проблемы городской среды глазами студентов: результаты социологического исследования // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. — 2020. — № 2. — С.101–119 (ВАК). 6. Ермолаева П.О. Экологический образ жизни российского и американского студенчества: особенности проявления и проблемы формирования // Вестник института социологии. — 2011. — № 3. — С. 237–253.
6. Ермолаева П.О. Экологический образ жизни российского и американского студенчества: особенности проявления и проблемы формирования // Вестник института социологии. — 2011. — № 3. — С. 237 — 253.
7. Концепция системы непрерывного экологического просвещения населения на территории Санкт-Петербурга (Экологический портал Санкт-Петербурга <http://www.infoeco.ru/index.php?id=8867>).
8. Пахомов Ю.Н. Экочеловек как субъект социоприродного развития. Автореферат докт.дисс., 22.00.01. — Санкт-Петербург, 2003. — 36 с.
9. Сычева О.А. Оценка результатов экологического образования старших школьников. Автореферат канд.дисс. 13.00.01. — Чита, 2008. — 21 с.

Ссылка для цитирования

Алексеев С.В., Оганов Р.С., Тутынина Е.В. К вопросу об оценке уровня экологической культуры населения Санкт-Петербурга // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Alekseev S.V., Oganov R.S., Tutynina E.V. On the issue of assessing the level of ecological culture of the population of St. Petersburg // *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*. — 2021. — Vol. 2, № 1. [open access internet journal]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (d/m/y).

МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОПСИХОЛОГИИ

ПАНЮКОВА Юлия Геннадьевна

д.психол. н., профессор, Психологический институт РАО,
лаборатория экопсихологии развития и психодидактики;
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева, кафедра педагогики
и психологии профессионального образования

Аннотация: В статье представлен обзор основных разработанных в российской экопсихологии методик и методических инструментов, которые активно используются исследователями для анализа психологических феноменов в пространстве взаимодействия человека и различных сред жизнедеятельности: природной, жилой и городской. В рамках экопсихологии природной среды представлена информация о различных методиках и методических инструментах, с помощью которых возможно исследование различных аспектов экоориентированного сознания и поведения. Контекст экопсихологии жилой среды актуализирует обращение к диагностическому инструментарию, направленному на изучение психологически релевантных феноменов в области взаимодействия человека и жилища. Самостоятельный аспект — обзор методик, связанных с исследовательским интересом к проблематике экопсихологии городской среды, включает обращение как классическим психосемантическим инструментам, обращенным к феномену образа города, так и представляет различные авторские подходы, свидетельствующие о дифференцированном спектре психологически релевантных явлений в области взаимосвязи человека и города

Ключевые слова: экопсихология, методики, методические инструменты, экоориентированное сознание, экоориентированное поведение, дружелюбность жилой среды, образ города

Введение

Настоящая статья — попытка систематизации явлений, которые сегодня являются предметом исследовательского интереса в российской экопсихологии. Можно констатировать, что подобных попыток аналитической интерпретации интересующего нас исследовательского поля достаточно много даже на уровне учебников и учебных пособий, не говоря уже о статьях в академических изданиях. Специфика нашего подхода заключается в выборе особенного ракурса — взгляде на феноменологию российской экопсихологии через призму методик и методических инструментов. В свое время нами была выполнена основательная работа по поиску и систематизации методик, которые сегодня используют исследователи в отечественной экопсихологии [14]. Прделанная работа позволила выделить в качестве самостоятельных направлений экопсихологию природной среды,

экопсихологию жилой среды, экопсихологию образовательной среды и экопсихологию городской среды в качестве относительно автономных областей экопсихологического дискурса, оснащенных основательным методическим инструментарием.

Методический потенциал русской экопсихологии природной среды

В пространстве российской экопсихологии природной среды традиционные феномены, находящиеся в фокусе исследовательского интереса, представлены в виде конструкторов экологического сознания и экологического поведения. Усилия, предпринятые в области возможности «измерить» релевантные показатели экологического сознания и поведения, увенчались разнообразными успехами как в области диагностики базовых установок,

связанных с взаимодействием в области «человек — природная среда», так и в связи с частными экоориентированными установками, например, особенности проэкологического поведения в быту. Согласно И.В. Кряж и К.А. Андронниковой, еще в 1994 году американские психологи С. Томпсон и М. Бартон определили три типа установок по отношению к окружающей среде: «экоцентрическую» — ориентированную на оценку природы вне зависимости от ее влияния на людей, «антропоцентрическая» — утилитарную, связанную с прагматическими эффектами от природной среды и «экологическую апатию» — безразличие по отношению к экологической проблематике. На основе анализа современного на период первого десятилетия XX века методического ресурса зарубежной психологии и в процессе самостоятельного исследования И.В. Кряж была разработана, адаптирована и представлена батарея методик и методических инструментов (авторских и адаптированных), с помощью которой исследователь может получить данные как о фундаментальных «точках отсчета» во взаимосвязи субъекта с природной средой: например, «интегральная шкала новой экологической парадигмы (НЭП)», «пределы роста», «анти антропоцентризм(биоцентризм)», «природный баланс», «исключительность человека», «угроза экологического кризиса» (это шкалы русскоязычной «Шкалы НЭП»), так и о феноменах «обеспокоенности экологическими рисками», «заинтересованности в экологической информации», «установки на экосберегающее поведение в быту», «субъективную связь с природой» и др. [8]. Можно подчеркнуть, что методики, разработанные и адаптированные И.В. Кряж с коллегами, активно используются для анализа различных особенностей экологического сознания и поведения. В качестве примера можно привести исследование С.В. Самойловой, посвященное анализу взаимосвязи экологического сознания с отношением к себе и к миру у лиц с проэкологической активностью [18].

Методические традиции российской психологии связаны с диагностикой «доминирующего субъективного отношения к природным объектам», «типа доминирующей установки по отношению к природе», «ведущего типа взаимодействия с природным объектом» [5]. В том числе «по мотивам» такого взгляда

на особенности экологического сознания были разработаны методики для анализа «ценностного отношения школьников к природным объектам» [2], направленные на определение доминирования когнитивного или эмоционального компонентов в структуре ценностного отношения к природным объектам, что связывалось с разными уровнями экологических ценностей субъекта. Таким образом, на этапе оформления экопсихологии природной среды и начала операционализации феномена экологического сознания, были созданы диагностические инструменты, позволяющие определять как доминантность и интенсивность экоориентированных смыслов в структуре системы ценностей субъекта, так и качественную специфику самих экоориентированных смыслов.

Авторский вклад в развитие методического потенциала исследования пространства «человек — природная среда» был внесен сотрудниками лаборатории экопсихологии развития и психодидактики, которые разработали опросник экологического сознания и поведения, включающая субтесты «Экологические угрозы», «Единение с природой», «Среды», «Экологическая мотивация» и «Экологическая ответственность» [15]. Спектр феноменов, которые могут стать предметом исследовательского внимания с помощью данного опросника, достаточно широк: сила и вектор (положительный и отрицательный) воздействия природы на человека и человека на природу; сила вклада таких факторов, как «эстетические ощущения», «телесные ощущения» и «активность» в переживание единения с природой; экологическая ответственность и др.

Современная ситуация актуализирует проблематику экологических рисков и угроз, в связи с чем усиливается интерес к анализу особенностей взаимодействия человека и природной среды в контексте возможных «уронов» как со стороны человека по отношению к природе, так и наоборот. В этом направлении также известны исследования в области установок по отношению к проблеме глобальных экологических изменений, (например, «Опросник озабоченности глобальными экологическими проблемами ЭкО-30»), в рамках которых оформились такие конструкты, как «биоцентризм», «экологическая интернальность», «отрицание

глобальных экологических изменений» и «денежное беспокойство», с помощью которых анализировались качественные особенности восприятия экологических проблем [9]. Усилением методического потенциала освоения пространства взаимосвязей и взаимодействия в системе «человек — природная среда» стала подготовка комплекса диагностических инструментов, направленных на анализ отношения к глобальным рискам. Данный конструкт, по мнению авторов, представляет собой структуру из аффективного (тревога по поводу глобальных рисков), когнитивного (необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения; фаталистическое игнорирование, сосредоточение на своей жизни...; религиозный авторитаризм; радикальные решения; оптимизм в отношении глобального будущего; апокалиптизм) и поведенческий (готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков; готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких) компонентов феномена «отношение к глобальным рискам» [13].

Ситуация пандемии Covid-19 обозначила новые акценты во взаимосвязи и взаимодействии человека с природной средой, что сразу стало предметом исследовательского интереса и послужило основанием для использования классических методик в фокусе новых экологических реалий. В качестве примера эмпирического исследования, посвященного проверке гипотезы о том, что оценка опасности Covid-19 влияет на оценку опасности взаимодействия человека и природы, мы приводим работу М.О. Мдивани и Е.С. Александровой, которая была выполнена с помощью опросника экологического сознания и поведения, в частности, субтеста «Экологические угрозы» [10]. Исследователи констатируют, что ситуация пандемии связана с негативными установками по отношению к взаимодействию человека и природы, с доминированием архаического и антропоцентрического типов экологического сознания. Важными являются данные о том, что представители молодого поколения высоко оценивают негативное влияние человека на природу, в то время как представители старшего поколения — негативное влияние природы на человека.

В целом, анализ методических возможностей экопсихологии природной среды позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день разработан основательный пакет авторских и/или адаптированных диагностических инструментов, позволяющих определить как базовые, глобальные характеристики экологического сознания и поведения человека (тип экологической установки), так и частные аспекты экоориентированного сознания и поведения.

Методический потенциал российской экопсихологии жилой среды

Экопсихология жилой среды в российской психологии репрезентирована в исследованиях, выполненных под руководством С.К. Нартовой-Бочавер [11]. Сравнительно недавно возникшее направление оснащено достаточно основательным набором методических инструментов, позволяющих диагностировать различные ипостаси в пространстве взаимосвязей и взаимодействий в системе «человек — жилая среда». Одна из наиболее сложно структурированных методик — опросник «Релевантность домашней среды» — предоставляет возможность исследователю получить информацию о степени удовлетворения потребностей субъекта, которые отражаются в таких квалифицирующих отношения с жилищем показателях, как: управляемость домашней среды, ресурсность домашней среды, самопрезентация, эргономичность домашней среды, отчужденность, пластичность домашней среды, историчность домашней среды [12].

Помимо релевантности домашней среды, эмпирически валидизирован конструкт «дружественность» жилища, что нашло отражение в разработке опросника функциональности домашней среды. Опросник предполагает обращение к теме возможностей, которые жилая среда предоставляет человеку для удовлетворения его потребностей. В качестве показателей «дружественности» жилища выделяются прагматичность, развитие, стабильность и защищенность [11].

Еще один вариант операционализации взаимосвязей в системе «человек — жилая

среда» — привязанность к жилищу. В истории экопсихологических исследований этот конструкт является одним из базовых, однако, в отечественной экопсихологии жилой среды разработан только один методический инструмент, позволяющий эмпирически валидизировать феномен привязанности к дому — метод оценки привязанности к дому [17].

Можно сказать, что на сегодняшний день в российской экопсихологии жилой среды вышеназванными методиками исчерпываются все методические возможности эмпирических исследований. Однако, богатый содержательный потенциал методик, направленных на диагностику таких реалий, как «релевантность», «функциональность» жилой среды и метод оценки привязанности к дому предоставляют возможность для оформления широкого исследовательского пространства, позволяющего актуализировать психологические миссии дома как фактора, взаимодействия с которым влияет на психическое и психологическое благополучие субъекта.

Методический потенциал отечественной экопсихологии городской среды

Обращение к феноменам, представляющим интерес для исследователей в области экопсихологии городской среды, предполагает небольшой исторический экскурс, позволяющий определить основные направления в современном методическом пространстве экопсихологии городской среды. Одно из первых в отечественной психологии исследований, посвященное восприятию городской среды, было выполнено С.Э. Габидулиной с использованием психосемантического методического инструментария. Психосемантический подход и сегодня определяет методические возможности многих эмпирических исследований в области взаимосвязи и взаимодействия в системе «человек — городская среда». Можно привести пример авторского семантического дифференциала, направленного на исследование психологического комфорта в условиях городской среды [4].

Феномен образа города может рассматриваться в качестве ядерного смыслового образования,

олицетворяющего экопсихологический фокус взгляда на урбанистическое пространство. Методический потенциал, позволяющий развернуть эмпирический дискурс в рамках этой области, представляется весьма дифференцированным и умеренно формализованным. Большинство методических инструментов, используемых в исследованиях городской ментальности, являются полупроективными и проективными. Вместе с тем, можно говорить о существовании самостоятельных авторских научно-исследовательских подходов в экопсихологии городской среды, в рамках которых разработана и активно апробируется целая батарея методических инструментов. В качестве примера такого проекта можно привести исследования Т.В. Семеновой, посвященные анализу городской ментальности [19]. Для получения данных об одиннадцати «параметрах/компонентах» городской ментальности, к числу которых относятся «демократичность города», «узнаваемость города», «доброжелательность города», «отзывчивость города» и др., были использованы такие методические инструменты, как использование юмористических сюжетов: рассказов, эссе, рисунков. Для обработки полученных данных выделены показатели, позволяющие достаточно точно получить информацию о «коэффициентах» измеряемых параметров городской ментальности.

Самостоятельной исследовательской программой является деятельность томских ученых [1]. Одним из предметов исследования является субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде. Учеными разработан авторский опросник «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде» (СОРБЦ), который ориентирован на выявление степени удовлетворенности 20-ти базисных для субъекта ценностей в городской среде. Представленные в опроснике базисные ценности были получены с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда, к каждому утверждению которого был сконструирован антоним. С помощью данного опросника была предпринята попытка определения субъективных представлений жителей нескольких крупных городов, в том числе молодежи, (Новосибирска, Томска, Петропавловска-Камчатского и др.) о возможностях удовлетворения базисных ценностей в городской среде.

В исследованиях С.Ю. Ждановой, О.И. Кильченко и др. также используется методика изучения городских потребностей, позволяющая исследовать групповые представления респондентов о городских нуждах. В основе методики — классификация потребностей, в рамках которой выделяются индивидуальные, субъектные, личностные и индивидуальные потребности города. Выборка составила больше 100 человек жителей Оксфорда и Перми в возрасте от 17 до 75 лет с опытом однократного или многократного пребывания в Перми. Результаты исследования фиксируют связь выраженности разных городских потребностей (от индивидуальных до индивидуальных) в репрезентации городской среды респондентами с разным сроком пребывания в городе. Кроме того, авторы обращаются к таким методическим инструментам, как рисование карты-наброска города и методу косвенного оценивания города [6].

Дифференцированные эмпирические исследования в области экопсихологии городской среды представлены И.В. Воробьевой и О.В. Кружковой [3]. В качестве методических инструментов предлагаются как универсальные: ассоциативный эксперимент с последующей обработкой данных с помощью контент-анализа, и анализ когнитивных карт, а также авторские варианты методик, в частности, опросник для оценки фотографий с целью исследования направленности поведения в условиях стресс-факторов городской среды; методика анализа поведения в условиях городской среды; методика исследования эмоциональной реакции на городскую среду и др. Основная цель серии эмпирических исследований — выявление эмоционально-перцептивной окраски различных типов городской среды в восприятии горожан. Одной из задач для группы исследователей является выявление и систематизация стресс-факторов городской среды. Можно привести пример анализ индивидуально-демографических и индивидуально-личностных факторов, детерминирующих субъективную оценку стресс-факторов городской среды у жителей крупных городов юношеского возраста. На выборке 1762 человека с использованием авторской анкеты (анкета в статье не приводится) было проведено оценивание (по шкале от 0 до 4-х) 8-и групп стрессующих обстоятельств городской среды: реальных рисков

и угроз, информационно-динамических нагрузок, социального краудинга, транспортных рисков, проблем ориентации, безразличия, миграционных рисков и гомогенности визуальной среды. В результате проведенного исследования стрессующие обстоятельства были ранжированы по критерию их субъективной значимости для респондентов, а в системе факторов, детерминирующих субъективную значимость этих обстоятельств, доминируют индивидуально-личностные особенности респондентов.

Анализу взаимосвязи адаптивной способности подростков с особенностями и качеством восприятия городской среды посвящено исследование Е.Ю. Пряжниковой и О.В. Голубь [16]. Авторы изучают особенности образа города как сложной системы значений, которая складывается под воздействием внутренних (агрессивность и адаптированность) и внешних (особенности городской среды) факторов. Выборка составила 30 подростков в возрасте от 12 до 14 лет, проживающих в г. Нижневартовске. В качестве методики для анализа образа города использовался метод пиктограмм А.Р. Лурия (подробного описания проведения исследования и схемы обработки данных в статье не приводится), позволивший определить семантическую значимость предъявляемых респондентам объектов — различных мест — «локусов» городской среды. Один из результатов исследования — выделение таких значимых для подростков особенностей образа города, как привлекательность мест с высокой интенсивностью социальных контактов, динамичностью происходящих изменений, дающих ощущение безопасности и прямо влияющие на эмоциональный комфорт.

Заключение

Проведенный анализ методического потенциала современной российской экопсихологии свидетельствует о достаточном многообразии и эклектичности в использовании диагностических процедур. Вместе с тем, можно говорить о существовании некоторого ядерного конструкта, к которому обращаются все исследователи — это метапсихологическая категория образа, которая в формате экопсихологических исследований

репрезентируется в образе того или иного вида среды: экологическое сознание как образ природы, функциональность и релевантность жилища как образ дома, городская ментальность как образ города и др. Для концептуализации взаимосвязи и взаимодействия

в системе «человек — среда» необходимы методологические рамки, которые будут форматировать смысловое пространство, а также определять механизмы и принципы, реализующие интересующие нас взаимосвязи и взаимодействия.

Литература

1. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Психологический журнал. — 2012, № 46. — С. 67–75.
2. Волошина Т.С. Психологические аспекты развития ценностного отношения школьников к объектам природы: на примере профильных экологических и психологических классов: дис. ...канд. психол. н. — Самара, 2002. — 182 с.
3. Воробьева И.В., Кружкова О.В. Психология городской среды: монография. — Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2012. — 244 с.
4. Габидулина С.Э. Психосемантика городской среды (объективные и субъективные факторы отношения горожан к элементам городского ландшафта): дис. ...к. психол. н. — М.: МГУ, 1991. — 191 с.
5. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методики диагностики и коррекции отношения к природе. — М.: ЦКФЛ РАО, 1995. — 147 с.
6. Жданова С.Ю., Кильченко О.И. Особенности психологических репрезентаций городской среды г. Перми у иностранцев в связи с временем пребывания // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика, 2010, № 4. — С. 69–74.
7. Калита В.В. Процедура конструирования специализированного семантического дифференциала «Психологический комфорт в условиях городской среды» // Ученые записки Российского Государственного Социального Университета. — 2019. — Т. 18(152). — № 3. — С. 86–94.
8. Кряж И.В. Психология смысловой регуляции экологически релевантного поведения: автореф. дис. ...д-ра психол. н. — Харьков, 2013. — 39 с.
9. Кряж И.В. Опросник озабоченности глобальными экологическими проблемами ЭкО-30 // Отечественная экпсихология: направления исследований и методический инструментарий. — М., СПб. — 2020. — С. 39–44.
10. Мдивани М.О., Александрова Е.С. Пандемия в контексте экологического сознания // Экспериментальная психология. — 2021. — Т. 14. — № 3. — С. 67–78. DOI: doi.org/10.17759/exppsy.2021140305.
11. Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Резниченко С.И., Хачатурова Н.Р. Дом и его обитатели: психологическое исследование / Отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. — М.: Памятники исторической мысли. — 2018. — 293 с.
12. Нартова-Бочавер С.К., Дмитриева Н.С., Резниченко С.И., Кузнецова В.Б., Брагинец Е.И. Метод оценки дружелюбности жилища: опросник «Функциональность домашней среды» // Психологический журнал. — 2015. — Т. 36. — № 4. — С. 71–83.
13. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Психология глобальных рисков. — М.: Изд-во «Психологический институт РАН» — 2018. — 402 с.
14. Отечественная экпсихология: направления исследований и методический инструментарий /составитель Ю.Г. Панюкова. — М., СПб.: Нестор-История, 2020. — 312 с.
15. Панов В.И., Мдивани М.О., Кодесс П.Б., Лидская Э.В., Хисамбеев Ш.Р. Экологическое сознание: теория, методология, диагностика // Психологическая диагностика. Тематический выпуск. — 2012. — № 1. — 126 с.
16. Пряжникова Е.Ю., Голубь О.В. Роль восприятия городской среды в адаптации подростков // Психологическая наука и образование. — 2012, № 4.
17. Резниченко С.И., Нартова-Бочавер С.К., Кузнецова В.Б. Метод оценки привязанности к дому // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2016. — Т. 13. — № 3. — С. 498–518.
18. Самойлова С.В. Взаимосвязь экологического сознания с отношением к себе и к миру у лиц с проэкологической активностью. Выпускная квалификационная работа. — Южно-Уральский государственный университет. — 2018. — 93 с.
19. Семенова Т.В. Городская ментальность: социально-психологическое исследование. Монография. Издание 2-е, дополненное и исправленное. — Самара, ООО «Порто-принт». — 2020. — 250 с.

Ссылка для цитирования

Панюкова Ю.Г. Методический потенциал российской экопсихологии // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Panyukova Yu. Methodological potential of Russian ecopsychology // Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2022. — Vol. 3, № 1. [open access internet journal]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (d/m/y).

СОЗАНИЕ ДОМА ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ: СТАНОВЛЕНИЕ ШИРОКИХ СВЯЗЕЙ В МИРЕ ПРИРОДЫ

РЕЙЗ Дэвид

Выпускник магистерской программы по арт-терапии Университета Св. Грегори (г. Шони, шт. Оклахома, США), арт-терапевт, сотрудник реабилитационного центра для лиц с химической зависимостью Шунда-Крик

Аннотация. В статье представлены данные исследования диалектических отношений между феноменом человеческого дома и природным миром как большим домом для всех форм жизни, их связи с субъектом. Индивидуальное Я рассматривается не как статичная и обособленная сущность, а то, что формируется и развивается в процессе взаимодействия индивида с социальной средой и миром природы. Основываясь на феноменологическом реляционно-эвристическом подходе, реализуем на основе самонаблюдения и работы с лицами с химическими зависимостями, автор поясняет и иллюстрирует терапевтические возможности работы в более открытой природной среде на основе приключенческой терапии как основного метода, используемого в деятельности реабилитационного центра.

Ключевые слова: Приключенческая терапия, дом, химические зависимости, реляционно-эвристический подход

Введение

Природный мир и человек влияют друг на друга, и последствия этого взаимного влияния неоднозначны. Очевидно, что в настоящее время человеческая деятельность негативно влияет на окружающую среду, а доминирующее потребительское отношение к миру природы обуславливает нарастающее отчуждение человека от природных основ жизни. Отчуждение человека от природы наблюдается не только во внешнем, но и внутреннем плане — как отчуждение субъекта от своей телесной, витальной сферы, обуславливая все более острую потребность вернуть себе ощущение внутреннего спокойствия, гармонии, свободы и жизненной связи с великим природным миром.

В отличие от открытых и сбалансированных природных экосистем, среда, созданная человеком, представляет собой более замкнутую систему, для которой характерны ригидные внешние и внутренние границы. Та человеческая субъектность, которая формируется в относительно замкнутых социальных системах, характеризуется подчеркнутой

автономностью и дуалистическими моделями восприятия мира [4,24]. Характерная для западной культуры ценность индивидуализма «сужает нашу жизнедеятельность, делая ее беднее по значению и меньше заботящейся о других» [24, р. 4]. В психологии до сих пор доминируют такие концепции субъектности, которые подчеркивают психологическую автономность индивидов и направлены преимущественно на изучение «интрапсихической динамики» [3], недооценивая связи человека с жизненной средой. Более того, дуализм между разумом и инстинктом [3], человеческим и природным мирами характеризуется чрезмерным отождествлением субъекта с «разумом» и «человеком», что обуславливает многочисленные проблемы, касающиеся отношений людей друг с другом и средой. Либеральные движения в психологии и социологии и связанная с ними критика гегемонистских концепций человеческой субъектности деконструируют классовую, расовую, половую и иные составляющие идентичности [9,10]. В то же время, природная идентичность современного человека пока находится в тени и ждет своего признания.

Рис. 1. Рябь на берегу реки Боу в месте, которое я часто посещал во время своих исследований.

Одной из серьезных психологических и психосоциальных проблем современности является массовое распространение химических зависимостей, возникающих под влиянием комплекса факторов, включая биологические, психологические и социальные факторы. При этом, так же, как и при рассмотрении иных психических и поведенческих расстройств, пока недостаточно учитывается влияние нарушенных отношений человека с природой, и он по-прежнему продолжает рассматриваться как относительно обособленный индивид. Отношения с природой, несмотря на широкое признание важности психотерапевтических отношений как «главного

лечебного фактора» [15, р. 357], остаются недостаточно изученными и слабо используются в лечении зависимостей и других психических и поведенческих расстройств.

При рассмотрении совокупности отношений самоотношение дополняет все прочие отношения индивида и оказывает на них серьезное влияние. Поэтому экологическая идентичность, отношение индивида к себе как «природному субъекту» является тем фактором, который определяет все прочие отношения и должен учитываться при рассмотрении причин развития и путей лечения

и профилактики химических зависимостей. В этом контексте приключенческая терапия (ПТ) (*adventure therapy*) является такой формой лечения, которая стремится расширить для клиентов терапевтическую среду, помогая им развивать отношения с миром природы и менять отношение к себе [8]. Такая терапия основана на использовании целительного потенциала среды природного мира, в которой границы усеченного Я современного человека могут расширяться, а внутренняя структура его личности становится более гармоничной.

Рис. 2. Одуванчик, проросший в предгорьях Скалистых гор

Есть основания полагать, что духовная сущность человека проявляет себя в процессе его взаимодействия с более широкими сферами бытия, включая природный мир, выступающий в качестве трансцендентного фактора [7,22,27]. В процессе такого взаимодействия может иметь место расширение сознания, когда индивид начинает воспринимать себя как часть чего-то большего, и в то же время, ощущать это большее, мир природы, как часть себя. На смену дуализма, характерного для обыденного сознания и представлений человека о себе, может приходиться восприятие себя и мира как диалектического единства человеческого и природного. Движение от закрытого, автономного Я в сторону более открытого, экологического Я, связанного с миром природы неизбежно затрагивает восприятие человеком того, что является его домом. В данном исследовании была предпринята попытка изучения того, как приключенческая терапия, проводимая в более широкой природной среде, влияет на эффекты лечения и отношение клиентов с химической зависимостью к себе и тому, что они воспринимают как свой дом.

Программа исследования

Цель и задачи исследования

Целью исследования являлось изучение того, как приключенческая терапия и связи с природой влияют на восприятие своего Я и своей принадлежности миру природы, ощущаемое чувство своего дома как места своего пребывания и переживания безопасности и доверия у лиц с химической зависимостью. Задачи исследования включали:

- определение влияния ПТ на эмоциональное состояние лиц с химической зависимостью,
- определение того, как ПТ влияет на способность реабилитируемых чувствовать природный ландшафт и его динамики, например, связанные с временами года, идентифицироваться с ним, преодолеть на этой основе переживание внутренней поляризации и конфликта между разными аспектами своего Я;
- изучение того, как отношение к дому меняется вследствие участия в ПТ, и как

реконструкция своего дома лицами с химической зависимостью влияет на процесс лечения и реабилитации.

Реляционно-эвристический подход

В качестве методологической основы исследования выступал реляционно-эвристический подход, акцентирующий внимание на переживании участниками исследования своих отношений к себе, другим людям, миру природы, своему дому и иным значимым отношениям. Выбор этой методологии произошел не сразу и был связан с моей глубокой личной мотивацией исследовать собственные личные отношения. Реляционно-эвристический подход в наибольшей степени подходит для изучения разных отношений, связанных с целью и задачами исследования [12,17]. На фоне подчеркнута индивидуализированной западной культуры представляется жизненно важным подойти к изучению субъектности как формирующейся в процессе построения и развития отношений, опираясь на данное Шоном Уилсоном [25], вслед за Стэном Уилсоном [26], определение Я как совокупности отношений: «Мы — это отношения, в которых мы состоим и частью которых мы являемся» [25, р. 80]. В мировоззрении коренных народов, изучением ментальности которых занимался Шон Уилсон, человеческое Я определяется, прежде всего, как отношения, выходящие за рамки характерного для западного человека представления о себе как автономном индивиде [23] и охватывающие жизненно важные отношения с землей и «всем живым» [26]. Обращаясь к собственному опыту участия в церемониях коренных народов, могу признать, что отношения индивида, ориентированного на устойчивые и жизненно важные связи с миром природы, действительно включают в качестве первоочередных отношения со всеми существами, которые составляют конкретную экосистему, которых он почитает, переживает в отношениях с ними чувство высокой взаимной ответственности и способен с ними идентифицироваться.

Источники эмпирического исследования

При проведении исследования были использованы три основных источника информации: 1) дневники, в которых я описывал свои

наблюдения за молодыми людьми, проходящими реабилитационную программу Шунда-Крик в течение многих месяцев моей работы в качестве консультанта-стажера, проживающего на базе реабилитационного центра; 2) данные шкалы приключенческих переживаний (ATES) [19], используемой участниками реабилитационной программы Шунда-Крик в период с апреля 2018 г. по апрель 2020 г., на протяжении всего периода моей работы в центре; 3) фиксация и рефлексия опыта моих собственных отношений с миром природы, включая воспоминания, связанные с разными периодами моей жизни — как в процессе, так и до начала исследования. В ходе такого самоисследования я использовал разные виды творческой деятельности с целью отражения и рефлексии своего опыта — изобразительное искусство и поэзию.

Мир природы проявляет себя не только вокруг нас, но и в нас самих в виде инстинктов, психических и духовных процессах, в сумрачных и таинственных образах наших снов и фантазий. Это означают, что хотя мир природы живет по своим законам, мы являемся его участниками, ощущая свою связь с чем-то большим, чем человек [1]. Значимость феноменологического опыта, инстинкта, интуиции и молчаливого погружения в природный опыт — как это предполагает реляционно-эвристический подход — трудно переоценить, когда речь идет об исследовании нашего экологического опыта и его связи с человеческой реальностью.

Участники исследования

Основное внимание в исследовании обращалось на изучение опыта близости к природе и его значения для формирования и реконструкции идентичности лиц с химической зависимостью. Важный аспект этого исследования был связан с опытом участия лиц

с химической зависимостью в программе приключенческой терапии (ПТ), проводимой на базе реабилитационного центра Шунда-Крик. Эта программа предполагала проживание в течение 90 дней в дикой природе и предназначена в основном для молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет, страдающих от химической зависимости [20]. Лечение и реабилитация контролировались клиницистами и опытным вспомогательным персоналом. В программе использовались разные психотерапевтические подходы, основанные на развитии осознанности, групповом взаимодействии, участии в обряде инициации и разных видах взаимодействия с природной средой. Длительные прогулки и путешествия в условиях дикой природы, как индивидуальные, так и групповые, являются неотъемлемыми компонентами лечения, требуют предварительной подготовки и формирования мотивации, а также рефлексии и переработки опыта по возвращении в реабилитационный центр.

Приключенческая терапия (ПТ), составляющая большую часть программы, представляет собой терапевтическую модель, основанную на погружении в природную среду и использующую природный опыт как ключевой фактор исцеления [8]. Акцент в процессе ПТ делается на темах действия, намерения и выбора [8, р. 1]. С недавнего времени в рамках ПТ все больше внимания стало обращать на осознанность как важный навык, обеспечивающий более стойкие терапевтические эффекты [18]. Примечательно, что недавний метаанализ [21] обнаруживает значительную взаимосвязь между осознанностью в процессе взаимодействия с природой и терапевтической эффективностью, хотя исследований по этой проблеме пока явно недостаточно. В связи с этим в нашем исследовании важное место было отведено развитию осознанности, основанной на взаимодействии человека с миром природы и своим внутренним опытом.

Рис. 3. Клиент Шунда-Крик имеет возможность спуска по веревке во время занятия с инструктором

В реабилитационном центре Шунда-Крик прогресс терапии и опыт клиентов регулярно оцениваются с использованием нескольких инструментов. Это позволяет улучшать программу, повышая ее эффективность. Используется, в частности, система рутинного мониторинга исходов (ROM) [2,19], основанная на интервьюировании клиентов, Шкала приключенческой терапии (ATES), предлагаемая клиентам с двухнедельными интервалами вместе с оценкой исхода психосоциального стресса. ATES оценивает влияние опыта ПТ на клиентов и рассматривает их отношение к природе как один из показателей терапевтических изменений, наряду с оценкой проблем, меж- и внутриличностной динамики. Чтобы понять влияние фактора осознанности клиенты также отвечают на вопросы специальной шкалы FFMQ, которая заполняется в начале и в конце их пребывания в центре. Эта шкала измеряет степень осознанности клиентами нескольких аспектов своего

функционирования, включая описание ими своего состояния, степень осознанности ими своих действий и т. д.

Мое участие в работе центра Шунда-Крик заключалось в том, что я жил в нем три дня в неделю на протяжении всего исследования, во время которого я участвовал в большинстве программных мероприятий группы, включая собрания АА, собрания терапевтического сообщества, обряды перехода и другие мероприятия. Я вел журнал, документируя взаимодействие в терапевтическом сообществе, взгляды и опыт клиентов, основные события, соблюдая при этом анонимность. Я также использовал дневник в качестве средства самонаблюдения, размышляя о своем месте в сообществе, ощущении себя в природе, а также проверяя себя на предмет предвзятости и соответствующего чувства дистанции, как важного аспекта моей жизни в центре в качестве вовлеченного наблюдателя [5].

Рис. 4. Вид из кемпинга в третий вечер во время экскурсии в районе центра Шунда-Крик с пятью клиентами

Нет места лучше дома

*«Природа не место для посещения. Это дом»
(Г. Снайдер, «Практика дикой природы»)*

Человек нуждается в доме точно так же, как дерево нуждается в земле; это дает нам ощущение безопасности и стабильности. Связанные с домом чувства близости, безопасности и комфорта выходят за рамки человеческого опыта и распространяются на более чем человеческий мир. Все живое стремится укорениться и обрести устойчивую связь с окружающей средой.

Пространства превращаются в жизненную среду для разных живых существ, а места — в дома, отмеченные отчетливыми и особыми качествами их обитателей. Дома также определенным образом связаны с экосистемой, частью которой они становятся. Дом — это не только особая среда для укрытия от непогоды и врагов, но и средство формирования и поддержки чувства близости, безопасности и комфорта. Помимо запасов пищи, жилище создает пространство для семьи, родственников и проходящих в него друзей, соседей и иных людей. Это присуще не только людям,

но и разным видам животных. Так, например, ондатра делит свою нору с землеройками, полевками и рисовыми крысами, особенно в холодные зимние месяцы [14]. Дом — это также среда для интимных отношений, составляющих важнейшую часть отношений личности. Он является гарантом безопасности и стабильности, и в то же время, поддерживает развитие отношений. «Я» в значительной степени определяется теми отношениями, которые протекают в пространстве дома, которые могут быть хорошими или плохими, безопасными и надежными или небезопасными и ненадежными. Любые отношения, которые протекают в пространстве дома, имеют значимое формирующее и поддерживающее значение.

Любые живые существа на этой планете имеют тенденцию «укореняться» в определенном месте. У нас всех есть также общий дом — наша планета, создавшая условия для появления и жизни огромного количества живых организмов и видов, составляющих единую грандиозную экологию. Наша планета может также восприниматься как динамичная, уравновешенная, всеобъемлющая личность, заботящаяся о всех, кто обитает в ее доме, и эту личность многие называют Матерью-Землей.

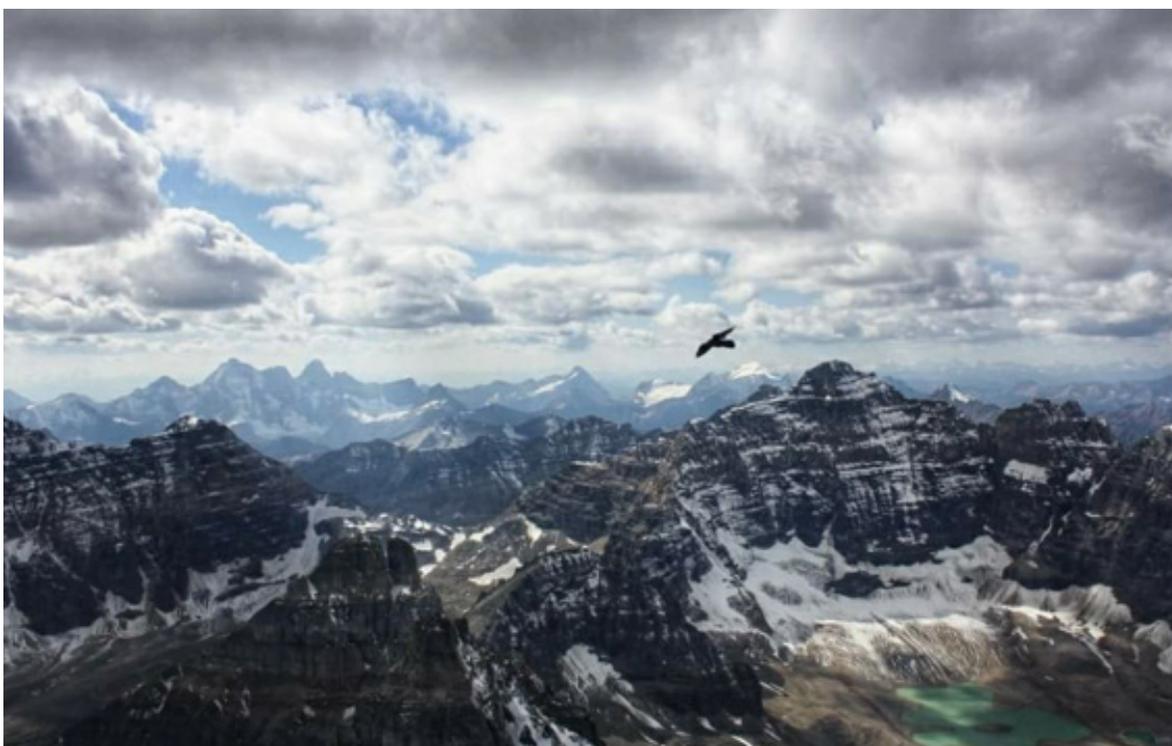

Рис. 5. Ворон, парящий над горами

Однако подобное восприятие земли как дома и как родительской фигуры, как личности оказывается под угрозой из-за свойственной многим людям склонности воспринимать мир как бездушную материю. Что же нам остается, если мы потеряли чувство дома в этом мире? Но планета вновь и вновь напоминает нам о том, что она живая, возрождая эмоциональную связь с ней, когда мы взираем на нее из космоса [28]. Это всепоглощающее чувство «отождествления с человечеством и планетой в целом» — обычное явление для космонавтов, описываемое как «эффект обзора» (р. 1).

Хотя у каждого из нас был дом, а вместе с ним и чувство привязанности, близости и относительного комфорта, ибо без этих существенных опор в нашем развитии никого из нас бы здесь не было, тем не менее, ни один дом не идеален. Это касается как человеческого, так и природного дома для разных существ в силу влияния различных неблагоприятных факторов.

Когда мы исследуем природу дома и дом в природной среде, мы сталкиваемся с полярными качествами взаимозависимости и автономии, отдыха и активности, травмы и исцеления, страха и любви. Наблюдая эти полярные проявления дома человеческого и природного, мы можем, однако, не только фиксироваться на противоречиях, но и стремиться к балансу этих противоположных качеств, поддерживая исцеляющие механизмы, заложенные внутри дома или привлекаемые извне. Мы также можем поддерживать синхронизацию природных и человеческих динамик, описываемых как состояния потока [6].

Очаг и дом: место порядка и привязанности

Наблюдая эту связанную с понятием дома динамику природных и человеческих проявлений в их единстве друг с другом, мы можем заметить, как дом поддерживает индивида с его потребностями в стабильности и безопасности. Это может становиться особенно важным в критические моменты развития, например, в жизни подростков и молодых людей, для которых домашняя среда часто воспринимается как проблемная, не обеспечивающая чувство безопасности, равновесия

и свободы воли. Дом и отношение к нему могут также отражать внутреннее состояние человека, находящегося в сложной жизненной ситуации или имеющего за плечами травматический опыт. Некоторые люди, например, описывают свой дом как мрачный и незащищенный, разрушенный или захламленный.

Юнг также исследовал свою связь с домом [13], представляя себя как строящийся особняк, добавляя в него комнату за комнатой. Не только строительство, но и содержание и уход за домом приобретают важное значение заботы о себе, поскольку, осуществляя заботу о доме и поддерживая в нем комфортную и отвечающую нашим потребностям среду, мы содействуем росту и развитию самих себя, восстанавливаем внутренний баланс и примираем внутренние противоречия.

Пример

Одна из клиенток реабилитационного центра (условно будем называть ее Тamarой) описывая свое недавнее избавление от химической зависимости, отметила, что это началось с полученного ею сообщения от домовладельца, в котором он писал, что вынужден будет вскоре из-за неуплат сдать снимаемый ею дом другому человеку. Представление, что кто-то может въехать в тот дом, с которым были связаны несколько лет ее жизни со своей семьей, вызвало у Тamarы противоречивые чувства и осознание того, что она живет не в своем доме, словно это и не дом вовсе, а какой-то проходной двор.

Вскоре после этого, она вернулась в этот дом, произвела оплату задолженности и сделала в нем вместе с мужем и детьми генеральную уборку, которая длилась несколько дней. В конце концов, она поразилась тому, каким чистым и упорядоченным стал после этого ее дом, и как дружно ее семья делала уборку и перемещала мебель, причем все это протекало легко, непринужденно и весело. Дом Тamarы изначально фактически отражал ее собственное негативное состояние, являющееся следствием жестокого обращения в детстве, дефицита заботы со стороны родителей, а также последующей психической травмы вследствие длительных разрушительных отношений во взрослом возрасте. Дом длительное время ею воспринимался как свалка мусора. Толстый слой защитных механизмов

и стратегий избегания, включая употребление психоактивных веществ (Тамара страдала алкоголизмом), оказались формами патологической адаптации, к которым она прибегала в течение многих лет, но в конечном итоге стали все больше разрушать ее. Выздоровление Тамары и формирование ремиссии были сопряжены с решением такой задачи, как создание для себя новой жизненной среды, в которой она могла по-новому начать воспринимать себя и вернуть себе чувство безопасности, упорядоченности и контроля над средой.

Работая с Тамарой, ставшей участницей ПТ, мы часто затрагивали отношения к среде в разных смыслах этого слова. Было, в частности, отмечено, что пространство реабилитационного центра для нее является слишком замкнутым, и что она испытывает потребность выйти за его пределы. Во время бесед мы часто в своем воображении перемещались на свежий воздух, в более открытое природное пространство. В другие моменты, когда в ходе беседы воцарялась глубокая тишина, она чувствовала рядом с собой в комнате присутствие бабушек и дедушек, благословляющих ее и поддерживающих ее исцеление.

В результате проведенной генеральной уборки своего дома, участия в реабилитационной программе включая приключенческую терапию, Тамара смогла переосмыслить свои отношения со средой, почувствовала возможность формировать свою жизненную среду, свой дом, делать выбор, проявлять свободную волю, активно выражать себя творчески. Для нее оказались важными качества дома как места, где она может осуществлять контроль и чувствовать свою силу и власть. Это особенно важно для тех, кто по разным причинам был лишен прав в своем воспитании и жизненном опыте влиять на среду из-за пренебрежения в детстве, эмоционального, физического или сексуального насилия, или иных обстоятельств.

Строительство дома и мира: благословения бобра

Бобер был моим важным спутником на протяжении последних полутора лет моей жизни. Он стал очень важным персонажем

в моей продолжающейся практике медитации на берегу реки недалеко от места моей работы — реабилитационного центра. Естественная среда обитания бобра также стала важной частью моей практики созерцания и саморефлексии, а также осмысления моих отношений с домом. Характер этого маленького, но по-своему яркого существа оказал влияние на мое мышление и представления о себе. Он помог мне сформировать образ дома, занявшего центральное место в моих размышлениях. Отталкиваясь от своих наблюдений за тем, как бобер обустроивает свой дом, я размышлял о домах нашего развития, протекающего в пространстве социума и природы, о нашей связи с космосом, как всеобъемлющем доме для земных и неземных форм жизни. При этом я обращался к космологическим повествованиям и историям творения.

Бобры — одновременно и прекрасные хозяева, и строители мира. Хотя создаваемые бобрами плотины приводят к затоплению территорий и создают неудобство для людей, наводнения также создают жизненно важную среду обитания для разных видов живых существ в виде водно-болотных угодий, в которых могут процветать целые экосистемы. Давний конфликт человечества с бобром как создателем природных миров и экосистем свидетельствует о разрыве между человеческим разумом и сугубо человеческими выгодами, с одной стороны, и естественным разнообразием, интересами и балансом природного мира, с другой стороны.

Умиротворение и безмятежность, которые я испытываю, посещая длинную, ленивую береговую линию на берегу реки Боу, свидетельствуют о заложенной во мне некоей программы моего включения в мир природы. На берегу этой реки я словно возвращаюсь в свой большой дом и чувствую, как мои тревоги растворяются в ее медленном течении. Я начинаю ощущать очень тонкие и разнообразные оттенки красок, звуков и ароматов.

Однажды, придя на берег реки, я случайно наткнулся на целую коллекцию «благословенных бобрами» веточек и палочек. Это было то, что прошлым вечером могло быть настоящим пиршеством для бобра, готовившего для себя строительный материал. Я представлял себе, как зубы бобра проникают сквозь защитные внешние слои веток,

как он ощущает находящиеся внутри них сок и мякоть, как он исследует текстуру дерева.

Узкие, прямые, как карандаш, голые ивовые палочки были сложены в одном месте, не более чем в пятнадцати ярдах от бобрового дома, к которому я прихожу, двигаясь по своему обычному пути — домика, постепенное строительство которого я наблюдаю в течение двух сезонов. Что-то в этой куче было такое, что мне показалось, будто бобер предлагает мне ею воспользоваться. Я положил рядом с ней табак в знак благодарности за его доброту.

Когда я вернулся в центр, где я размещаю во время моей работы, я использовал принесенные веточки для создания арт-объекта. «Подношения» бобра легко объединились в целостную композицию. Мне даже показалось, что это произведение создается через меня, хотя выражает некое послание или «благословение» бобра. Для создания произведения я использовал также грубую пряжу, сделанную из шерсти лам, и осколки зеркала. Все это соединилось в сбалансированную систему, которая вскоре нашла свое место над входом в центр, приветствуя всех, кто входит в наш общий дом.

Рис. 6. «Благословение бобра»

Мое произведение называется «Благословение бобра». Это подвеска из прутиков и палочек, которые образуют структуру зубов бобра, изящно уравновешенную осколками зеркала и вкраплениями травы и пряжи. Вся структура подвески свидетельствует о близости или взаимопроникновении ее элементов; положение одного уравнивается положением другого, создавая пространство отношений.

Вначале «Благословение бобра» кажется зрителю композиционно сложным, однако внимательный взгляд позволяет зрителю увидеть себя в осколках зеркала, подвешенных на балансе. Композиция характеризуется скрытой динамикой и некоторым дисбалансом, напоминающими о прошлых травмах и медленном заживлении.

Травмы и особая уязвимость современной молодежи становятся линзой, через которую мы также можем посмотреть на мир и понять себя, осознавая весьма болезненные темы изоляции и независимости, которые так распространены в западной культуре. В осколках зеркала мы, возможно, сможем увидеть себя как находящихся под ударами, «разрушающими конструкцию самости, находящейся в отношениях с другими» [11, р. 51]. В то же время отражающие качества зеркала намекают на возможность осознания самих себя и формирования более открытого мировосприятия, в котором есть место миру природы с его пластичностью и текучестью.

Заключительные замечания

Как красиво выразилась Сюзанна Метот (известная под псевдонимом Асинивачи Нехияу), напоминая о нашем месте в широком сообществе природы, «Быть связанным с природным сообществом — это значит быть частью чего-то. Эта взаимосвязь создает ощущение принадлежности... поддерживает чувство ответственности, а ответственность создает взаимность, которая является условием безопасности» [16, р. 99].

Ощущение безопасности и доверия являются важнейшими источниками осознания себя как части большего целого. Реальность нашей взаимосвязи с миром природы означает, что система, частью которой мы являемся,

также является источником равновесия, в котором мы так нуждаемся, чтобы примирить внутренние противоречия. Равновесие начинает восстанавливаться по мере того, как эти изгнанные природные части нас самих приглашаются обратно в целое и с любовью удерживаются в доме. Динамическое равновесие является фундаментальным качеством природного мира, и наше участие в этом мире наделяет нас способностью обретать гармонию и равновесие. Равновесие «Благословения бобра» достигается благодаря тщательному согласованию всех его элементов.

Два слова — «сердце» и «Земля» (*Heart and Earth*) — заключают в себе одни и те же буквы, и в процессе создания этого произведения стало очевидно, что композиция требует композиционного центра — своего «сердца». Сердце было создано из «бобровой травы», которую я собрал во время прогулки по реке. Обдумывая, как бобер относится к этой траве, собирая ее осенью и покрывая ею внутренние поверхности своего дома, я вновь почувствовал, с какими теплом и заботой он относится к своему дому. Эта трава показала мне «сердечным» материалом. Проявление этого чувства тепла и заботы в отношениях с собой и с миром отражает те тепло и заботу, которые проявляют в отношениях с нами и наша реальная мать, и Мать-Природа. Дом воплощает диалектику принадлежности и свободы, единства и дифференциации, закрытости и открытости, а сердце является его центром. Оно пронизано красными и синими нитями, имитирующими анатомию сердца и обозначающими контрастирующие элементы воды и огня. В воде есть мягкость, расслабленность и прохлада, а в огне — тепло, активность и усилие.

Последним элементом, который был включен в композицию, являлась земля, обрамляющая сердце как ее центр. При первом нанесении слоя земли в виде грязи и волокнистого корневого материала, собранного со дна пруда рядом с домом бобра, он казался мне темным. Но по мере высыхания он становился более светлым.

Травма и патологические зависимости «отгораживают», «закрывают» личность от более широкой жизненной среды, сужая ее эмоциональный горизонт до мелких и узких переживаний. Поэтому «Благословение бобра» напоминает о важности проницаемости

и открытости, благодаря которым мы можем соединиться с более широким миром природы и людей. Опыт травм заставляет людей возводить непроницаемые стены, удерживая себя в состоянии самоизоляции. «Кирпичная кладка» западной парадигмы культуры довлеет над нами, хотя в нас также проявляется мощный импульс выхода за пределы человеческой «капсулы», дуалистического мышления, основанного на страхе. Жесткость

и самоуверенность могут быть заменены вовлеченностью и заботой.

Изменяя течение реки, бобр кропотливо строит плотины. Они делают течение реки более медленным, помогающим поддерживать домашнее пространство для семьи и родственников бобра. Важно отметить, что при этом вода не застаивается, а медленно фильтруется через полупроницаемую конструкцию плотины.

Литература

1. Abram D. The spell of the sensuous: perception and language in a more-than-human world. — New York: Vintage, 2012.
2. Boswell J. F., Kraus D. R., Miller S. D., & Lambert M. J. (2015). Implementing routine outcome monitoring in clinical practice: Benefits, challenges, and solutions // *Psychotherapy Research: Journal of the Society for Psychotherapy Research*. — 2015. — № 1. — P. 1–14.
3. Clinebell H. J. Ecotherapy: healing ourselves, healing the earth. — Minneapolis: Fortress Press, 1996.
4. Cross S. E., Bacon P. L., & Morris M. L. The relational-interdependent self-construal and relationships // *Journal of personality and social psychology*. — 2000. — Vol. 78, №4. — P. 791–808.
5. Crossman A. (2020, March 8). What is participant observation Research? Retrieved from <https://www.thoughtco.com/participant-observation-research-3026557>
6. Csikszentmihalyi M. Flow: the psychology of optimal experience. — New York: Harper & Row, 1990.
7. Friedman H. L. Transpersonal psychology as a heterodox approach to psychological science: focus on the construct of self-expansiveness and its measure // *Archives of Scientific Psychology*. — 2018. — Vol. 6, №1. — P. 230–242. <http://dx.doi.org/10.1037/arc0000057>.
8. Gass M. A., Gillis H. L., & Russell K. C. Adventure therapy: theory, research, and practice. — New York, NY: Routledge, 2012.
9. Gergen K. J. The social constructionist movement in modern psychology // *American Psychologist*. — 1985. — Vol. 40. — P. 266–277.
10. Gergen K. The saturated Self. — New York: Basic Books, 1991.
11. Herman J. L. Recovery from psychological trauma // *Psychiatry and Clinical Neurosciences*. — 1998. — Vol. 52, №1. — P. 98–103.
12. Hiles D. (2001). Heuristic inquiry and transpersonal research. CCPE. <http://psy.dmu.ac.uk/drhiles/N&Hpaper.htm>
13. Jung C. G. Memories, dreams, reflections. — Fontana Press, 1985.
14. Kiviat E. Vertebrate use of Muskrat Lodges and Burrows // *Estuaries*. — 1978. — Vol. 1, №3. — P. 196–200. Retrieved February 12, 2021, from <http://www.jstor.org/stable/1351464>
15. Lambert M. J., & Barley D. E. Research summary on the therapeutic relationship and psychotherapy outcome // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Praining*. 2001. — Vol. 38, №4. — P. 351–357.
16. Methot S. Legacy: trauma, story, and Indigenous healing. — Toronto: ECW Press, 2019.
17. Moustakas C. Heuristic Research: Design, methodology and applications. — Thousand Oaks, CA: Sage Publishing, 1990.
18. Russell K. C., Gillis H. L., & Heppner W. An examination of mindfulness-based experiences through adventure in substance use disorder treatment for young adult males: a pilot study // *Mindfulness*. — 2016. — Vol. 7, №2. — P. 320–328.
19. Russell K., & Gillis H. L. The Adventure Therapy Experience Scale: the psychometric properties of a scale to measure the unique factors moderating an adventure therapy experience // *Journal of Experiential Education*. — 2017. — Vol. 40, №2. — P. 135–152.
20. Russell K. C., Gillis H. L., & Hayes M. Adventure Therapy treatment for young adult males struggling with addictions // *Journal of Health Service Psychology*. — 2020. — Vol. 46, №1. — P. 13–20.
21. Schutte N. S., & Malouff J. M. Mindfulness and connectedness to nature: a meta-analytic investigation // *Personality and Individual Differences*. — 2018. — Vol. 127. — P. 10–14. doi: 10.1016/j.paid.2018.01.034
22. Sheldrake P. Spirituality: a very short introduction. — Oxford University Press, 2012.

23. Surrey J. L. The self-in-relation: a theory of women's development. Women's growth in connection: writings from the Stone Center, 1991, Vol. 51.
24. Taylor C. The malaise of modernity. — Concord: House of Anansi, 1991.
25. Wilson S. Research is ceremony: Indigenous research methods. — Black Point, N.S: Fernwood Pub., 2008.
26. Wilson S. Self-as-relationship in Indigenous research // Canadian Journal of Native Education. — 2001. — Vol. 25, №2. — P. 91–92.
27. Worthington E. L., & Sandage S. J. Forgiveness and spirituality in psychotherapy: a relational approach. — Washington: American Psychological Association, 2016.
28. Yaden D. B., Iwry J., Slack K. J., Eichstaedt J. C., Zhao Y., Vaillant G. E., & Newberg A. B. The overview effect: awe and self-transcendent experience in space flight // Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice. — 2016. — Vol. 3, №1. — P. 1.

Ссылка для цитирования

Рейз Д. Создание дома для отношений: расширенные связи в мире природы // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Reize D. Building relational homes: encountering expansive connectedness in the natural world // Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2022. — Vol. 3, № 1. [open access internet journal]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (d/m/y)

Раздел

Личные взгляды

УЭСТ Сара

работает в частной практике, основав кампанию «Earthen Vision» (www.earthenvision.com) в качестве консультанта и профессионального арт-терапевта. Получила диплом о высшем образовании в области экологической арт-терапии на базе Института арт-терапии Кутенай (DKATI). Является также магистром государственного управления и культурной антропологии. Ее основная цель — содействие процессу принятия решений на индивидуальном, организационном и общественном уровнях, принимая во внимание интересы Земли и экогуманитарные ценности. Имеет более чем десятилетний опыт ведения консультаций, стратегического планирования и политических инициатив, реализуемых как самостоятельно, так и вместе с администрацией провинций и общинами коренных народов Британской Колумбии (Канада).

Аннотация. Автор эссе делится опытом взаимосвязи со всем живым на планете, которая порой переживается ею как экологического горе. Это сильное чувство, которое может пробудить нас к восприятию нашей планеты как родной и близкой нам сущности, с которой мы неразрывно связаны. Экологическое горе говорит о необходимости пробудить наше сердце и нашу геноинную связь с Землей, доверять нашим эмоциям и чувствам, связанным с экологией человека и природы.

Ключевые слова: экологическое горе, взаимность, изменение климата, Земля окружающая среда

Проснувшись очень рано, я открываю глаза и всматриваюсь в предрассветную мглу. Я чувствую, что моя грудь стеснена, и мне трудно сделать полный вдох. На душе тяжело. Прodelав большую работу по исследованию своих психосоматических реакций, я знаю, что это проявления стресса. Мое тело подсказывает мне еще до того, как я открыла жалюзи или услышала новости, что дым от лесных пожаров окутал нашу местность. Так экологическое горе приходит в наш дом.

Я отправилась в долгожданный и очень нужный мне рабочий отпуск на побережье, чтобы восстановить силы. Испытывая некоторое чувство вины, я с удовольствием дышала свежим воздухом, в то время как представители моего сообщества, близкие мне люди, находясь дома, последовали приказам об эвакуации и вынуждены были спасаться от непрекращающегося дыма и последствий стресса, связанного с экологическими проблемами.

Мир в огне

Несмотря на всю свою первозданную красоту, Британская Колумбия в Канаде превращается в место, которое довольно сильно ощущает изменения климата, климатического кризиса. Леса здесь горят все чаще, что является серьезной угрозой для людей. Город Литтон сгорел дотла. То небольшое, что осталось от окружавших его знаменитых огромных древних деревьев, вырубается. Летняя жара бьет все рекорды, так что вода в водоемах пересыхает, и рыба погибает. Осенью часто случаются наводнения, наносящие серьезный ущерб дорогам. Продуктовые магазины порою пустеют из-за того, что люди панически скупают все подряд. Медведи гризли голодны и, по сообщениям, выходят к местам обитания людей, чтобы найти для себя пищу. Вместо вкуса горных ягод, этим летом я ощущала лишь вкус пыли во рту.

Рис. 1. Сара Уэст. «Рыба сталкивается с огнем и наводнением». Перо и чернила

Список проявлений явного экологического неблагополучия привычной для меня среды обитания можно продолжать бесконечно, и он не может не травмировать. Мы все можем видеть и чувствовать негативные последствия человеческой деятельности для нашей жизненной среды в разных уголках планеты, особенно если наши глаза и сердца хоть немного открыты.

Вместе с этими дестабилизирующими изменениями в окружающей среде продолжается глобальная пандемия. Много говорят о том, что хотят вернуться к «нормальной жизни» — играть, общаться, радоваться жизни. Однако насколько это возвращение к нормальной жизни возможно в разгар климатического кризиса, поскольку «нормальной» жизненной среды больше нет? Жизненные циклы нашей планеты, какими мы их знали раньше, на глазах меняются, и это влияет на каждого из нас, переживаем ли мы пандемию, или нет.

Так что же нам остается? Здесь я хочу привлечь ваше внимание к понятию экологического горя. Я являюсь свидетелем того, что происходит на нашей планете в политическом, экономическом и экологическом плане. Мое наблюдение за этими изменениями тесно связано с моими эмоционально окрашенными отношениями с Землей, которая является предметом моей заботы как в личном, так и в профессиональном плане. Моя жизнь сосредоточена на пропаганде культуры создания и сохранения такой жизненной среды, в которой мы можем сохранить свое физическое и эмоциональное здоровье и благополучие и, вместе с этим, сохранить планету. Моя тесная связь с Землей также означает, что я эмоционально очень сильно переживаю то, что «переживает» Земля, и это переживание все более явно приобретает характер экологического горя. Возможно, для некоторых понятие экологического горя является новым и поэтому очень важно привлечь в нему внимание и понять его причины.

Экологическое горе — это реальность

Во-первых, следует признать, что экологическое горе — это реальность. Иногда оно едва различимо, иногда переживается очень ярко, но всегда это экзистенциальное чувство. И если вы замечаете, что происходит с нашей планетой, то вы, вероятно, уже с ним знакомы. Сам мир, к которому мы живем, и от которого мы зависим, переживает колоссальный и беспрецедентный стресс, и мы реагируем на состояние планеты, сознательно или бессознательно.

Как я писала в своей диссертации по экологической терапии искусством [5], экологическое горе, или горе, связанное с изменением климата, считается «непризнанным горем», когда нет социальных механизмов и понятий для его распознавания и работы с ним, которая обязательно должна затрагивать и работу с жизненной средой [1, р. 58]. Смягчение экологического горя возможно только тогда, когда мы научимся спрашивать и слушать себя и мир вокруг нас, пытаюсь понять наше состояние и вместе с Землей осуществлять определенные шаги, направленную на минимизацию ущерба жизненной среде, понимая свою роль в ситуации нарастающего экологического неблагополучия.

Чтобы лучше понять экологическое горе, я настоятельно рекомендую прочитать такие книги, как «Дикий край печали» Фрэнсиса Веллера [4], «Эмоциональная устойчивость в эпоху изменения климата» Лесли Давенпорт [1] и «Возвращение к жизни» Джоанны Мэйси и Молли Браун [3].

<https://www.francisweller.net/books.html>.

<https://lesliedavenport.com/books-articles/>.

<https://workthatreconnects.org/resource/coming-back-to-life-the-updated-guide/>.

Проявления экологического горя

Эко-горе может проявляться по-разному. Иногда оно проявляется как боль в той или иной части тела. Иногда оно похоже на постоянное беспокойство, которое

не имеет явных внешних причин. Иногда оно может проявляться в форме депрессии, гнева, разочарования, в также в бегстве от реальности и отчаянии. Это глубоко экзистенциальное переживание, которое неизбежно связано с вопросами: «Что мы можем в этой ситуации сделать?», «Как нам жить на этой планете дальше?» и «Какой выбор мы должны сделать?»

Для меня экологическое горе проявляется по-разному. Я часто мечтаю о том, чтобы уехать на фургоне далеко по лесной дороге и жить среди дикой природы, если станет совсем плохо. Порой я думаю, что можно было бы уехать туда вместе с группой людей, жить общиной, питаюсь тем, что подарит природа. Я часто обращаюсь к аптечке с лекарствами, в которой находятся собранные мною вручную дикорастущие и культурные растения, и нахожу облегчение, принимая их, а также получая новые знания о целебных травах. Думаю, что мне стоит обзавестись крошечным домом на колесах на случай, если придется спастись от наводнения или пожара.

Однажды экологическое горе проявилось в сильной боли, которая возникла из ниоткуда, и я попала в больницу. Когда боль утихла, недоумевающие врачи пожалели плечами и отправили меня домой. Мне потребовалось время, чтобы самой разобраться в причинах боли. Непосредственно перед ее появлением я писала об экологическом горе, гуляла на природе, глубоко чувствуя, какую травму мы нанесли Земле. Меня мучили ночные кошмары, когда я оборудовала палатку и жила некоторое время рядом с вырубаемыми старыми лесами в Фэйри Крик, который позже в том же году стал центром активности эко-активистов, старающихся привлечь внимание мировой общественности к сомнительным методам ведения лесного хозяйства. Просто в тот момент моему телу нужно было избавиться от экологического горя, и оно подало мне сигнал об этом.

Как бы я ни скорбела и не любила эту прекрасную землю, я знаю, что чувства взаимны. За несколько ночей до того, как меня госпитализировали из-за боли, являющейся следствием переживания экологического горя, я проснулась посреди ночи во время кемпинга и обнаружила биолюминесценцию

океана вблизи места моего пребывания. Я танцевала со звездами и для звезд, оставляя за собой свет. Я восприняла звездный свет

и биолюминисценцию как дар Земли, преподнесенный нам перед тем, как мы погрузимся в темноту.

Рис. 2. Сара Уэст. «Танцы со светом» Перо и чернила

Скорби и будь вместе

Итак, давайте зададимся вопросом: «Что мы можем сделать с экологическим горем?»

В первую очередь позвольте себе горевать... о себе и о земле. Таким же образом как мы скорбим о других наших потерях. Позвольте признать и уважать свои чувства. Плачьте, если вам хочется плакать, переживая экологическое горе. Позволяйте проявиться своему гневу. Делайте все возможное, чтобы развить в себе способность быть в контакте

со своими переживаниями и говорить о них и передавать их средствами искусства. Вы можете создать нечто вроде алтаря скорби и благодарности Земле. Нечто подобное я создаю с моими клиентами, что оказалось очень ценным [5]. Отрицание эко-горя и бегство от реальности могут показаться желательными вариантами реагирования, но в конечном итоге горе, оставленное без внимания, приведет к тяжелым последствиям.

Каждый скорбит по-своему, но все мы обращаем внимание на то, чтобы быть с Землей. Даже

когда ей больно. Особенно, когда ей больно. Постарайтесь почувствовать боль Земли. Если возможно, станьте свидетелем того, как древние гигантские деревья падают от пилы. Если вы сможете вынести это зрелище. Посетите те места, где загрязнение отходами металлургии настолько велико, что даже застройщики опасаются находиться там. Сядьте на пни,

оставшиеся от древних деревьев. Поблизости от моего дома есть такой пенек. И когда я сажусь на него, мне очень больно. Чувствуя боль, не забывайте находить ресурсы в себе и вокруг. Это стоит делать для того, чтобы соединиться с горем Земли и сохранять самообладание, сохранять любовь и нежность и поддерживать живую связь с Землей.

Рис. 3. Сара Уэст. «Быть вместе». Перо и чернила

Восстанавливайтесь и отвечайте взаимностью

Несмотря ни на что, помните, что Земля любит вас. Помните, что она не беспомощна. Помните, что она может омолодиться, как и все в жизни. Так же, как это можете делать вы. Особенно, если у нас есть помощники. Об этом свидетельствуют природные циклы, когда вода снова и снова вымывает загрязняющие вещества из заброшенных мест добычи природных ископаемых в горах вокруг меня. Я вижу это в побегах, которые вырастают

из пней старых деревьев. Я вижу это в ярких проявлениях природной жизни на пустырях в окрестностях Чернобыля, который я посетила несколько лет назад.

Обратите внимание, как Земля проявляет к вам свою любовь. Иногда она оставляет вам красивое мерцающее перышко с ярко-оранжевыми прожилками, когда вы отправляетесь в путешествие. Иногда она будет светить вам своим светом в особенно в темный день. Иногда она подарит вам вдохновение от инициатив молодежи, объединяющейся по всему миру, чтобы воспеть ей хвалу и потребовать

заботы о Земле. Пусть пас наполняет и укрепляет дух взаимности в наших отношениях с Землей.

Взаимность — это условие развивающихся отношений. Получать, не отдавая — это потребительские односторонние отношения. Мы часто обращаемся к Земле, чтобы найти поддержку или извлечь из нее ресурсы,

руководствуясь лишь собственными интересами, не предлагая ничего взамен [5]. Давайте противостоять такому отношению, предложив Земле наши собственные уникальные дары, какими бы они ни были. Давайте найдем способ ответить нашей планете взаимностью. Возможности безграничны. Проявим творческий подход.

Рис. 4. Сара Уэст. «Мерцающее перо». Перо и чернила

Мужайтесь

И, наконец, следует укрепить свой дух! Много раз я обращалась к старейшинам племен, испокон века проживающих на территории Британской Колумбии. Они были защитниками Земли гораздо дольше меня. Они напоминают мне с мудростью и добротой, что нужно заботиться о себе, держать себя в руках, чтобы как можно дольше сохранить силы для нашего труда по сохранению Земли. Существуют разные мнения относительно того, достигли ли мы переломного

момента в развитии климатического кризиса, точки невозврата, или нет. Тем не менее, я сознательно снова и снова укрепляю свой дух. Каждая клетка моего тела знает мощный преобразующий потенциал творчества, особенно когда мы стремимся творчески сотрудничать с самой Землей. Я убедилась в этом на собственном опыте, а также на опыте клиентов, организаций и сообществ коренных народов, с которыми я работаю, используя творческие методы принятия решений на основе творчества вместе в Землей.

Джоанна Мэйси и Молли Браун [3] среди многих других говорят о том, что мы, люди, стоим на пороге «Великого поворота» (р. 5), что нам дано создать новые формы взаимоотношений с Землей и самими собой, новые основания для принятия решений, оставить в прошлом ранее присущее нам поведение, основанное на нерациональных методах

природопользования и отношений друг с другом. Этот сдвиг неизбежно предполагает преодоление ранее присущих нам экологической слепоты и бесчувственности и развитие способности чувствовать живую связь с планетой, которая действительно страдает. Пробуждаясь от бесчувственности, мы можем обрести новую жизнь [3,4,5].

Рис. 5. Золотые лиственницы осенью. Кутенайс, Британская Колумбия

Нам необходимо полное переосмысление того, как мы движемся в будущее. Давайте сделаем это творчески и практично, шагая в ногу с Землей в это переходное, бурное и драматичное время.

Горе — проявление любви. Соединитесь с Землей и растопите лед экологической слепоты и онемения. Мужайтесь. Мы вместе на этом пути.

Примечание:

Вы можете обратиться к Саре, если хотите узнать, как экологическое горе проявляется в вашей жизни, и как можно помочь себе и Земле, находя для нее и для себя ресурсы для исцеления. Индивидуальные занятия и семинары по экологическому горю доступны онлайн и лично в Нельсоне, Британская Колумбия

Рис. 6. Автор с гигантским деревом-кедром, остров Меарс, Британская Колумбия

Литература

1. Davenport L. Emotional resiliency in the era of climate change: A clinician's guide. — London and Philadelphia: Jessica Kingsley Publishers, 2017.
2. Kimmerer R.W. Braiding sweetgrass. — Minneapolis, MN: Milkweed Editions, 2015.
3. Macy J. & Brown M. Coming back to life. — Gabriola Island, British Columbia: New Society Publishers, 2014.
4. Weller F. The wild edge of sorrow: Rituals of renewal and the sacred work of grief. — Berkeley, California: North Atlantic Books, 2015.
5. West S. Creative Collaborations: The value of environmental arts therapy and the triple spiral framework in land-based decision making [Unpublished capstone project]. — Nelson, British Columbia: Kutenai Art Therapy Institute, 2020.

Ссылка для цитирования

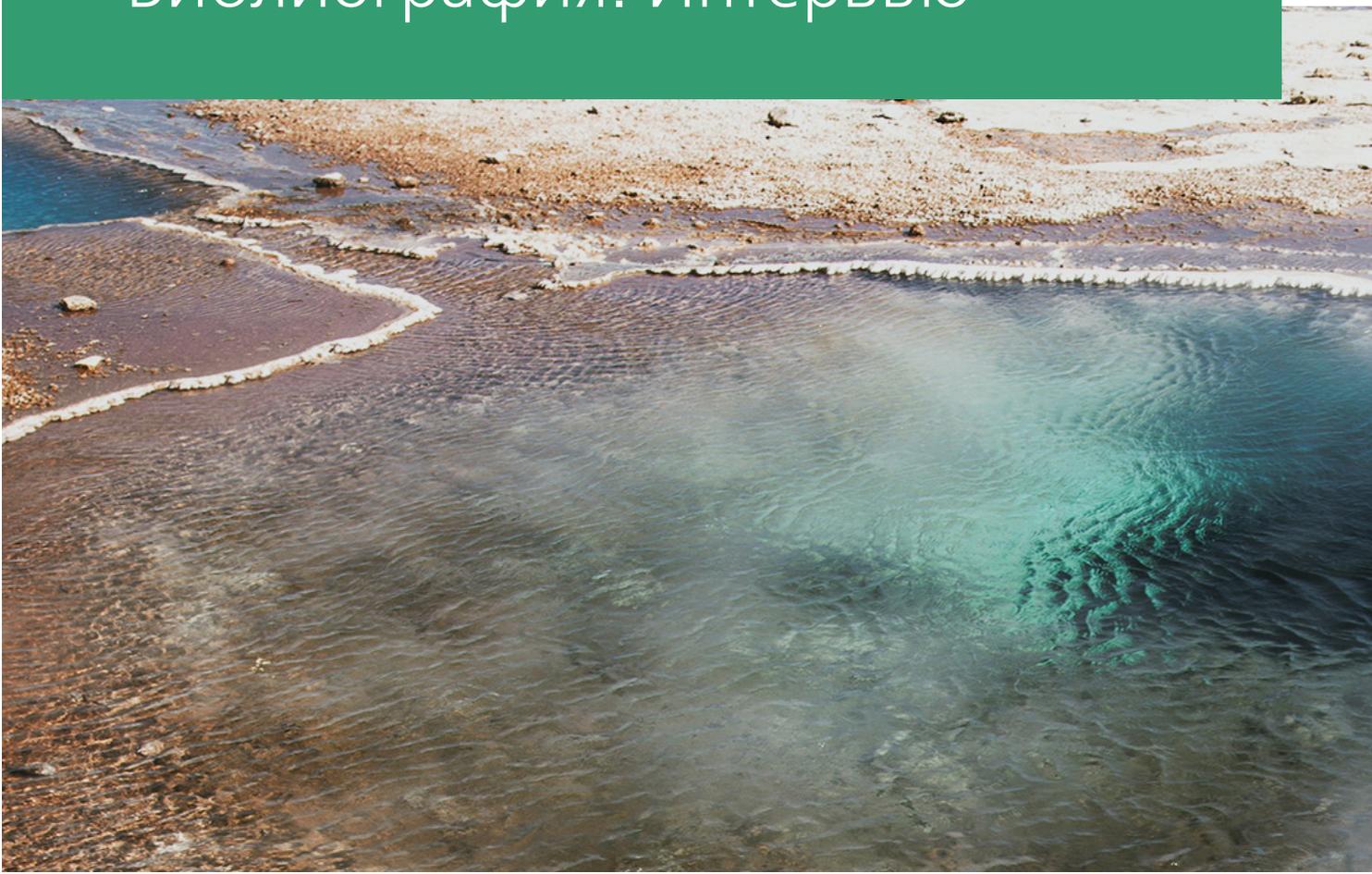
Уэст С. Экологическое горе — реальность // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

West S. Ecological grief is a real thing // Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2021. — Vol. 2, № 1. [open access internet journal]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (d/m/y).

Раздел

События.
Библиография. Интервью

ИНТЕРВЬЮ С МАЙКЛОМ МАРДЕРОМ

автором книги «Философия свалки: феноменология опустошения»

Аннотация Интервьюируемый подводит итоги работы над своей новой книгой «Философия свалки», в которой он дает феноменологическое описание опустошенного мира. Границы между различными областями бытия больше не проявляются, и уже нет не загрязненных мест. Ни искусство, ни философия не являются исключением из этого процесса. Даже сам воздух, которым мы дышим, стал частью свалки.

Ключевые слова Эстетика, искусство, свалка, экология, экологическая философия, загрязнение, мир, нигилизм, разруха, возможность, надежда

Краткая справка об интервьюируемом:

Майкл Мардер — профессор-исследователь кафедры философии Университета Страны Басков (г. Витория-Гастейс, Испания). Его труды охватывают экологическую теорию, феноменологию и политологию. Он является автором множества научных статей и восемнадцати монографий, в том числе таких книг, как: «Растительное мышление» (2013 г.), «Феномены — критика — логос» (2014), «Философское древо» (2014), «Пыль» (2016), «Энергетические мечты» (2017), «Хайдеггер» (2018), «Политические категории» (2019), «Пирополитика в пылающем мире» (2020), «Философия свалки» (2020), «Энергия Гегеля» (2021), «Зеленая месса» (2021) и других. Дополнительная информация о научных разработках Майкла Мардера есть на его сайте michaelmarder.org.

Стивен К. Левин (С.К.Л.): В своей книге «Философия свалки» вы занимаетесь феноменологическим описанием текущего состояния мира. Вы утверждаете, что мы превратили Землю в свалку, на которой уже невозможно найти ничего целостного и имеющего глубокий смысл, говорите: «Весь мир — это свалка». Не могли бы вы вкратце объяснить, что вы имеете в виду, и рассказать, что привело вас к такому выводу?

Майкл Мардер (М.М.): Нам не нужно далеко ходить, чтобы найти множество свидетельств превращения мира в свалку. Массовые выбросы токсинов, CO₂, химических пестицидов, гербицидов и других подобных веществ наполняют окружающую среду и изменили атмосферу, мировой океан и почву. Можно говорить о фундаментальном (по сути, хайдеггеровском) различии в философском значении понятий Земли и Мира, в соответствии с которыми превращение мира в свалку не означает такого же состояния Земли. Но я думаю, что эпоха, в которой мы живем, свидетельствует, что судьба мира связана с судьбой Земли, и больше не укоренена в глубоком и непостижимом источнике смысла. Земля как источник высшего смысла как бы исчезла: она не является метафизически неприкасаемой, целой и невредимой, испытывая быстро разворачивающиеся антропогенные разрушения. Геологическая эпоха, называемая антропоценом, сигнализирует о стирании различия между Землей и Миром. Промышленное загрязнение окружающей среды сеет хаос в области смыслов, связанных с представлениями о мире. Мир и Земля уже не автономны. Но, помимо физического загрязнения среды, мы также можем видеть загрязнение мира огромными потоками информации, которая делает невозможными любые связные повествования. Постоянно растущие социальные сети умножают ее до бесконечности, сводя на нет более глубокие узы взаимоотношений. Разрушены старые иерархические системы оценок. Их вытеснили одномерные оценки, не допускающие уникальности. Хотя все эти тенденции кажутся проистекающими из различных областей бытия, они действуют как силы, направленные на превращение

мира в помойку, мешанину из разрозненных смыслов.

С.К.Л.: Вы рисуете разрушительную картину опустошенного мира. Как вы указываете, в философии Хайдеггера «Земля» относится не только к планете, на которой мы живем, но и непознаваемому и неисчерпаемому источнику смысла, поддерживающему исторические миры, возникающие на ее основе. Вы предлагаете фундаментальный сдвиг в постхайдеггеровском мышлении? И если это так, возникают определенные вопросы, на которые, как мне кажется, трудно ответить. Прежде всего, исходя из какой точки зрения вы делаете заявление о размывании границы между Землей и Миром? Как произошло, что «философия свалки», «мышление свалки» стали доминирующей реальностью культуры? Во-вторых, если мир действительно представляет собой свалку, в которой больше невозможны различия и артикуляции, какие возможные варианты действий мы могли бы предпринять в ответ на эту ситуацию? Разве все, что мы делаем, не станет частью свалки? В этом случае ваша книга будет просто еще одной вещью, предназначенной для пополнения свалки.

М.М.: Один тезис, который я защищаю на протяжении всей книги, заключается в том, что в настоящее время не существует ни одной точки зрения, не загрязненной свалкой. Бессмысленно искать эту точку зрения ни в мире мысли, ни в сфере чувств, ни в искусстве, ни в социальных отношениях. При этом мы не должны поддаваться отчаянию. Поскольку, как заметил Жан-Люк Нанси в своей аннотации к книге, «Философия свалки» — это, по сути, трактат о нигилизме. Я предлагаю нам следовать по пути, наметенному Ницше, со ссылкой на нигилизм: вместо того, чтобы просто отвергать нигилизм, мы можем его углубить, а затем, может быть, всплыть с другой стороны. Надежды на то, что есть части (назовем их «ниши») мира и нас самих, каким-то образом невосприимчивые к свалке, не оправданы, и я утверждаю,

что именно эти надежды стоят на пути трезвой оценки ситуации нашего ужасного положения. Мышление здесь не исключение: сегодня нет мышления, которое не происходило бы не на свалке, и процесс познания также протекает на свалке. Но, в то время как все мышление затрагивает свалку, не всякое мышление — свалка. Я предлагаю использовать возможности критического мышления. Моя книга, действительно, представляет собой свалку идей, но в которой содержатся попытки развить самосознание свалки. Принимая во внимание эту оговорку, мы могли бы начать действовать внутри самой свалки, преобразовывая ее во что-то другое.

С.К.Л.: Предлагаю перейти к другой, хотя и связанной с предыдущей, теме: в своем эссе «Происхождение произведения искусства» Хайдеггер дает феноменологическое описание произведения искусства как возникшего в результате конфликта между Миром и Землей. Он также говорит, что искусство — это раскрытие истины в произведении. Истина, о которой он говорит — это значение исторического мира, значение, которое было ранее скрыто, прежде чем оно будет раскрыто произведением. Если различие между Землей и Миром больше не существует на свалке, тогда возможно ли искусство в принципе? Это особенно важный вопрос для тех из нас, кто интересуется возможностью экопоэзиса.

В другом месте Хайдеггер цитирует Гельдерлина: «Поэзией живет на свете человек» (*dichterisch wohnt der Mensch*). Кто живет на свалке? Можем ли мы поэтически жить в такой среде? И возможен ли вообще поэтический ответ на свалку? В «Философии свалки» ваш текст сопровождается серией изображений, некоторые из которых, кажется, изображают выброшенные тела, неотличимые друг от друга. Более того, в конце книги вы представляете то, что вы называете «Поэтическое приложение: стихийные причитания». Они представляют собой серию

поэтических размышлений о предметах, выброшенных на свалку. Лично для меня они вселяют надежду, что поэзис еще возможен даже на свалке. Вы могли бы с этим согласиться?

М.М.: Ни искусство, ни творческое мышление не являются, как я уже упоминал, исключениями: они насквозь пронизаны динамикой свалки. Более того, искусство и мышление сегодня возможны только при условии, что художники и мыслители откажутся от иллюзии того, что они находятся где-то наверху, позади или, во всяком случае, на расстоянии от реальности свалки. Если, как утверждает Хайдеггер, искусство — это установление истины, то свалка и является той самой истиной, которую стремится установить искусство в двадцать первом веке. В том же эссе, о котором вы упоминаете, Хайдеггер проводит еще одно важное различие между вещным и рабочим характером произведения искусства. Произведение искусства под названием «Бытие в XXI веке», выброшенное на свалку, — это просто выброшенная вещь; однако после того, как художник закончил свою работу по его созданию, вещь продолжает работать, ведя независимую жизнь. Вопрос в том, как это произведение далее работает, что оно производит со свалкой? Добавляет ли оно что-то во все растущую кучу? Или искусство действительно очищает немного пространства и времени на свалке?

Я согласен с Хайдеггером в том, что жить можно только на свободном пространстве — на поляне. По сложным и необходимым причинам Хайдеггер видел это пространство как лесную поляну. В настоящее время возможно поселение на полянке на свалке. Я надеюсь, что слова (философские или поэтические или и то, и другое) и образы «философии свалки» способствуют такому очищению. Однако мы не можем более найти такие уголки мира, мышления и искусства, которые хоть как-то не были затронуты свалкой. Я рекомендую углубиться в это состояние современности, столкнуться с ним и столкнуться с собой в нем, а затем внести в него что-то, что могло бы остановить ее дальнейший рост.

С.К.Л.: Ваше последнее предложение кажется мне важным. Мы должны

найти способы для очистки свалки. Однако я не уверен, что мы договоримся о том, какими могут быть эти пути. В своей книге о Хайдеггере вы указываете, что, по его мнению, конечное существование человека можно охарактеризовать как «собирающееся и собираемое» («Хайдеггер: феноменология, экологическая политика», 2018). Другими словами, мы не только существа, которые присваивают себе различные явления, но и мы сами собраны в историческом времени. Таким образом, в человеческом существовании обязательно присутствует восприимчивый элемент. Мы не хозяева вселенной, но мы способны откликнуться на ту реальность, в которой мы живем, и которую мы создали. Я могу сказать так: «Поэзис всегда возможен». Свалка кажется мне окончательной формой, в которой происходит человеческое существование, основанное исключительно на присвоении. Мы сами выброшены на свалку мира. Однако, как вы говорите, мы все еще можем погрузиться в это невыносимое состояние, взглянуть ему в лицо и внести в него что-то, что препятствовало бы его дальнейшему усугублению. Как мы можем сделать это?

Мне кажется, что есть много способов, которыми мы уже включаем рецептивный элемент в нашу практику. Художественное творчество является одним из них. Художник не создает *ex nihilo*, как это могло бы сделать всеведущее и всемогущее божество. На собственном опыте создания искусства я обнаружил, что написание стихов, например, это вопрос открытости для восприятия слов, которым я могу придать эстетическую и осмысленную форму. Хотя я часто начинаю с намерения, образа или идеи, стихотворение складывается своим путем, иногда весьма неожиданным. Точно так же писатели часто обнаруживают,

что их персонажи говорят и делают вещи, которые сильно отличаются от первоначальной концепции, которая их породила. То же самое характерно и для музыки, танца или театра. В противном случае мы получим что-то вроде социалистического реализма, в котором и форма, и содержание продиктованы центральным комитетом, или, как это характерно для сегодняшнего дня, когда идеология диктует заранее определенную концепцию идентичности.

То же самое и в психотерапевтической практике. По моему собственному опыту, действуя как психотерапевт, я должен отпустить контроль и принять то, что приходит. Если я пытаюсь сформировать опыт клиента с точки зрения заранее определенной цели, это никогда не сработает. Взгляд журнала «Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика» происходит из признания восприимчивости нашего существования. Творческие и выразительные способы терапевтической практики становятся моделями для понимания наших отношений с Землей. Опять же, мы не можем формировать Землю по своей воле. Если мы попытаемся это сделать, то получится свалка, которую вы так хорошо описали.

В экологической практике на сегодняшний день есть элемент капитуляции, которым мы пренебрегаем. Фактически, многие в области экологической мысли и деятельности признают это. Например, в номере журнала *The New Yorker* от 9 августа текущего года представлено интервью с ландшафтным архитектором Кейт Орфф. Она находится в авангарде нового подхода, связанного с реализацией концепции устойчивого развития. Однако, она считает, что мы уже нанесли природе слишком большой ущерб. Другими словами,

мы должны признать свалку реально-стью и найти способы, позволяющие все же что-то в этой ситуации сделать. Я бы охарактеризовал эту позицию как близкую той, которую Хайдеггер называет *Gelassenheit*, или той, которая звучит в высказывании Поля Целана, когда он говорит о поэзии: «*La poésie ne s'impose plus, elle s'expose*» («Поэзия больше не навязывает, она обнажает»). Это позволяет надеяться на изменение позиции человечества в отношениях с миром природы. Я также думаю об этом с точки зрения даосской концепции *ву-вэй* или бездействия. Космотехника Юк Хуэй нацелена на концепцию технологического разнообразия, основанную на этом понимании. Он находит иное мышление *techne* с точки зрения эстетической восприимчивости, которая породила образы горной воды (*шань-шуй*) в классической китайской пейзажной живописи, в отличие от репрезентативного характера западного искусства (см. книгу Юк Хуэй «Искусство и Космотехника», 2021 г.). В «Философии свалки» вы явно отвергаете этот поворот на Восток как другую форму философского романтизма, хотя вы и допускаете возможность возникновения «межкультурного диалога».

Наконец, я нахожу в вашей собственной более ранней работе о «растительном существе» феноменологическую онтологию растений, основанную на восприимчивости растительного существования и сопутствующей способности к культивированию, «осторожную надежду на будущее», на новое начало, которое позволит культивировать разные формы жизни (см. книгу Люс Иригарай и Майкла Мардера «Через растительное бытие», 2016, Р. 216). У вас есть такая надежда?

Я надеюсь, вы простите этот долгий экскурс в альтернативный способ представления возможного ответа на нашу

ситуацию, «расчистку на свалке», которая может открыть перспективу нового развития цивилизации.

М.М.: Действительно, свалка — это результат человеческой иллюзии, что миром вокруг нас можно управлять, манипулировать им по своему желанию, а затем утилизировать отходы цивилизации. Такое отношение бумерангом возвращается к нам, поскольку мы вовсе не отделены от мира, подвергающемуся насилию, где его последствия многократно усиливаются. Когда, как вы правильно заметили, я пишу, что «мы — свалочные самосвалы», я имею в виду именно это развитие. Я также согласен с тем, что рецептивная практика уравнивает однобокий присваивающий способ поведения и проливает свет на другую половину человеческой природы. Однако было бы наивно думать, что мы можем защититься от динамики свалки; что мы можем создать остров чистоты в океане мусора.

Я думаю, что нам нужно копнуть глубже, возродить забытую или подавленную часть человеческого опыта, а именно нашу открытость миру. Возьмем в качестве примера дыхание. Вдыхая, мы получаем немного кислорода, и у нас нет другого выбора, чтобы жить. Однако, качество вдыхаемого воздуха может сильно различаться, поскольку мы можем вдыхать не только чистый воздух леса, но и воздух свалки — выхлопные газы и переносимые по воздуху вирусы или бактерии. То же самое происходит на психологическом уровне, в духовной пневматологии, в древне-еврейских, греческих и римских традициях, которые понимали духовную жизнь как процесс дыхания. Психическая жизнь формирует свалку внутри себя так же, как наши легкие и бронхиолы вбирают в себя грязь окружающей среды.

В последнее время я также уделял много времени рассмотрению отношений между растительной онтологией и онтологией свалки. В «Философии свалки» я действительно говорю, что свалка перенимает некоторые ключевые черты греческой физики и роста, но это, опять же, очень относительное сходство, потому что в ней отсутствуют процессы метаморфозы. В этом смысле установка на контроль природной среды без культивирования в человеке высокой чувствительности и восприимчивости к проявлениям

жизни отражает склонность мыслить категориями экономического роста, что является не только иллюзией неолитерализма, но и главной разрушительной силой, когда дело касается экологии.

Мне кажется, что бенедиктинская аббатиса Хильдегард Бингенская, которая жила почти тысячу лет назад, и о которой я недавно написал в книге «Зеленая месса: экологическое богословие святой Хильдегарды Бингенской», (2021), может дать нам некоторые подсказки. Хильдегард обозначает два полярных способа существования: аридитас и виридитас. Позиция аридитас, которая является частью ее представления о грехе, приводит к истощению мира, его запустению. Виридитас, наоборот, является источником жизни, зеленой субстанцией бытия, которая означает вечно омолаживающую, самообновляющуюся способность творения, переполнение конечного организма будущей жизнью. Оживляющий избыток *viriditas* так или иначе найдет возможность проявиться, однако способность к самообновлению не бесконечна. *Viriditas* довольно хрупок, его продолжение неясно. Когда в своих рассуждениях я экспериментирую с возможностью отождествления с биомассой, состоящей в основном из растений и растительной жизни, я продолжаю искать новое начало в непредсказуемом и очень опасном экономическом росте и в том распаде, который он за собой влечет.

С.К.Л.: Я нахожу ваши идеи, связанные с воздухом и дыханием, весьма интересными, особенно в свете того, что вы пишете в главе «Совместное использование вселенского дыхания» в вашей книге «Через растительное существо». Вы пишете там о своей тяжелой сезонной аллергии и о том, как она была сильно усугублена загрязнением воздуха фабрикой, расположенной недалеко от вашего района в детстве в Москве. Затем вы рассказываете о встрече с учителем йоги в Индии и его медитативной практике «культивирования дыхания» посредством медленного дыхания, и продолжаете говорить, что, подобно растениям, «...мы должны стать проводниками для воздуха...». Конечно, дыхательная медитация стала еще одной вещью,

которую мы выбросили на свалку, смешав ее с другими методиками самопомощи. Независимо от того, сколько мы практикуем дыхательную медитацию, воздух, которым мы дышим, по-прежнему будет токсичным. Тем не менее, мне кажется, что хотя на нашей планете уже нигде нет воздуха, который был бы свободен от загрязнения, на Земле все же есть места, которые являются более свободными от загрязнения. Я провожу несколько месяцев в году в местечке Виноградник Марты на берегу Атлантического океана, окруженном деревьями. Воздух здесь намного более пригоден для дыхания, чем тот, с которым я обычно сталкиваюсь в своем доме в Торонто. Я также вспоминаю про убийство Джорджа Флойда и припев в его песне со словами «Я не могу дышать!» который, стал девизом выступлений *Black Lives Matter* в Северной Америке и других странах. Таким образом, воздух и его состав касаются политических вопросов, а также вопросов экономики и экологии.

Я уверен, что мы могли бы продолжить это обсуждение, но, возможно, различия между нашими точками зрения стали более ясными для читателя. Я по-прежнему считаю, что не только возможно, но и абсолютно необходимо действовать таким образом, чтобы противостоять свалке, развивать новые формы практики, основанные на поэзии, а не на практике, которая пытается доминировать над всем, что нас окружает. Возможно, это «осторожная надежда», и мы всегда должны остерегаться непредвиденных последствий наших действий, чтобы они также не способствовали катастрофе.

Наконец, я хотел бы прервать свои рассуждения и попросить вас объяснить, что вы имели в виду, когда, говоря о Хильдегарде Бингенской, вы заявили, что непредсказуемый рост приводит

к катастрофе. В довольно мрачной картине сегодняшнего дня, которую вы рисуете, я, тем не менее, воодушевлен вашим признанием возможности нового начала. Как все же непредсказуемый рост может сделать возможным сколь-либо серьезный «поворот» или «кехре», используя слово Хейдеггера?

М.М.: То, что я описываю в «Философии свалки», является преобладающей тенденцией, которая, конечно, идет неравномерно и все еще далека от завершения. Создание свалки мира происходит не везде в одинаковой степени, но затягивает всех в свою бездну. Кроме того, переломным моментом, о котором я упоминаю в начале своей книги, является смена терминов в отношениях между правилом и исключением. Если до недавнего времени казалось, что пятна загрязнения лишь отчасти запятнали нашу в остальном нетронутую планету, теперь можно говорить о тотальном и массовом загрязнении глобальной экосистемы, хотя на планете есть и сравнительно менее загрязненные места. Поскольку мы имеем дело с тенденцией, а значит, с чем-то динамичным по своей природе, разумно сделать вывод, что в будущем будет происходить все больше и больше гомогенизации свалки, оставляя меньше места для исключений в виде более чистых мест из нее. По всей видимости, будет продолжаться беспощадное наступление свалки.

Моя позиция заключается в том, что мы не должны более искать редкие исключения из общего правила, а должны вместо этого конфронтировать с самыми явными и характерными проявлениями свалки, чтобы выявить ее «механику» и «логистику». Я не рекомендую искать решения, какими бы заманчивыми они ни казались, в исключительных примерах, например, в местах, где мы можем дышать относительно свежим воздухом.

Проблема воздуха, которую мы несколько раз затрагивали в нашей беседе, особенно важна. Помимо смертельного загрязнения, он теперь пронизан другими опасными для жизни частицами — переносимыми по воздуху вирусами — и приобрел политическое значение после убийства Джорджа Флойда, совершенного полицией. Какими бы необходимыми ни были маски, они являются средством

приватизации: они ограничивают циркуляцию и распределение воздуха как жизненно важного ресурса, связанного с моей мечтой об «элементарном коммунизме» во время переписки с Люси Иригарай.

Возможность сделать что-то на свалке, попытаться изменить ее изнутри, довольно четко проявляется в отношении воздуха. Как можно практиковать медленное дыхание в Дели или Чэнду, городах с таким загрязнением воздуха, которое показалось мне поистине невыносимым, когда я там жил, скажем, в отличие, например, от тех частей Северной Америки и Европы, где мы сейчас живем и дышим? Что значит заниматься дыхательными практиками не в относительно чистой среде, а в среде предельно загрязненной? Где бы мы ни находились, мы становимся проводниками того, что я называю аэродинамическим насосом. Как воздухопроводы мы пропускаем свалку через самих себя, но, направляя ее таким образом, мы вносим свой вклад в микроразрушение с характерной для него механикой и логистикой.

Я считаю, что приведенным мной примером с воздухом я отвечаю на ваш заключительный вопрос о возможности «поворота» и «нового начала». Как вы видите, такое начало не может означать разрыв с прошлым, начало с чистого листа, о чем мечтали различные мыслители на заре современности. Напротив, это подразумевает восстановление разорванных связей между ростом и распадом, вдохом и выдохом, жизнью и смертью. Это также означает, что нужно учиться быть посередине, занимая преимущественно растительное и экзистенциальное положение, особенно, находясь в центре свалки. Задача непростая, потому что она может быть решена каждым по отдельности, каждым по отношению к другому и другим, а также всеми вместе, причем, на психологическом, экономическом, политическом и этическом уровнях. Нулевой точкой для нас являлось бы достаточно полной осознание той безрадостной ситуации, в которой мы находимся. Именно из этой нулевой точки проистекает любая возможность движения и поворота.

Интервью взял: *Левин Стивен К.*, доктор философии, DSSc, REAT, заслуженный профессор Йоркского университета (Торонто, Канада), декан докторантуры в области экспрессивных искусств в Европейской высшей школе (Швейцария)

Ссылка для цитирования

Левин С.К. Интервью с Майклом Мардером // Экопозис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Levine S.K. Interview with Michael Marder // *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*. — 2022. — Vol. 3, № 1. — URL: <http://ecopoiesis.ru>.

ИНТЕРВЬЮ С ДЖИН ДЭВИС И НЭНСИ ВУ

Аннотация Художницы из Нью-Йорка, Джин Дэвис и Нэнси Ву, дали интервью нашему журналу, в котором рассказали о своих творческих поисках, связанных с экологически-ориентированным искусством, созданной ими студии (*Resurrect Studio*). Деятельность студии подразумевает сбор разбитых, выброшенных океаном на берег и затем выставленных на свет и представленных в форме произведений искусства стеклянных предметов. Кусочки стекла формируют произведения искусства, рассказывающие историю надежды и вдохновения, банального и прекрасного.

Ключевые слова: битое стекло, природа, *Resurrect Studio*, Кинцуги, скульптуры из стекла, мусор

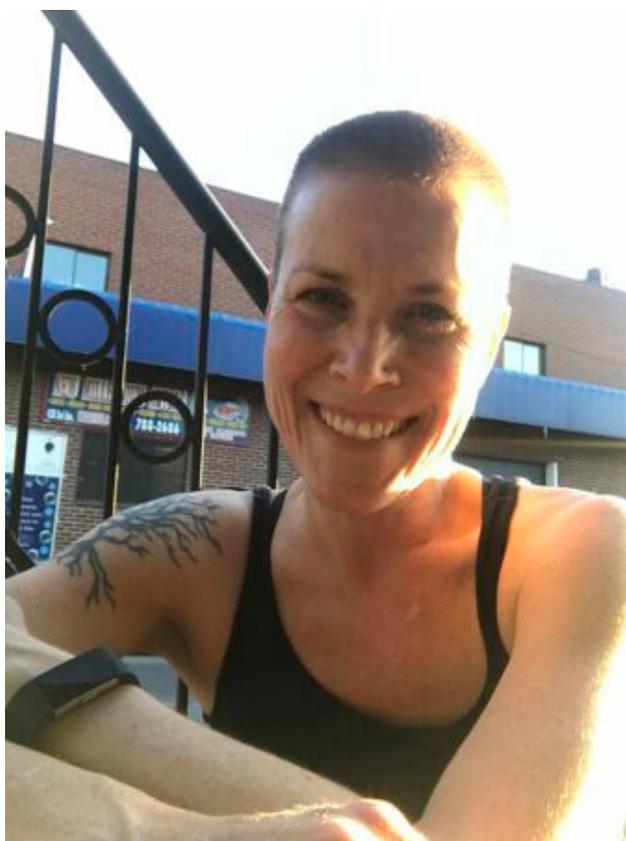
Краткая информация о художниках

ДЖИН Дэвис

Для Джин Дэвис занятия искусством неразрывно связаны с ее жизнью. Стоит ей провести причудливую линию или поставить мазок на холсте, и мир тут же начинает для нее меняться. Она считает, что человек живет на белом свете в той мере, в какой он занимается искусством. Джин — художник и арт-терапевт, и в равной степени сочетает в себе обе эти роли.

Страсть Джин к искусству началась еще в детстве, когда долгие летние дни сливались друг с другом, позволяя ей бесконечно бродить, играть и мастерить. В подростковом возрасте, когда жизненные обстоятельства стали сложными, а затем драматичными, творчество явилось для нее спасением и позволило проложить путь вперед. Она училась в Школе визуальных искусств в Нью-Йорке, а после этого работала в сфере коммерческого искусства. Этот опыт вскоре перестал ее удовлетворять, и она открыла для себя арт-терапию как практику исцеления с помощью искусства. Она прошла программу профессионального образования и затем закончила аспирантуру по арт-терапии в Институте Пратта в Нью-Йорке, и с тех пор работала арт-терапевтом и руководителем во многих учреждениях социальной службы, а также преподавателем образовательной программы по арт-терапии в Институте Пратта. Она также постоянно вела частную арт-терапевтическую практику в Бруклине.

За последние несколько лет ее сотрудничество с художницей Нэнси Ву и сходство их художественного языка привели к созданию в начале 2021 года *Resurrect Studio*. Это открыло новую главу в их творческой биографии, оформлении новой философии искусства как основы для построения отношений с миром.

НЭНСИ Ву

Нэнси росла в смешанной семье, в которой было 6 детей, 51 двоюродных братьев и сестер и 83 троюродных братьев и сестер, а также 13 пар теток и дядей. В ее семье представлены все мировые религии, также как и широкий спектр профессий, начиная с акушерки и заканчивая гробовщиком.

Ее любимые занятия включают приготовление пищи для членов семьи и гостей, упаковку подарков, созерцание успокаивающей зелени природы, езду на велосипеде, наслаждение от шоколада и кофе, приятной музыки, кисло-острого супа и крепких объятий. Получив диплом магистра архитектуры, Нэнси работала в Нью-Йорке архитектурным дизайнером. Ей больше всего нравится творческая работа, связанная с созданием красивых вещей вместе с талантливыми и энергичными мастерами своего дела, которые, несмотря на неудачи и сложность задач, находят творческие решения и способны наслаждаться процессом.

Выйдя замуж за архитектора Боба Генри, Нэнси родила троих детей: Зейн, Бо и Хлою. Она сравнительно недавно начала заниматься изобразительным искусством, чтобы преодолеть травму, связанную со смертью Хлои, которая в возрасте 13,5 лет скончалась от высотной болезни во время семейной поездки в Китай в августе 2016 года.

Нэнси и Джин подружились за неделю до поездки в Нэнси в Китай и с тех пор находятся в тесном духовном контакте.

Александр Копытин (А.К.): *Опишите, пожалуйста, обстоятельства, которые привели к созданию Resurrect Studio.*

Джин Дэвис (Д.Д.): Спасибо за приглашение дать интервью вашему журналу. Мы рады поделиться своей верой в преобразующую силу искусства. Недавно организация Art Fluent также взяла у нас интервью, попросив рассказать о Resurrect Studio <https://www.art-fluent.com/resurrect-studio>, и мы думаем,

что то, что мы рассказали Art Fluent, актуально и для вашего журнала.

Несколько лет назад мы начали заниматься искусством вместе. Рисование природы на открытом воздухе стало началом нашего совместного творчества, которое позже переросло в эксперименты со стеклом. Мы делились друг с другом способами объединения осколков стекла и создания из них красочных скульптур, каждая из которых рассказывала свою историю, являлась своего рода ландшафтом ярких форм.

Рис. 1. «Забери меня»

В конце 2020 года нам стала доступна студия, явившаяся для нас подарком с небес, где мы стали более активно участвовать в совместной работе. В то же время мы перешли к новой форме художественного творчества, связанной с превращением мусора в драгоценность. Часто посещая заброшенный бруклинский пляж, наряду с прочими выброшенными на берег предметами, мы находили толстые обветренные осколки стекла разных форм и оттенков. Мы начали собирать их с намерением создать из них произведения искусства. Мы поражены тем, что в итоге из этого получилось.

Фрагменты стекла уникальны и представляют собой удивительные находки, результат воздействия природной стихии воды на то, что некогда было создано человеком и вернулось к нему, чтобы он дал им вторую жизнь. Прозрачные осколки стекла перекрывались и играли друг с другом, а позже стали располагаться вертикально, превращаясь в трехмерные конструкции, своего рода живые организмы. Мысль о том, что осколки стекла могут одновременно имитировать акварель и скульптуру, нас поразила! Вдобавок ко всему, разное время суток и разное время года изменяли свет стекла, напоминая о движении времени и его влиянии на всех

и вся. Наши скульптуры, помимо нашей воли, становились яркими, светящимися и живыми!

А.К.: *Чем характеризуется ваш подход к созданию произведений искусства из осколков стекла, из чего состоит процесс создания произведений?*

Д.Д.: На данный момент мы поражены множеством форм, созданных из осколков стекла на базе *Resurrect Studio*. Каждый шаг на пути создания этих произведений имеет важное значение, определяя, каким окончательно станет произведение. Мы часто задаемся вопросом, что делает скульптуру законченной. Мы начинаем с поиска осколков стекла. Каждая прогулка требует нескольких часов. Это настоящее путешествие, требующее серьезной подготовки, с прицелом на определенные формы и оттенки стекла. У каждой прогулки есть своя кульминация, ознаменованная особым рода находкой. Каждая из них — это артефакт прошлых лет — периода истории где-то между 1920 и 1950 годами.

Рис. 2. «Спрингфилд»

Затем идет очистка стекла, его доставка в студию и дальнейшее формирование композиций, с учетом специфической атмосферы меняющегося светового ландшафта студии. Мы вместе работаем над каждым произведением, начиная с зарождения идеи и заканчивая окончательной формой.

Последний этап связан с размещением скульптуры на освещенную солнцем полку, где мы наблюдаем за ее превращениями, которые

определяются сезоном, погодными условиями и временем суток. Если бы вы посмотрели замедленное видео, показывающее, как создаются произведения из стекла, вы бы увидели невероятный процесс нашей творческой активности. Фотографирование созданных стеклянных конструкций с их индивидуальностью также является захватывающим экспериментом. Каждый момент переживается по-новому, и каждая работа уникальна, точно так же, как приливы, которые дарят нам исходный материал для нашей работы в студии.

Рис. 3. «Возрождение Венеры»

Нэнси Ву (Н.З.): Я бы сказала, что мы лучше всего себя чувствуем на пляже, когда наши ноги стоят на земле, а голова касается голубого неба, когда мы кружимся над пляжем, как пчелы или бабочки, выпущенные на свободу в Эдемском саду. Этот пляж, который постоянно подбрасывает нам свои дары — бутылки из-под ликера, пепельницы, масленки, бутылки из-под кока-колы, представляет собой не свалку новых вещей, а своеобразный музей культурных раритетов нового века, преобразованных Матерью-Землей. Стеклянные артефакты являются

отголосками жизней, прожитых почти сто лет назад. Они раскрывают историю индустриальной эпохи, которая положила начало культуре потребления. Пляж имеет сходство с музеем или магазином художественных принадлежностей.

Рис. 4. «Утопия»

В этом процессе есть игривость и энергичность, которые мы обе признаем неотъемлемой частью конечного продукта. Когда солнце всходит или садится, ежедневный жизненный процесс созданных произведений не останавливается, а находит свое продолжение. Они живут несмотря на обстоятельства, как часть истории нашей *Resurrect Studio*, истории нашей жизни, истории культуры и природы. Студия — это то пространство, которое помогает воплотить наши идеи, как если бы не только артефакты, но и мы сами были стеклом Кинцуги, отчаянно нуждающимся в ремонте.

Рис. 5. «Остров чудес»

А.К.: *Какое значение для творчества имеют ваши отношения с окружающей средой?*

Д.Д.: Строя свои отношения с собой, с друзьями, с миром, мы делаем выбор в пользу здоровья, взаимопомощи, соперничества и любви. Как и общество, частью которого мы являемся, мы стали в значительной степени отчужденными и с подозрением относящимися к тому, что происходит естественным образом. Даже перед лицом все более разрушительных последствий нашего потребительского отношения к окружающему миру мы продолжаем отдавать предпочтение мимолетным материальным удобствам. Так возник экологический кризис, отражающий кризис общества, личности, души. Ибо то, как мы относимся к природе, отражает то, как мы относимся к самим себе.

Однако, занимаясь творчеством на базе *Resurrect Studio*, мы пытаемся найти и утвердить новый способ построения отношений с собой и с миром. Мы наслаждаемся посещением природного источника вдохновения в виде пляжа, который десятилетиями загрязняется человечеством. Мы перебираем артефакты природы и культуры в поисках сокровищ. Метафорически, разве это не то действие, которое мы совершаем в повседневной жизни? Внутри каждого из нас похоронено много обломков и воспоминаний, с которыми мы должны встретиться и переработать их, создавая из них произведения искусства,

исцеляясь, обретая здоровье, реализуя себя. Мы собираем эти артефакты, приводим их в порядок, освящаем их, постигая и выявляя их красоту. Нас, безусловно, беспокоят изменения климата. В то же время, в своем творческом поиске мы выходим за пределы вопросов видимой среды и затрагиваем вопросы души и сердца.

Н.В.: Изобретенный нами вид искусства связывает нас с биоритмами Матери Природы, потому что он полностью зависит от приливов и отливов. Подобно рыбакам, отправляющимся за уловом, иногда мы находим великолепную добычу, а иногда не находим ничего. Этот вид искусства отражает жизнь. Даже если наши находки не особо примечательны, они тоже найдут применение. Каким бы ни был исходный инвентарь, в итоге получается нечто, что мы сотворили, стремясь, чтобы оно выглядело привлекательно. Нет двух одинаковых произведений, ибо изобретательность, поиск неповторимости и красоты каждого творенья является ключевым моментом.

Мы умеем находить то, что нам нужно, «договариваясь» со средой. Зачастую вещь, которую мы намереемся найти, находит нас сама, словно напоминает нам о том, что Природа видит нас, а не только мы видим природу. Поскольку мы рассматриваем стекло как окаменелости вековой давности, некоторые из наших скульптур ласково названы в честь дня, когда они были обнаружены и увидели свет, например, 23 августа 2021 года.

Мы полагаемся на природу и искусство, чтобы восстановить наши души. Погружаясь в пространство пляжа, пребывая в поиске красоты, мы почувствуем себя моложе, легче, менее напряженными. Мы рады, что наш творческий процесс неразрывно связан с природой.

С энергией школьников, отправляющихся домой в пятницу, мы знаем, что нам предстоят выходные дни, которыми для нас является работа в студии. Мы обе ведем очень занятую жизнь, у нас много работы и детей. Однако *Resurrect Studio* — это жизненно необходимая практика, позволяющая находить надежду во всем. Как говорится, когда жизнь дает тебе лимоны, делай лимонад. Когда жизнь подкидывает тебе старые сломанные

соковыжималки для лимона, иди и сделай из них что-нибудь.

Рис. 6. «Жизненная сила»

А.К.: *Есть ли какая-то философия в вашей студийной практике? Как бы вы концептуализировали трансформацию, которую претерпевает окружающий мусор, мирское, чтобы стать произведением искусства, чем-то прекрасным, вдохновляющим и даже священным?*

Д.Д.: Мы считаем, что *Resurrect Studio* воплощает в себе философию, основанную на вере. Вера в то, что, когда мы с интересом и сочувствием смотрим на что-то, что другие могут счесть бесполезным, мы можем это прославить и превратить в нечто прекрасное. Мы трансформируемся в меру своих возможностей. Мы верим, что в открытой нами форме искусства нечто отброшенное за ненужностью может быть воскрешено. Искусство показывает реальность надежды и ее огромную созидательную силу, является свидетельством того, что не имеет материального выражения. Это вера.

В изделиях, которые мы создали, есть жизненная сила, потому что в процессе их

создания мы обращаемся к духовному источнику, источнику творчества, заложенному в человеке и природе. Мы видим, что все обладает явной или скрытой жизнью — и то, что, казалось бы, похороненным, взывает к воскресению. Можем ли мы принять эту истину, эту философию жизни и творить в согласии с ней? В то же время мы понимаем, что акт творчества, акт преобразования — это не то, что мы совершаем изолированно от мира. Мы наделены восприимчивостью и действуем, зная, что творчество нас ведет за пределы узкого прагматизма и ограниченности нашего эго.

Н.В.: Нам нравится разбитое стекло, которое мы выбрали. Мы взяли его, потому что оно привлекло нас, поразило нас своим потенциалом жизни и красоты. Эти осколки стекла мы нашли, чувствуя их природу, или они нашли нас, чтобы показать нам новые возможности для жизни и творчества. Мы подобны им. Так же, как и они, мы сломанные, выброшенные, но затем избранные, очищенные и преобразованные в произведения искусства с интересом, любовью и заботой. Наши произведения вместе с нами рассказывают историю надежды и вдохновения, мирского и священного.

Мы знаем красоту чудесных мгновений, связанных с нахождением осколков стекла, особенно синего, бирюзового и янтарного оттенков, потому что в эти мгновения у нас возникает ощущение «космос со мной».

Рис. 7. «Воскресение»

Примечание:

Работы Джин Дэвис и Нэнси Ву можно увидеть на их сайте [https:// www.resurrect.studio](https://www.resurrect.studio) и в Инстаграм: [resurrectstudio](https://www.instagram.com/resurrectstudio).

Интервью взял:

Копытин Александр Иванович — доктор медицинских наук, профессор, кафедра психологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (Санкт-Петербург, РФ).

Ссылка для цитирования

Копытин А.И. Интервью с Джин Дэвис и Нэнси Ву // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Kopytin A. Interview with Jean Davis and Nancy Wu // Ecoipoiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2022. — Vol. 3, № 1. — URL: <http://ecopoiesis.ru>.

ИНТЕРВЬЮ С ВАДИМОМ РЯБИКОВЫМ

Аннотация Психолог, музыкант, композитор Вадим Рябиков — о сотворчестве с миром природы, геопоэтике, экологическом горе, пси-географической музыке как особом способе взаимодействия человека с природными ландшафтами, превращении переживания ландшафта в эстетические образы, способные изменить наше отношение к окружающей среде и оказать исцеляющее воздействие на нас и наш жизненный мир.

Ключевые слова: геопоэтика, психеографическая музыка, ландшафт, символ, архетип, экологическое горе

Краткая справка об интервьюируемом

Рябиков Вадим Вадимович — психолог, антрополог, музыкант. Автор психотерапевтического метода «Интерактивный резонанс», экс. заведующий сектором Культурного и природного наследия Белого моря и Соловецкого архипелага, Российского НИИ Культурного и Природного наследия им. Д.С. Лихачева, участник научно-исследовательских экспедиций в экстремальных зонах (Арктика, Южная Америка, Юго-Восточная Азия), эксперт лаборатории геокультуры Арктики Государственного института культуры и искусств Арктики (Саха/Якутия).

Александр Копытин (А.И.): Как психолог и музыкант, композитор, ты много времени проводишь, путешествуя в разные регионы планеты, участвуя в научных экспедициях, а также в культуротворческой деятельности, поддерживая и восстанавливая очаги духовной культуры на основе изучения и поддержки природных ландшафтов в их единстве с ландшафтами культурными. Расскажи, пожалуйста, чем мотивирована твоя деятельность, и в чем ты видишь свою профессиональную и личную задачу, работая с человеческой душой, культурой через ландшафт, на основе сотворчества с миром природы?

Вадим Рябиков (В.Р.): Человечеству предстоит открыть планету заново, хотя эпоха географических открытий уже закончилась. Уже несколько веков, а более явно, начиная с эпохи модерна, Земля начала восприниматься не как жизненный мир человека, а как физическое тело, как кладовая ресурсов. Человечество постепенно, руководствуясь этим мировоззрением, начало трансформировать ландшафт, всю геосферу, вторгаясь во все оболочки Земли и при этом разрушая очень важное символическое измерение.

Вся практика освоения реальности в период модерна была основана на объективистском мировоззрении, а субъективное измерение в отношениях человека с окружающей средой было признано как ложное или как вносящее «помехи» в познание реальности. Это привело в конце концов к утрате, точнее, резкому сужению символического измерения. Исследуя и преобразуя окружающую среду, мы начали вольно или невольно пренебрегать символическим измерением, наполняющим весь мир природы, то есть, пренебрегать символами как носителями универсальных смыслов, которые хранит в себе мир природы. Постепенно человечество оказалось в «обесмысленной», искусственной среде, в такой среде, в которой не поддерживаются жизненно важные экзистенциальные связи внутри человеческой целостности, внутри психического или душевного мира.

Утрата гениальной психологической и физической связи с миром природы и ее

символизмом приводит к страданию. Хотя человек может прервать на некоторое время отношения с глубинным экологическим бессознательным, но долго это длиться не может. Человек становится «хрупким», лишаясь связи с источниками душевных сил, вдохновения и жизни. Он начинает ощущать себя в картонном, безжизненном, искусственном, ложном мире. Не случайно, генетики, такие, например, как Кеннет Блюм уже давно, с 1950-х годов обнаружили, что рождается все больше детей, которые от рождения не способны к переживанию счастья. Это связывается с синдромом дефицита удовлетворенности. Хотя такая позиция, на мой взгляд, не выдерживает критики, тем не менее, я признаю, что несмотря на объективное улучшение качества жизни значительной части населения планеты, субъективное переживание счастья и удовлетворенности жизнью у современного человека неуклонно снижается. Это я связываю с эпохой антропоцена. Интересно то, что независимо от генетиков, в частности, от Кеннета Блюма, химик Пауль Крутцен, лауреат Нобелевской премии, в свое время признал, что с 1950-х годов наступила эпоха антропоцена, когда человек своей активностью начинает существенно менять режим работы оболочек геосферы, существенно менять облик планеты. Эпохе антропоцена предшествовал период мощных социальных преобразований, получивший название модерн, для которого характерны: разрушение феодального и утверждение капиталистического общественно-экономического уклада, индустриализация и урбанизация.

С моей точки зрения, эпидемии депрессий и других психологических проблем и деформаций нашего времени — свидетельства серьезного гуманитарного неблагополучия, с которым надо что-то делать, вместе с мерами предотвращения экологической катастрофы. Прогнозы Всемирной организации здравоохранения, некоторое время назад предсказавшей, что к 2020 году депрессии выйдут на одно из лидирующих мест как причина утраты трудоспособности оказались обоснованными, хотя ВОЗ и специалисты в области психического здоровья пока еще всерьез не принимают во внимание экологические, точнее, экогуманитарные причины распространения разных психологических недугов, таких, в частности, как депрессия. Многие

из них, очевидно, связаны с ослаблением психологической связи человека с Землей, ее символическим измерением как генератором жизненных сил.

А.И.: Нельзя не вспомнить в этом контексте про такие стремительно распространяющиеся психологические, клинико-психологические феномены, как экологическое горе, экологическая тревога, соластальгия. Эти явления, судя по всему, получают широкое распространение, но пока привлекают к себе явно недостаточное внимание со стороны ученых. Хотя они кажется уже получают отражение в СМИ. В новостях BBC в апреле 2020 г. была опубликована статья, посвященная климатическому горю, а в октябре 2020 г. газета «Guardian» разместила статью о соластальгии.

В.Р.: Да, действительно, феномены экологического горя, экологической тревоги и соластальгии отражают явную тенденцию нарастания психологического неблагополучия населения, вместе с деградацией экосферы и нашей душевной связи с планетой, ее символическим измерением. Наряду с экологическим ущербом вследствие экологического кризиса, нарастает ущерб психологический. Помимо исчезновения флоры и фауны, потери жизненных пространств для животных, люди утрачивают привычный образ жизни, личную идентичность, веками формировавшуюся в отношениях с ландшафтами как не только физическими, но генеративными символическими средами. Экологическое горе — это эмоциональная реакция на такие потери, включая потерю видов, экосистем и значимых ландшафтов из-за острых или хронических

изменений окружающей среды. Экологическое горе таким образом является естественной реакцией на экологические утраты, особенно у тех людей, которые до последнего времени стремились сохранить тесные связи с природной средой и придавали этой связи повышенное значение. И это не только люди, занимающиеся сельским хозяйством, и представители коренных народов, но и многие другие, обладающие способностью чувствовать мир живой природы, любоваться им и ценить его как источник физического, эмоционального и духовного обновления.

Горевание — это большая внутренняя работа, которую выполняет душа, извлекая, некогда сделанные ею вложения, в представления о собственном будущем, в ситуации, когда оно становится недостижимым. После того, как эта работа будет завершена, душа должна вновь инвестировать себя в образ нового будущего. Если это невозможно, горе становится патологическим. Отказ от осознания и переживания может являться причиной удлинения сроков горевания, его перехода в патологическую форму, проявляющуюся, в частности, как соматические заболевания или депрессии.

Мы наблюдаем, как многие больные, страдающие депрессией, психосоматическими заболеваниями, получают облегчение во время контакта с первозданной природой. Как правило, это сопровождается слезами и гореванием о чем-то необъяснимом, утраченном. Особенно это проявляется во время медитативных контактов с дикими животными, которые мы организуем (волчьей стаей, или дельфинами в естественных условиях). Это позволяет сделать предположение, что психологическое неблагополучие этих людей во многом является результатом неосознаваемого экологического горя.

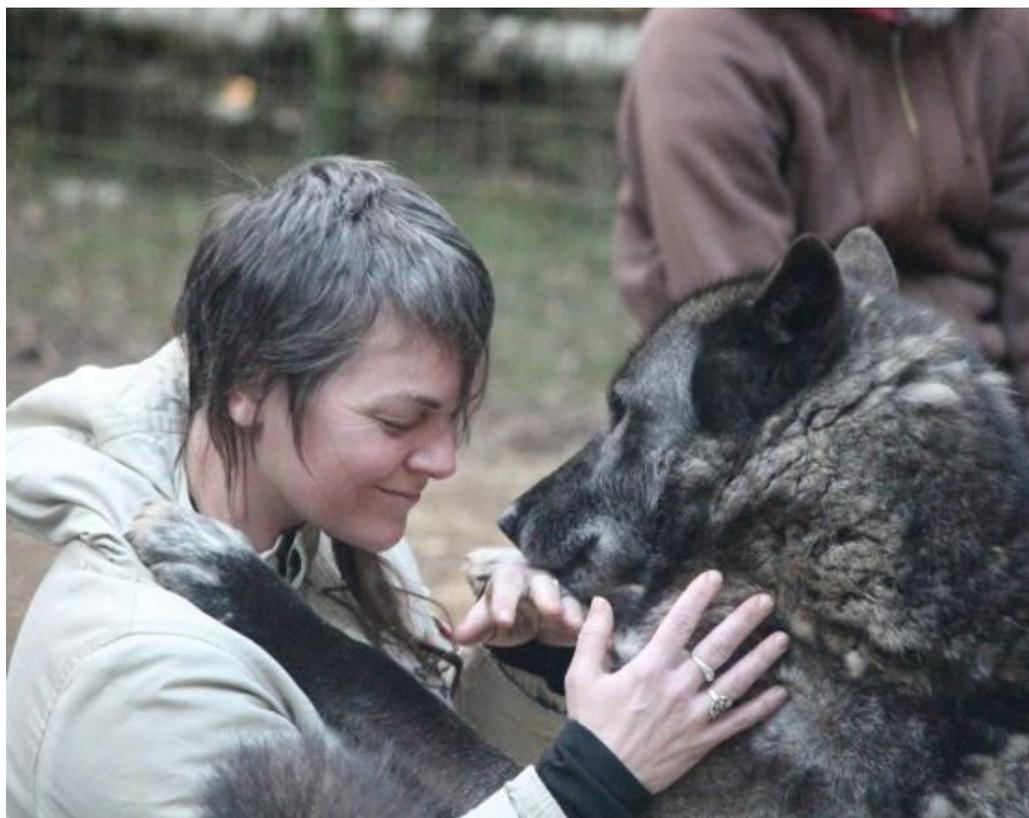

Фото 1. Экопсихологический тренинг «Один день в стае с волками» (фото В. Рябикова)

Фото 2. Экопсихологический тренинг «Один день в стае с волками» (фото В. Рябикова)

А.И. *Вместе с явными экологическими физическими утратами, связанными с исчезновением видов, ландшафтов и экосистем, изменением погодных условий, нарушением привычного образа жизни или потерей средств к существованию, современные люди все более остро могут переживать утраты, являющиеся следствием деградации, ослабления их жизненно важных навыков общения с миром природы как формы живого диалогического взаимодействия с природой как такой системой, в отношениях с которой человек образует единую форму жизни, и с которой он идентифицируется, формируя свою экологическую идентичность. Психологи в последнее время очень много говорят, например, о важности эмоционального интеллекта в жизни человека, для его успешной социальной адаптации. Эмоциональный интеллект действительно очень важен, но экологический интеллект — способность чувствовать и понимать мир природы и участвовать в его жизни, поддерживая его и, вместе с ним, исцеляя и поддерживая самих себя — это то, что, наверное, может смягчить переживание экологического горя, экологической тревоги и солстальгии и по возможности воздействовать на сами источники возникновения этих переживаний. Каким образом мы можем восстановить целостную связь с миром природы, ее символическим измерением, помогая себе сохранить душевное и физическое здоровье и помогая миру природы?*

В.Р.: Я, например, делаю это, проводя экопсихологические тренинги, создавая психгеографическую музыку, приобщаясь к таким видам активности, которые связаны с геопоэтикой. Геопоэтика — это тренд. Сначала это был литературный метод Кеннета Уайта, который в конце концов обрел характер культурной тенденции. Через разные виды творческого взаимодействия с природным ландшафтом геопоэтика развивает целостное

непрагматическое восприятие мира природы, нашей связи с Землей, а также способствует преобразованию этих переживаний с эстетические, художественные, музыкальные образы. Геопоэтическое мироощущение, наряду с другими мерами, может привести человека к новым, бережным, духовным отношениям с миром природы.

Геопоэтика иногда противопоставляется геополитике. Если геополитика рассматривается как форма освоения пространства, основана на властном усилии, то геопоэтическая форма освоения пространства связывается с усилием интеллектуальным, эстетическим. Это не только создание образов, но и практика освоения пространства, создание антропогенных ландшафтов, с учетом их символического измерения. В целом, геопоэтика на сегодняшний день реализуется как художественно-эстетические практики, прежде всего, связанные с созданием литературных текстов.

Для меня это практика музыкальных интервенций в среду, в географическое пространство. Она сложилась в условиях морской арктической комплексной экспедиции Института культурного и природного наследия как попытка помочь путешественнику усилить, амплифицировать его переживание ландшафта, вызванное его созерцанием во время путешествия. Эта практика музыкальных интервенций позволяет путешественнику снять ограничения, связанные с психологическим, культурно-эстетическим освоением ландшафта. Помогает ему передавать свои чувства, становится выразителем уникальных природных и символических свойств конкретного места.

В экспедициях мной использовалась музыкальная рабочая станция, компьютер, содержащий банк тембров. На практике взаимодействие с ландшафтом предполагало подбор определенного рода звуков, которые должны были вызывать определенные глубинные интерактивные резонансы с ландшафтом. Просто так навязать пространству какое-то звучание невозможно. Если, например, говорить об Арктике, то это пространство настолько наполнено каким-то особым качеством, что его невозможно не чувствовать. В выборе тональности, интонации, звука, музыкальных красок я проявляю трепетное

отношение к ландшафту, пытаюсь передать эти свойства арктической среды. Мне очень не хочется нарушать гармонию места. Когда

ты ищешь звуковые резонансы с ландшафтом, у тебя должен быть богатый арсенал звуков, чтобы попасть в нужную волну.

Фото 3. Экспедиция «Плеск вечности». Полевая студия звукозаписи (фото В. Рябикова)

Во время первой арктической экспедиции у меня появилась целая галерея таких музыкальных образов, которые обозначались временем и местом их появления. Это и было начало появления психеографической музыки. Это та самая музыка, которая рождается здесь и теперь, в тот момент, когда композитор-медиум находится в состоянии медитативного созерцания ландшафта, пребывает во власти тех психических сил, которые пробудились, пришли в движение в результате медитативного созерцания ландшафта. Таким образом, автором психеографической музыки становится не только

и не столько сам композитор, сколько «дух места», который в данный момент здесь существует. Полученные таким образом музыкальные образы используются, в том числе, уже и на берегу, в терапевтическом кабинете как своего рода «посредники», медиаторы с теми духовными, психологическими состояниями, переживаниями, теми психическими силами, которые были пробуждены когда-то. То есть такая музыка — это своего рода способ привлечь целебные природные силы и их психические эквиваленты в нашу повседневную реальность, в пространство города.

Фото 4. Экспедиция в Арктику. Архипелаг Шпицберген (фото В. Рябикова)

Фото 5. Экспедиция «Арктика: территория открытий». Река Лена. Ленские столбы (фото В. Рябикова)

Фото 6. Древняя дорога в святилище «Сердце Земли» индейцев Коги (фото В. Рябикова)

А.И.: Я вижу явное созвучие геопозитической платформы характерной для нашего журнала экогуманитарной концепции экопоэзиса. Экопоэзис рассматривается нами как фактор коэволюции и сотворчества природы и человека, образующих единую систему «Природа — Человек». Экопоэзис обозначает то, что, осваивая и создавая для себя жизненную среду, человек выступает не только в качестве субъекта социума и культуры, но и «экологического субъекта», способного заботиться о своем «земном доме» и, выражаясь словами М.М. Бахтина, передавать в формах искусства «выразительное и говорящее бытие» природного мира. Ты часто используешь выражение «символическое измерение» ландшафта. Что оно означает? Это то, чем ландшафт

наделяет человек — своими смыслами, состояниями, историями — или это то, что может существовать независимо от человека, как некий трансцендентный феномен? Судя по тому, что я уже услышал, ты полагаешь, что взаимодействие с символическим измерением ландшафта включает в себе значительный целебный, гармонизирующий потенциал.

В.Р.: Мы не можем однозначно сказать, обладает ли природный ландшафт своей собственной субъектностью или он лишь отражает те психические феномены и свойства, которыми его наделяет человек. Как сторонник глубинной архетипической психологии, а также концепции субъектпорождающего взаимодействия человека с жизненной средой, развиваемой В.И. Пановым, я склоняюсь к идее о том, что психика — это не только и не столько то, что является продуктом деятельности головного мозга человека, а тем,

что возникает во взаимодействии субъекта и среды, которые вместе формируют единую систему. Психическая организация человека имеет опору на архетипические упорядочивающие силы, пробуждающиеся в нем во время субъект-средовых взаимодействий, в частности, при и взаимодействии с природным ландшафтом. Эти упорядочивающие архетипические силы, заключенные в природе и человеке как их генеративные потенциалы, сопровождали биологическую и социально-культурную эволюцию человека в неразрывной связи со средой его обитания на протяжении всей истории его существования. Эти силы обеспечивают системную согласованность всей совокупности психических процессов живого существа с подвижной, текучей реальностью мира. Человек вплетен в великую сеть жизни не только телесно, но и ментально.

Естественная среда обитания содержит в себе системные факторы, которые активизируют связи между сознанием погруженного в нее человека, и глубинными, упорядочивающими, архетипическими силами его бессознательного. Эти системные факторы могут обладать видимой наглядностью, но их сила, по большей части скрыта от непосредственного наблюдения, приборной или аудио-видео фиксации. Она является результатом системного взаимодействия человека с окружающей его экологической системой и планетарной жизнью в целом. Человек как часть природы и вместе с природой создает разумный, культурный «слой» планетарной жизни, генерирует и выражает свою собственную субъектность и субъектность планеты. Этот культурный слой планетарной жизни образует, кроме литосферы, гидросферы, педосферы, биосферы, магнитосферы, ионосферы, еще одну оболочку геосферы Земли — имагосферу (imaginosfera).

А.И.: Наше взаимодействие с «символической вселенной» природы имеет жизненно важное значение, и не только для нашего ментального здоровья, но и сохранения и «здоровья» планеты. Я понимаю, что в своей практической деятельности как психолог, ведущий экопсихологических тренингов, как музыкант, создающий

псигеографическую музыку, ты обращаешься, прежде всего, к архетипическим силам «экологического бессознательного», если воспользоваться понятием Теодора Росзака, наполняющим и нашу внутреннюю природу, и окружающий нас природный мистериум.

В.Р.: Да, это действительно так. Экологические основания архетипической психологии являются для меня принципиально значимыми. Это связано с признанием того, что архетипы как универсальные врожденные силы, организующие и направляющие психическую деятельность и проявляющиеся в образах сновидений и фантазий, творениях духовной культуры всех времен и народов, являются, в то же время, универсальными механизмами, с помощью которых происходит соотношение наших внутренних потребностей как субъекта и биологического вида с потребностями среды.

Однако, целебные, регулятивные возможности архетипа не проявляются сами по себе, когда, например, мы погружаемся в природный ландшафт. Многие определяется нашей активностью как субъектов, вступающих в определенные формы взаимодействия со средой. В соответствии с представлениями архетипической психологии, начинающий рождаться в момент настройки на среду ее живой символ требует определенного отклика в виде переживания, визуализации, диалога, его выражения через поэзию и иные литературные формы, музыку, визуальные образы и телесные реакции. Возможны разные виды медитативной ландшафтной практики, позволяющие использовать разные виды взаимодействия с физической и символической средой ландшафта. В процессе творческого взаимодействия со средой личность как осознающая себя часть природного универсума дифференцируют и выражает различные субъектные составляющие своего опыта и, в то же время, соединяют их в единый образ «Человек — Природа», вносит их в культуру, в ноосферу.

А.И. Большое спасибо, Вадим. Твои опыт и идеи в полной мере соответствуют той идеологии и ценностям, которые отстаивает наш журнал.

Примечание:

Образцы психогеографической музыки, созданной Вадимом Рябиковым, представлены на сайте Пси-география (<http://psy-geography.ru>) — <http://psygeography.ru/psi-geograficheskaya-muzyka>.

Интервью взял:

Копытин Александр Иванович — доктор медицинских наук, профессор, кафедра психологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования (Санкт-Петербург, РФ).

Ссылка для цитирования

Копытин А.И. Интервью с Вадимом Рябиковым // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Kopytin A. An interview with Vadim Ryabikov // Ecoipoiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2022. — Vol. 3, № 1. — URL: <http://ecopoiesis.ru>.

Интервью с Оразом Абулхаиром

Аннотация Потомственный шаман, психолог Ораз Абулхаир дал интервью нашему журналу, рассказав о своей практике шаманизма, творчестве и их связи с природой, о поисках универсальных ценностей в эпоху глобализации и своем стремлении сохранить связь с духовными традициями своего народа.

Ключевые слова: шаманизм, природа, экологическое движение.

Краткая справка об интервьюируемом

Ораз Абулхаир — шаман, психолог, художник, использующий цифровые медиа. Психологическое образование получал в Карловом Университете (Прага) и Университете при МПА ЕврАзЭС (Санкт-Петербург). В настоящее время работает корпоративным психологом в IT-компании (Москва), параллельно совмещая эту работу с ведением индивидуальной психологической практики. С раннего детства обучался ремеслу шамана под наставничеством своей бабушки. Активный участник экологического движения «Защитим Кок-Жайляу» (Алматы).

Александра Дворникова (А.Д.): *Ораз, не мог бы ты немного рассказать о себе: кто ты, чем занимаешься, каков круг твоих интересов?*

Ораз Абулхаир (О.А.): Привет, меня зовут Ораз Абулхаир, мне 35 лет, родом из Казахстана, коренной алматинец. У меня очень много занятий, потому при первом знакомстве с кем-нибудь, ответ на этот вопрос вызывает смешанные реакции.

Во-первых, я являюсь потомственным шаманом. При этом дар шамана иногда «прыгал» в роду через поколение или даже два, поэтому ремесло шамана не было непрерывной линией, скорее напоминая пунктирную.

Во-вторых, я дипломированный психолог, в этом году состоялся мой первый профессиональный юбилей психотерапевтической деятельности. Помимо частной практики, я работаю корпоративным психологом в московской IT-компании.

В-третьих, я современный художник, использующий цифровые медиа, провёл персональную выставку в Санкт-Петербурге и участвовал в двух общих. Правда из-за множества дел, у меня не хватает времени закончить несколько новых арт-проектов, но несмотря на это, цифровое искусство — неотъемлемая часть моей повседневной жизни.

В-четвёртых, я путешественник. В XXI веке настоящие путешествия становятся чем-то редким, с налётом романтики, а 2020 год кажется поставил эту мою сторону жизни на паузу, но я верю, что в будущем вновь отправлюсь со своим рюкзаком в неизвестные дали. Самым ярким опытом я считаю прохождение паломничества Камино де Сантьяго, когда за 10 дней я прошёл 274 км.

В-пятых, я таролог. Первая колода, на которой я гадаю до сих пор, появилась 23 года назад. Это был подарок моей бабушки, которая меня всему и обучила.

А.Д.: Являясь потомственным преемником древней традиции, ты позиционируешь себя как современного шамана. Насколько я знаю, академическое образование также не прошло мимо тебя и твоих предков и, кроме того, ты имеешь обширные знания в области глубинной и архетипической психологии.

Мог бы ты пояснить как это все совмещается в твоём сознании? Как такие архаические практики, как шаманизм, следуют в ногу с современностью, дополняя научные и культурные представления о реальности?

О.А.: Всё верно, я изучал психологию в Карловом Университете в Праге, где мне повезло быть учеником профессора Jaro Křivohlavý — выдающегося восточноевропейского учёного, психолога и писателя. Он изучал психологию здоровья, экспериментальную психологию и логотерапию. В беседах с ним после лекций я перенимал любовь к гуманистической психологии, основная идея которой — помочь человеку обрести смысл жизни. Именно этот момент и является одним из первых мостиков к древним практикам моей семьи. Но начало всему положила моя бабушка, она преподавала ботанику в сельскохозяйственном институте (Алма-Ата, КазССР). Она не только обучила меня шаманскому ремеслу, но и привила недоверие к любым новым эзотерическим знаниям, так как опасно принимать на веру непроверенную информацию, сначала ее необходимо проверить.

Вообще, когда я говорю, что моя бабушка была шаманкой, то все почему-то представляют карикатурную старуху в шкурах посреди дремучего леса, в то время как моя бабушка вместе с дедом-академиком, являли пример людей от науки. Они сочетались браком в Ленинграде, все дети продолжили династию университетских преподавателей, но в тайне ото всех к бабушке продолжали ходить за «помощью», и также в тайне ото всех она обучала меня.

Теперь что касается того, как «архаические практики» следуют в ногу со временем. Стоит начать с понимания того, что в основе шаманизма лежит вера в то, что всё окружающее имеет душу, либо её подобие, скажем, «энергию». Всё взаимосвязано, в том числе и мы, но мы, люди, вовсе не являемся «венцом творенья». Ключевая роль здесь у самой взаимосвязи. Эти взаимосвязи не разрушаются даже после смерти.

Естественно, данные взаимосвязи практически никогда не бывают в идиллическом «гармоничном» состоянии, поэтому порой они могут быть причиной деструктивных

событий в жизни человека, который в свою очередь обращаясь к шаману, просит его о помощи. Моя задача в таких случаях заключается в том, чтобы ощутить жизнь человека целиком, а это не только он сам, но и его взаимоотношения с близкими и окружающей средой, чтобы понять где есть тот самый

«блок», а главное что нужно сделать обратившемуся, чтобы он сам смог осознать свою ошибку или ошибку своих предков и впредь её не допускать, либо в последующем самостоятельно справляться с возникающими проблемами. Ведь последние являются неотъемлемой частью жизни.

*Наутро после празднования Верховным Ковеном праздника Самайн
(Каменное кольцо Эйвбери, Уилтшир, Англия, 2015 г.)*

Остров Ольхон, Байкал, 2017.

А.Д. *Что важного и ценного, на твой взгляд, шаманская традиция могла бы дать современному миру?*

О.А.: Самым главным, на мой взгляд, является мысль о том, что человек не является венцом всего. Мы лишь часть Целого, а потому должны поддерживать естественный ход жизни, Природу, ведь без неё сам человек существовать не сможет. Несмотря на все фантастические фильмы, показывающие людей живущих в далёком космосе, это фактически невозможно, потому что мы не можем без Природы, мы её часть. Весь наш культурный след и багаж являются следствием той среды обитания, откуда мы вышли и может быть применим лишь в схожем контексте, но уж точно не в пустом и холодном космосе. К сожалению, современный человек забыл ценность Природы, вспоминая о ней лишь в минуты отдыха, либо отчаяния; в другое же время люди не перестают разрушать то, частью чего являются, усугубляя экологический кризис.

К тому же древняя шаманская традиция до сих пор влияет на современный мир. Недавно произошла одна интересная ситуация — ко мне пришёл дух японской шаманки, она рассказала, что жила в XVII веке и была похоронена в Киото. Но самое главное, она показала мне, как танцует на берегу бушующего

моря и каждый раз, когда сверкала молния, она бросала в бушующие воды под грохот грома жемчужину. Так она задабривала богов и духов моря, чтобы они уняли свой гнев и пощадили людей.

Я тут же написал об этом своей ученице из Японии. Здесь стоит сделать пояснение, по всему миру (*буквально — Азия, Европа, Северная Америка, Россия) у меня есть множество учеников — молодых шаманов, которых ко мне приводят сами духи. Мизуки специально прилетела ко мне, чтобы пройти у меня инициацию, её бабушка была шаманкой, но она не смогла передать свои знания дальше. Увы это частая история повсюду. Моя ученица рассказала мне, что именно в этом месяце в Японии происходит множество наводнений из-за тайфунов с проливными дождями, которых обычно не бывает в это время года, из-за чего множество городов сильно пострадало, а жителям пришлось переселяться в безопасные места. Было очевидно, что дух древней шаманки вернулся, чтобы усмирить воду и защитить людей. Особенно интересно, что через некоторое время дух японской шаманки пришел ко мне вновь, показав обряд, который должна была сделать моя ученица, чтобы она смогла начать обучать её древним знаниям японских шаманов,

благодаря которым она сможет продолжить дело предков.

А.Д. Какие задачи решает современный шаман? Как протекают шаманские практики? Какова роль природы в этом процессе?

О.А.: Стоит коротко пояснить, в чём разница между современным и традиционным шаманизмом. Современный шаманизм включает в себя и современные техники, либо техники из других древних традиций, в то время как классический шаманизм остаётся исключительно внутри своей этнокультурной практики, что на мой взгляд является не лучшим выбором в эпоху, когда люди должны преодолевать различия и границы для объединения и совместного спасения нашей планеты.

Мой путь к современному шаманизму начался с подросткового протеста, когда я после обучения у бабушки решил уйти в науку, выбрав психологию и связывая своё будущее с нею. Но уже в процессе обучения я понял, что пути старые и новые не только параллельны, но и едины по своей сути, потому я начал пытаться модернизировать имеющиеся шаманские знания через психологические знания и техники. Получившийся симбиоз позволил мне добиться определённых значимых результатов, к слову, которые заметили «коллеги», потому пригласили на закрытое празднование Самайна в Круге Камней, в Эйвбери (Великобритания), в 2015 году.

Теперь о самом «процессе» и о задачах современного шамана. Современный мир лишь начал возврат к тому, что питает дух. Само это действие есть движение от обратного, когда окружающая действительность стала настолько холодной, что люди всё чаще пытаются найти что-то, что может их «согреть», обращаясь не только к своим корням, но и другим древним практикам. Я не вижу в этом ничего плохого.

Множество людей начинают изучать иные культурные традиции и использовать древние техники других народов. Это прекрасно, хотя я знаю, что изначальные носители множества древних практик относятся к этому негативно. Повторюсь, в XXI веке мы должны помогать друг другу, делиться знаниями, чтобы вместе делать наш мир лучше.

Жизнь человека, согласно идеям шаманизма, основана на связи всего со всем. В этом мире все взаимообусловлено. Утрата же подобной связи нарушает естественный ход событий, это может привести к катастрофическим последствиям. Вот именно с ними шаманы и работают.

Собственно жизнь современного шамана, как и просто шамана, складывается так, что его притянет туда, где есть какое-либо нарушение, до этого чаще всего он ощущает так называемый «зов», по которому уже можно понять, с чем он столкнётся в будущем. Природа же является источником нашей силы, мы её часть, а значит ощутив связь с нею, шаман переносится в прошлое через связь со всем вокруг, чтобы найти «начало» проблемы, чтобы попытаться решить её на духовном уровне. Этот способ является классическим, но я не уверен, что могу правильно описать его при помощи слов, так как сам процесс буквально является духовным переживанием, которое сложно описать логически.

Видео: 1 августа, горное плато Асы (2200 метров над у. м.), коллективный обряд вместе с сестрой, посвящённый «сбору урожая», т. е. смене сезонов Природы.

А.Д. Часто можно услышать словосочетания «место силы», «духи места». Что это такое? Возможно, ты мог бы объяснить эти понятия как с точки зрения традиции, так и с точки зрения современности.

О.А.: Земля и ее ресурсы, увы, сейчас воспринимаются лишь как источник дохода для алчных и недалёких людей. Природа, как я уже множество раз упоминал ранее, является общим домом для каждого, но даже в ней есть определённые места, где согласно легендам, можно почувствовать нечто большее. Большинство шаманов и других практиков по всему миру(!), занимаются тем, что исправляют упущения предыдущих десятилетий. Из-за множества печальных исторических событий очень многое было утеряно — знания, преемственность, места силы, а главное те самые взаимосвязи с природой и традиционной культурой, которые сейчас медленно, но верно восстанавливаются благодаря действиям таких, как я.

Урочище Бозжыра — горная гряда в Устыртском национальном заповеднике в Казахстане.

Приведу пример своей деятельности, связанной с охраной природных и культурных ценностей. Кем-то не очень умным было принято решение построить гостиницу с видом на Бозжыру — уникальное природное место, являющееся дном древнего океана. Активисты Западного Казахстана обратились за помощью к активистам Алматы, отстоявшим пару лет назад горное плато Кок-Жайляу. Я не знал всего этого, сам предложив помощь своей подруге, одной из лидеров движения «Защитим Кок-Жайляу», вместе с которой мы много лет назад и проводили обряд на горном плато для его сохранения.

В условленный день мы выехали с этой подругой в место, которое является для неё источником силы, и уже оттуда я отправился в духовное путешествие. Я подозревал, что негативная ситуация, из-за которой подобное величественное место решили застроить, не могла появиться просто так и я оказался прав. Я увидел целую историю, которая была мне показана его «хранителем». Люди с древних времён почитали его, стараясь лишний раз не тревожить, но в случаях, когда проходили через это место, оставляли

дары. Изначально он был лишь силой места, но позже там был с почестями похоронен некий древний полководец и эта сила вобрала его дух, потому она стала персонализирована, если так можно выразиться. То есть хранитель не является духом того полководца, но он приобрел множество его черт.

Те времена уважения к природе и духам остались давно в прошлом, люди забыли старые обычаи, а с недавних пор, начали вместо даров оставлять мусор. Вообще мир духов зависим от мира людей, потому без контакта с нашей стороны сами духи «истончаются». Именно поэтому «хранитель» предпочёл уйти из Бозжыры, видя разрушительные действия людей. Ситуация была патовая, и мне вместе с «коллегам» из Алматы и активистами Западного Казахстана потребовалось провести множество разных обрядов-подношений, чтобы остановить желание «хранителя» покинуть это место навсегда. Впоследствии было найдено решение, которое помогло остановить застройку территории. Но это лишь начало, маленькая победа, война же за спасение Природы продолжается до сих пор и не только у нас.

Обращение к духу-хранителю Алтая. Подножие горы Белухи, 2013.

А.Д. *Что ты думаешь об экологическом кризисе: что к нему привело, в чем его «урок», как обстоит ситуация сейчас, какие возможности его преодоления существуют?*

О.А.: На первую часть вопроса я могу ответить не как шаман, а как психолог. К экологическому кризису нас привёл сам человек, а именно наше эго. Выскажу непопулярную теорию, как среди активистов, так и среди моих «коллег» по ремеслу.

За всю историю человечества никогда не было никакого идиллического времени, потому все романтизации прошлого бессмысленны, жизнь человека никогда прежде не отличалась какими-то лучшими условиями, так как всегда существовала некая опасность — нечто угрожавшее жизни вне зависимости от того, кем являлся человек. Всегда существовала некая сила, которая угрожала человеку, она в чём-то похожа на смерть, перед которой все равны, но в данном случае я имею в виду что-то, что мотивировало человека делать выбор, а на весах была не только его жизнь, но и дух.

Раньше это могли быть войны, тираны, болезни, либо что-то ещё, в каждом историческом промежутке была своя лакмусовая бумажка для выявления лучших, либо худших качеств человека. В наше время есть своя лакмусовая бумажка, проявляющая лучшее и худшее в людях — экологическая катастрофа. Никто не отменял ужасов, которые продолжают происходить вокруг нас, ведь предыдущие «проявители» не исчезают до конца, продолжая своё «дело», добавляются лишь новые.

Человек последние десятилетия настолько пытается обезопасить себя, окружив комфортом, а именно пытаюсь закрыть глаза на плохое, что создал цивилизацию потребления, во главе с империей развлечений (ТВ, кино, Интернет и прочее), чтобы переключать внимание с того, что «неприятно» на то, что отвлекает и расслабляет. Да, это ловкий самообман. Именно поэтому появляется всё больше «проявителей», да они ужасны в своей реализации, но не даром говорят «не было бы счастья, да несчастье помогло». Именно таким новым способом заставить человека

сделать выбор к осознанности, является экологическая катастрофа, ведь ситуация такова, что условия жизни стали настолько ужасны, что человечество уже прижато к стене. Но такое уже было и прежде, хотя и в меньшей степени — эпидемии смертельных болезней прошлых веков.

Все это происходит, чтобы люди наконец-то поняли, что мы сильны лишь вместе. Я, как и другие практики, говорю о любви, об осознанной жизни, о взаимопомощи, о понимании, что простые действия могут привести к колоссальным изменениям. Нам сейчас как никогда нужно объединиться, принять мудрость прошлого, и при этом двигаться в будущее.

А.Д.: Ты являешься не только практикующим шаманом и психологом, но и художником, использующим современные медиа, в частности фотографию. Расскажи немного о своем творчестве.

О.А.: Да, я современный художник, основной мой инструмент — фотография и коллаж. На мой взгляд современный мир предоставляет бесконечные возможности для раскрытия творческого потенциала любого человека. Я осознанно не пользуюсь такими программами, как photoshop и прочие, использую лишь редакторы на своём телефоне, ведь за ними будущее.

Моя первая персональная выставка «В поисках Небесного Кочевья» была в Голицын Холле, она была посвящена 25-летию независимости родного Казахстана. Главной сюжетной линией была проблематика поколения моих сверстников, которые после множества исторических событий, будто бы зависли между землёй (*традиция и корни) и Небом (*желанием следовать за сердцем, в ногу со временем).

Голубая лента в их руках символизирует молитву обращенную к Тенгри — верховному божеству всех тюрков, в которой они просят указать им верный путь.

Работа из цикла «В поисках Небесного Кочевья»

Работа из цикла «В поисках Небесного Кочевья»

Но есть ещё и шаманы, которые помнят Старые Пути, потому прочно стоят на земле; именно из-за этого, они не способны легко

перестраиваться, т. е. лишены возможности парить вместе со всеми в новом времени. Эти образы воплотили мы с сестрой.

Работа из цикла «В поисках Небесного Кочевья»

*Работа из цикла «В поисках
Небесного Кочевья»*

Последние годы я работаю над новой серией работ под названием «WITCH», в которой я стремлюсь вернуть слову «ВЕДЬМА» изначальное значение — носительниц мудрости и тайных знаний, оберегающих людей.

Особенностью данной серии является то, что все модели являются в реальной

жизни моими «коллегами», т.е. носительницами Дара.

*«Весна» — работа из серии «WITCH».
Цифровой фотоколлаж*

«Весна» приносит богатые подарки всем, кто верит в любовь, в жизнь, полную изобилия и плодородия. Её время — Остара. Те, кто следует Старыми Путиями, приносят ей дары 21 марта, в день весеннего равноденствия.

*«Хозяйка Волшебного Двора».
Цифровой фотоколлаж*

Работа «Хозяйка Волшебного Двора» посвящена силе творческого воображения, которое не знает границ, позволяя пройти туда, откуда приходят мечты и идеи.

А.Д. Есть ли у тебя некое послание или напутствие к читателям напоследок?

Я всегда задаю себе один вопрос: — Какой след я оставлю после себя?

Этот вопрос является отличным фильтром, позволяющими убрать всё лишнее, он напоминает мне ценность каждого прожитого дня. Ведь я понимаю, что каждый день стою перед выбором, но выбор этот не между хорошим действием или плохим, он между жизнью наполненной смыслом, либо — жизнью, связанным с движением по пути наименьшего сопротивления, когда ты ничего не решаешь, а просто плывешь в общей массе.

Ответ на этот вопрос не оставляют места для лжи самому себе и другим, но позволяет быть по-настоящему свободным внутри. Рассуждая над ответом понимаешь, что ценность жизни в том числе и в умении научиться наслаждение ею в полной мере.

Да, я шаман, я помогаю людям, также борюсь за спасение Природы доступными мне способами, но при этом не отказываю себе во встречах с друзьями, приключениях, реализации своих проектов, и многом другом. Раз мы пришли в этот мир, то стоит постараться пройти этот путь с достоинством и радостью, по возможности делаясь своим теплом с каждым встреченным человеком. Ведь это тепло продолжит свой путь в сердцах людей дальше, даже когда тебя самого уже не будет.

Интервью взяла:

Дворникова Александра Викторовна — художник, арт-терапевт (Санкт-Петербург, РФ).

Ссылка для цитирования

Дворникова А.В. Интервью с Оразом Абулхаиром // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. — 2022. — Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. — URL: <http://ecopoiesis.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

Все элементы описания необходимы и соответствуют ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка» (введен в действие 01.01.2009). Дата обращения [в формате число-месяц-год = чч.мм.гггг] — дата, когда вы обращались к документу и он был доступен.

Dvornikova, A.V. An interview with Oraz Abulkhair // Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice. — 2022. — Vol. 3, № 1. — URL: <http://ecopoiesis.ru>.

Раздел

Новости и события

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДИКОЙ ПРИРОДЫ «ЗОЛОТАЯ ЧЕРЕПАХА»

Президент международного фестиваля дикой природы «Золотая Черепаха», основатель благотворительного фонда «Мой экватор», мастер-дайвер SSI, подводный фотограф Андрей Сухинин и врач-психотерапевт, руководитель центра иммерсивной психологии «Clever Point», директор информационно-практического учреждения Центр поддержки материнства и детства «МамСтарт» (Минск, Беларусь) Наталья Навроцкая дали интервью нашему журналу, рассказав о международном фестивале дикой природы «Золотая черепаха».

Александр Копытин (А.К.): *Международный фестиваль дикой природы «Золотая черепаха» — масштабный эколого-просветительский проект с 16-летней историей, направленный на сохранение природы через искусство. Миссия проекта — способствовать развитию экологического сознания и природосообразного образа жизни. Творческие работы участников позволяют зрителям по-новому увидеть красоту мира природы и задуматься о его сохранении. Расскажите пожалуйста о том, как проект возник и как он развивался за время его существования.*

Андрей Сухини (А.С.): Проект стартовал в 2006 году как локальный конкурс природной фотографии. В то время он был представлен в основном российскими авторами. Позже в конкурсную часть были добавлены жанры «Живопись» и «Эко-плакат», и за первые 10 лет своего существования Золотая Черепаха приобрела международную известность в рамках профессионального сообщества фотографов и художников-анималистов. В 2016 году были пересмотрены цели и стратегия проекта, формат был расширен за счет большого блока мероприятий научно-популярной и эколого-просветительской направленности, программ для детей и слабовидящих людей, разнообразных уличных форматов и крупных международных инициатив. На сегодняшний день конкурсная часть проекта представлена 25 000 авторами из 146 стран мира с пяти континентов. Партнерами проекта являются Правительство Москвы, Всемирный фонд дикой природы, Русское географическое общество, Фонд «Дальневосточные леопарды». Проект поддерживается Фондом президентских грантов. Таким образом, фестиваль «Золотая Черепаха» трансформировался в один из крупнейших фестивалей дикой природы в мире.

Фото 1. Творческая встреча Андрея Сухинина с молодыми эко-активистами, лидерами движения Золотые Черепашки (Фестиваль «Золотая Черепаха», ноябрь 2021)

А.К.: На фестивале представлена главным образом фотография. Хотя в некоторых его номинациях также участвуют плакаты и живописные работы, «Золотая Черепаха» — это проект мирового уровня, прежде всего, в области профессиональной фотографии дикой природы. Считаете ли вы, что фотография обладает в современном мире особыми возможностями для продвижения экологической повестки дня и экологических ценностей? Как вы можете охарактеризовать ее роль в широком спектре современных медий, связанных с искусством?

А.С.: Во всем мире существует большое количество организаций, формирующих экологическую повестку довольно стандартным набором подходов

и технологий — от конференций и эко-форумов до масштабных волонтерских инициатив, от продвижения экологических товаров и услуг до внедрения безотходных и безопасных методов производства. «Золотой Черепахе», на мой взгляд, удалось найти свой, во многом уникальный, подход к продвижению экологических ценностей. Воздействие на чувства и эмоции людей через позитивную энергию творчества, пожалуй, один из самых доступных и эффективных каналов для вовлечения людей в природоохранную деятельность, развития в них способности видеть красоту природного мира и понимать его жизнь и связь с человеком. Мы используем социальные и культурные коды, понятные каждому человеку на любом континенте, чтобы сказать о нашей общей цели — сохранении экосферы нашей планеты для будущих поколений. Поэтому ценность жанра фотографии дикой природы сложно переоценить.

Фото 2. Евгения Тимонова (натуралист, популяризатор науки, автор и ведущая программы «Всё как у зверей») читает лекцию о поведении животных московским школьникам (Фестиваль «Золотая Черепаха», ноябрь 2021)

Фото 3. Аниматоры проводят интерактивные занятия для детей (Фестиваль «Золотая Черепаха», ноябрь 2021)

А.К.: В рамках фестиваля проводятся тематические лектории, творческие конкурсы и образовательные программы художественно-эстетической направленности, разнообразные интерактивные мероприятия, позволяющие посетителям выставок не только получать информацию, связанную с экологической ситуацией, но и выражать свою позицию и вовлекаться в полилог, участвовать в обсуждении актуальных вопросов жизни современного человека в его неразрывной связи с миром природы. Не могли бы рассказать об этой составляющей фестиваля? Каков спектр разных форм презентационной активности и какие ее темы вызывают у посетителей наибольший интерес?

А.С.: Традиционной для фестиваля «Золотая Черепаха» является образовательная

программа, направленная на фотографов всех уровней, от начинающих до опытных профессионалов. Этой целевой аудитории фестиваль предоставляет самые широкие возможности для общения и обмена опытом.

Другим примером просветительской составляющей фестиваля является масштабная образовательная программа для детей «Золотые Черепашки», направленная на формирование экологического сознания и экологической культуры подрастающего поколения через создание лиги молодых эко-активистов. Авторы самых перспективных проектов экологической направленности получают поддержку в их реализации.

Но самым ярким открытием прошедшего сезона стали смешанные форматы презентационных инициатив с участием успешных фотографов и представителей научного сообщества, биологов и зоологов. Похоже, и здесь мы нашли свой авторский подход, который будем тиражировать уже начиная со следующего сезона.

Фото 4. Михаил Коростелев (известный подводный фотограф, многократный победитель международных фотоконкурсов) читает лекцию об особенностях подводной съемки крупных морских млекопитающих (Фестиваль «Золотая Черепаха», ноябрь 2021)

Фото 5. Иммерсивные программы для самых маленьких. Современные компьютерные технологии позволяют «оживить» детские рисунки (Фестиваль «Золотая Черепаха», октябрь 2019)

А.К.: Проект «Золотая Черепаха» имеет творческую основу на всех его этапах — от организации и проведения творческих конкурсов и образовательных программ художественно-эстетической направленности, до оформления выставочных пространств и способов представления художественного материала. Что нового и оригинального, способствующего успеху мероприятия и реализации его миссии, вы могли бы назвать в части его организационной, презентационной и дизайнерской составляющей?

А.С.: Мы выбрали синхронную модель управления проектом, полностью отказались от лишней бюрократии. Работа в команде строится не на инструкциях и регламентах, а на мощной позитивной энергетике всех членов, охваченных единым творческим порывом. Это обеспечивает проекту высокие темпы роста, недоступные для всех других моделей управления.

Начиная со следующего сезона, мы планируем экспериментировать с новыми форматами подачи нашего контента, позволяющими посетителю не просто созерцать творческие работы, но и взаимодействовать с ними. Здесь нам на помощь приходят новые технические решения, в том числе технологии дополненной реальности.

А.К.: В начале 2022 г. года фестиваль будет впервые представлен в Беларуси, в Минске. Правильно ли я понимаю, что это будет один из первых примеров организации выставки фестивальных работ за пределами России? Что вы также могли бы сказать о международном резонансе проекта, участии зарубежных авторов фоторабот и картин, международных организаций?

А.С.: Самой яркой и масштабной инициативой фестиваля «Золотая Черепаха» за пределами России стала выставка «Планета Земля. Хрупкое совершенство» в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в допандемийном 2019

году. Очень символично, что ее открытие состоялось 22 апреля в Международный день Земли.

Выставку в Минске мы планируем провести не в самое простое для наших стран время, поэтому в этот раз мы постараемся избежать дополнительного международного резонанса. Вход на выставку будет абсолютно бесплатным. Пусть она станет просто хорошим добрым подарком для жителей столицы Беларуси.

А.К.: *Каковы планы развития проекта на будущее?*

А.С.: Уже в следующем году мы планируем реализовать масштабное роуд-шоу по 11 крупнейшим городам России, сезон Фестиваля 2022 в Москве провести в новом для себя формате, реализовать крупный эколого-просветительский проект в школах Москвы. Если же говорить о более дальних перспективах, то мы планируем углублять экологическую повестку, программы для детей, привлекать к сотрудничеству новых партнеров, разделяющих наши базовые ценности — Природа, Свобода, Творчество.

А.К.: *Насколько мне известно, в работе фестиваля в Минске в 2022 году в рамках его эколого-просветительского направления впервые будет уделено внимание исследованию и формированию экологической культуры в ее тесной связи с задачами сохранения психологического здоровья на основе применения экопсихологического подхода. Не могли бы рассказать об этой составляющей фестиваля?*

Наталья Навроцкая (Н.Н.): Действительно, в дни работы выставки мы планируем провести ряд открытых мероприятий, позволяющих формировать экологическую культуру и поддерживать здоровьесберегающие навыки, основанные на контактах с миром природы. Это планируется сделать путем опроса посетителей и их вовлечения в практико-ориентированные мастер-классы, реализующие идеи и технологии экопсихологического подхода. Наша задача при этом состоит в том, чтобы показать тесную взаимосвязь между отношением людей к природе и состоянием их здоровья и психоэмоционального благополучия,

содействовать распространению здоровьесберегающих практик и технологий на основе альянса природы и искусства, в частности, художественной фотографии.

Сегодня жизнь человека наполнена стрессогенными событиями, которые оказывают негативное влияние на его психическое и физическое здоровье. Одним из таких событий является пандемия Covid-19. Известно, что общение человека с природой способствует улучшению психоэмоционального состояния, повышает сопротивляемость стрессам и повышает качество жизни. Как создание, так и восприятие фотографий живой природы, наряду с другими видами субъект-средовых взаимодействий, может рассматриваться как фактор сохранения здоровья и, одновременно, формирования экологической культуры.

В рамках Фестиваля мы планируем провести не только открытые мастер-классы для всех желающих, но и обучающий семинар «Искусство и природа в интересах охраны здоровья человека и жизненной среды» для специалистов сферы психического здоровья, знакомя их с современными здоровьесберегающими технологиями, основанными на теории и практике экопсихологии и экотерапии.

Другой мастер-класс — «Узнай свою дикую природу» — будет посвящен нейрофизиологическим основам экопсихологии. В рамках этого мастер-класса с демонстрацией биологической обратной связи в виртуальной реальности будет показано, как организм и психика реагируют на природные объекты и ландшафты. Также будет проведено обучение основам релаксации, с учетом этих реакций. Участники смогут убедиться в том, что погружение в природную среду оказывает благотворное влияние на психоэмоциональное состояние человека, и узнать, как эти знания могут быть использованы в процессе оказания психологической помощи и проведения психопрофилактических мероприятий.

Интервью взял:

Копытин Александр — доктор медицинских наук, профессор, кафедра психологии Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования

